

СИБИРИАДА

АЛЕКСАНДР
ЧИНЕНКОВ

По ту
сторону
жизни

Сибиряда

Александр Чиненков

По ту сторону жизни

«ВЕЧЕ»

2015

Чиненков А. В.

По ту сторону жизни / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Сибириада)

Много испытаний выпало на долю Кузьмы Малова в начале века, но они оказались пустяком по сравнению с тем, что предстояло пережить бывшему судебному приставу. На календаре – конец 1930-х годов, время массовых репрессий, и Малову вместе со всей страной придется пройти сквозь это жестокое время, а затем – воевать на фронтах Великой Отечественной. Между тем рядом с Кузьмой снова появятся давний враг и старый друг. В бешеном круговороте событий Малов, казалось бы, уже потерявший всех родных, вдруг найдет сына, о котором ничего не знал много лет. А может, история с сыном – всего лишь циничная выдумка двух опытных аферистов?..

© Чиненков А. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	77
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Александр Чиненков

По ту сторону жизни

Часть первая

Эскулап

1

В приёмной райкома было много народу, но Антон Мартынов чувствовал себя одиноко, потому что остальные посетители пришли сюда совсем по другим вопросам. Если б Антон мог, то не явился бы, но его вызвали, и теперь он спрашивал себя: «Зачем меня вызвали? Что не так?»

Он был кандидатом в члены ВКП(б), а в райком вызывают только тех кандидатов, в отношении которых есть какие-то сомнения. Обычно решение о приёме кандидатов в партию принималось на уровне парткома, который отправлял все данные на новичков в райком, а в ответ приходила бумага с подтверждением и свеженькие партбилеты.

подавая документы на вступление в ВКП(б), Антон думал, что так всё и будет – просто и легко. В этом его убеждали и начальник цеха, и парторг, но оказалось иначе. С Антоном захотели «побеседовать».

И вот дверь в кабинет председателя райкома открылась; незнакомый человек строго велел Мартынову заходить.

Председатель сидел за главным столом, а остальные члены бюро райкома – за другим столом, торцом приставленным к главному, так что в результате образовалась буква «т».

Мартынов стоял посреди кабинета и шурился от потока солнечного света, бьющего в лицо. Кандидат ожидал каверзных вопросов, но вопрос прозвучал самый простой:

– Кем работаешь и в каком цехе?

– Чего? – округлил глаза Мартынов.

– Ты отвечай на вопросы, каковые задают, товарищ, – нахмурил брови председатель. – Мы хотим лично от тебя услышать, что ты за фрукт и с чем тебя едят.

Антон покраснел до корней волос:

– Я кузнец из РМЦ, товарищи...

– В каком году поступил на завод? – последовал вопрос кого-то из членов бюро.

– В двадцать пятом, – ответил Мартынов.

– Ты здешний, питерский? – прозвучал вопрос слева.

– Нет, я приехал в Петроград с Урала.

– Уточни откуда? Урал большой, так ведь?

– Из Екатеринбурга.

– Кем работал там?

– Как и здесь, кузнецом на заводе.

– Ты и родился в Екатеринбурге?

Мартынов продолжал удивляться:

– Да... Если хотите, можете проверить.

Вопросы следовали один за другим, и Мартынов отвечал на них. Он не видел, с кем говорил, избегал смотреть партийцам в глаза – просто отвечал и всё.

Вдруг наступила пауза. Антон поднял глаза и наконец позволил себе взглянуть в лица тех, кто сидел за столом. Тогда Мартынов и заметил, что с краю примостился некий человек с худым морщинистым лицом и узкими плечами, который смотрел на Антона особенно внимательно.

– Тебе сколько было лет во время Гражданской войны? – спросил этот человек, который, казалось, хотел просверлить Мартынова взглядом.

Антон замешкался с ответом, но быстро взял себя в руки.

– Тридцать восемь, – ответил он.

– Воевал?

– Нет, не пришлось.

– А почему?

– Работал на заводе.

– Выходит, тебе была безразлична судьба революции?

– Тогда я не думал об этом, – ответил Мартынов, краснея.

– А сейчас, стало быть, ты поменял своё мнение? – наседал незнакомец.

– Да, я прозрел, – ответил Мартынов, сглотнув.

– Глядя на твое богатырское сложение, можно поверить, что ты работаешь кузнецом, – усмехнулся незнакомец. – А вот твоя биография мне кажется недостоверной. Я гляжу на тебя и представляю одетым в мундир белогвардейского офицера или... судебного пристава, например?

Мартынов побледнел, растерялся и облизнул кончиком языка пересохшие губы.

– Я что-то не понимаю вас, товарищ...

– Рахимов, – продолжил незнакомец, ухмыляясь. – В годы Гражданской войны боролся в подполье с белогвардейцами и интервентами. Вот тогда я знал одного человека, лютого врага советской власти... Звали его Кузьма Малов! До революции он служил судебным приставом, а во время Гражданской войны в банде атамана Семёнова был палачом и карателем!

– Товарищ Рахимов, – загудели члены бюро, – вы же говорили, что не уверены...

– А теперь я уверен, товарищи, – оскалился Рахимов в злобной ухмылке и развёл руками.

– Вы меня с кем-то путаете, – заявил Антон холодно. – Ни Малова, ни вас я никогда не знал и никогда не видел. Если я вам не нравлюсь, то...

– Ты не баба, чтобы нравиться или не нравиться, – подался вперёд товарищ Рахимов и продолжал, уже обращаясь к партийцам: – Поймите меня правильно, товарищи. На дворе 1938 год, война уже давно позади, а враги народа всё ещё остались. Много недобитков бродят по стране и мечтают только об одном: взять реванш и вонзить нам нож в спину! Мы должны быть всегда бдительными, товарищи! Вот к чему я, от имени нашей партии и товарища Сталина, призываю вас!

– Вы считаете меня врагом? – напрягся Мартынов. – Я правильно вас понял, товарищ Рахимов?

– Да, – пожал тот плечами. – Но, разумеется, будет проведено тщательное расследование. Ну а мы, товарищ Малов, продолжим наш разговор в другом, более приспособленном для этого месте!

В кабинет вошли два офицера НКВД и взяли Мартынова под руки.

– Попробуешь оказать сопротивление, будешь застрелен, – предупредил Рахимов, с лица которого уже давно сползла «приветливая» улыбка. – А теперь прошу к выходу, господин судебный пристав...

* * *

Мартынова вывели во двор и затолкали в «воронок», где уже сидел Рахимов.

– Давай поступим так, – сказал Рахимов, положив руки на колени. – Сейчас ты убедишь меня, что ты не тот, за кого я тебя принимаю, и тогда вся предстоящая поездка станет для тебя увеселительной прогулкой без всяких последствий. А? Убедишь меня?

– Попробую, – ответил Мартынов, сердце которого сжалось от плохого предчувствия.

– Ну что, начнём?

Мартынов сцепил пальцы, и этот жест не укрылся от цепкого взгляда собеседника. Рахимов едва заметно улыбнулся, ожидая ответ на свой вопрос.

– С чего начнём? Чего вас интересует? – сказал Мартынов, посмотрев Рахимову в глаза.

– Да так, – пожал тот плечами. – Давай начнём с того, что вспомним славный город Верхнеудинск.

– Никогда не приходилось слышать о таком, – ответил с глупым видом Мартынов.

– Негоже отрешиваться от родных мест. Так поступают только предатели, так ведь, господин Малов?

– А с чего вы взяли, что я отрекаюсь от родных мест? – ухмыльнулся Мартынов. – Моя большая родина – СССР, а малая – село Мартыновка, на Урале.

– Следует понимать, что ты решил стоять на своём, Кузьма Прохорович?

– Я не собираюсь оговаривать себя и называться чужой фамилией, – пожимая плечами, ответил Мартынов.

– И ты считаешь, что я тебе поверю?

– Дело ваше... Хотите верить, хотите нет.

– Ай-я-яй! – Рахимов погрозил ему пальцем. – Сейчас ты поступаешь глупо, господин Малов. Не разочаровывай меня, пожалуйста.

– Такой вот я... Меня и в деревне моей все глупцом считали.

– Понятно, ты решил со мной Ваньку валять! – хмыкнул Рахимов. – А что, давай! Меня твоё дурачество даже забавляет!

Он замолчал, собираясь с мыслями, как будто потерял нить разговора. Но пауза длилась недолго.

– Если ты считаешь, что изменился до неузнаваемости, то глубоко ошибаешься, Кузьма Прохорович, – продолжил Рахимов, закуривая папиросу. – Я не буду пересказывать тебе твою же жизнь, ты и сам её хорошо знаешь.

– И то верно, – согласился с ним Мартынов.

– Меня больше интересуют те годы, когда вы с Бурматовым исчезли из Верхнеудинска, – нахмурил лоб Рахимов. – Я уже потерял надежду встретиться с тобой, господин судебный пристав, а тут... Я глазам своим не поверил, увидев твою фотографию в личном деле! Ты затерялся надёжно, уехав в Петроград, но... Ты переборщил, решив стать членом партии.

– Как это понимать? – спросил Мартынов, напрягшись.

– Дела кандидатов изучаются очень тщательно. Делаются разные запросы. Разумеется, запрос послали и в ту самую Мартыновку, о которой ты говорил и которую указывал в анкете как место своего рождения. И оказалось, что в Мартыновке о тебе слухом не слыхивали.

– Подумаешь! – пожал плечами Мартынов. – Так бывает. За двадцать лет могут и забыть человека.

– Могут, – согласился Рахимов, – но только это всё подозрительно. Поэтому тебя стали проверять по местной картотеке врагов народа. Ты ведь не думаешь, что сведения о Кузьме Малове и его подвигах на службе атамана Семёнова хранятся только в памяти таких людей, как я? Нет! Есть и архив! И там даже фотокарточка твоя имеется!

– Почему моя? Я ведь – не Малов, – поправил Антон.

– Твоя, – противно улыбнулся Рахимов. – В архиве просмотрели дела всех белогвардейцев, бывших примерно одного с тобой года рождения... Их не так уж много осталось, и... опля!

Там нашёлся человек, очень похожий на тебя. Тогда НКВД связалось с теми, кто знал Малова лично, то есть со мной.

– Но я-то не Малов, – продолжал твердить Антон.

– Когда ты справил себе липовые документы, то допустил одну грубую ошибку, – сказал Рахимов, будто не слыша. – Антону Мартынову, которого ты выдумал, следовало родиться подальше от Верхнеудинска. Лучше всего – на другом краю страны. Где-нибудь в Архангельске, например. Тогда тебя стали бы проверять по другой картотеке и ничего бы не нашли. Но ты ведь хотел, чтобы всё было правдоподобно! Ты ведь боялся, что тебя станут расспрашивать о краях, где ты родился, а ты начнёшь говорить ерунду. И тогда ты предпочёл заново «родиться» в том же районе, где находится Верхнеудинск. Очень зря!

Антону показалось, что табурет под ним закачался. Мартынову стало не по себе и, собрав волю в кулак, он с улыбкой произнёс:

– Неужели?

– Именно так, – кивнул Рахимов.

На мгновение наступила тишина, затем Мартынов громко натянуто рассмеялся.

– Простите, товарищ Рахимов, – сказал он, продолжая смеяться. – Вы несёте такую чушь, что смех разбирает.

– Что ж, смейся, если мои слова тебя забавляют, – проговорил тот, разведя руки. – Я буду смеяться чуть позже, когда буду лицеизреть тебя на скамье подсудимых.

– Вы действительно уверены в этом? Вы действительно убеждены, что меня есть за что судить?

– Найдётся за что, господин Малов, не сомневайся. Хотя бы за пожар на заводе... Следствие докажет, что ты один из тех врагов, кто приложил к этому руку.

– Но пожар случился год назад по техническим причинам? – изумился Мартынов.

– Может быть... Но уверяю тебя, что следствие будет возобновлено «по вновь открывшимся обстоятельствам», и оно найдёт другую причину, поверь мне на слово.

Антон закрыл глаза. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не закричать в бессильной ярости и не придушить мерзавца, сидящего перед ним за столом.

Рахимов смотрел в его искажившееся лицо и, злорадствуя, улыбался.

Антон открыл глаза и отсутствующим взглядом посмотрел на Рахимова. Он понял, что угодил в крепкие сети, из которых едва ли возможно выбраться.

– Меня теперь не отпустят? – спросил он тихо.

– Нет, наверное... Ты не заслужил такой милости, – холодно ответил Рахимов.

– Понятно. Видимо, тот, с кем вы меня перепутали, доставил вам много неприятностей в прошлой жизни, и вы теперь намерены отыграться за это на мне?

Рахимов вытаращил глаза.

– Что-о-о? Ты меня принимаешь за идиота? – он уже терял терпение. – Ты упорно защищаешься, похвально, но...

Нависла гнетущая тишина. Мартынов мгновенно оценил обстановку. Вляпался – хуже некуда. Приговор «врагу народа» будет суров и в лучшем случае он проведёт остаток жизни в далёком таёжном лагере, а в худшем... Он испугался даже от мысли об этом.

2

Оказавшись в одиночной камере, Антон пал духом. На него накатила такая тоска, что из глаз брызнули слёзы.

«Вот как бывает, – думал он в отчаянии, – шёл за партбилетом, а попал в тюрьму. И жена ничего не знает. Ушёл на работу и пропал без вести...»

Вытерев рукавом слёзы, Антон задумался о своём незавидном положении. То, что случилось с ним сегодня, не поддавалось никакому объяснению. Откуда-то появилась эта гнида Рахимов и узнала его. И что теперь делать? Как выпутаться из сложившейся ситуации?

Кузьма Малов (а это был действительно он) так привык к новым имени и фамилии, что был ошеломлён, когда Рахимов, в прошлом известный как Азат Мавлюдов, назвал его по-старому. Кузьма даже не узнал Азата, бывшего врага и завистника. И надо же такому случиться – и судьба столкнула их лбами далеко от Верхнеудинска. Теперь Мавлюдов отомстит ему сполна!

Кузьма приехал с Алсу в Петроград сразу, как распрощался с Бурматовым в Харбине. С тех пор прошло уже двадцать лет. Казалось бы, все страхи и опасения позади, но прошлое настигло его здесь и придавило крепко-крепко.

Слеза навернулась на глаза Кузьмы, когда он стал вспоминать свою спокойную и счастливую жизнь. В Петрограде он устроился на Путиловский завод кузнецом, а Алсу пошла работать в железнодорожные кассы кассиром. Жили они по новым документам: Кузьма стал Антоном Мартыновым, а Алсу – Зоей Мартыновой. Они плавно влились в жизнь петроградцев и получили большую комнату в коммунальной квартире...

Кузьма улёгся на кровать, которая жалобно заскрипела под тяжестью его тела, и закрыл глаза. Он попытался сосредоточиться и обдумать дальнейшее поведение в этой безвыходной ситуации.

«Что мне может предъявить этот ублюдок Мавлюдов? – думал он, перебирая в голове разговор с Азатом. – Он так и называет себя “товарищем Рахимовым”, хотя двадцать лет минуло после революции и Гражданской войны. Видимо, и карьера у него удалась. Вон каких высот достиг подлец и проходимец!...»

Кузьма повернулся лицом к стене, его одолевали горькие мысли.

«Так в чём меня собирается обвинить этот мерзавец? – думал он. – Я не троцкист и не испытываю никакой вражды к советскому народу. Ах, да, он говорил что-то о пожаре, который случился на заводе год назад. Тогда было проведено следствие и было установлено, что возгорание произошло из-за неисправной проводки. Но при чём здесь я? Почему он сыпал грязные намёки в мою сторону? Уж не собирается ли этот негодяй упрятать меня в лагерь за вредительство? Но тогда, если он подведёт меня под суд, меня могут приговорить к исключительной мере наказания, к “вышке”?»

Дрожь пробежала по телу Кузьмы, но усилием воли он подавил в себе панику. Перевернувшись на другой бок, он попытался вспомнить тот роковой день и поискать себе алиби, способное сокрушить обвинения негодяя.

Как обычно он пришёл на работу в кузницу. Пока готовил инструмент, настраивал к работе горн, ни о чём особенном не думал.

Затем привычная кропотливая работа поглотила его целиком. Она требовала внимания и искусства, и Кузьма любил её. Грохоча молотом по наковальне, он не слышал гудения заводской сирены. Эта «музыка» сопровождала его изо дня в день и стала составной частью рабочего процесса. Он работал точно и быстро. Руки были искусны, инструмент проверен и удобен. И вдруг, как только выкованная деталь упала в бочку с водой, Кузьма отошёл от наковальни и прислушался.

Услышав надрывное гудение, он поспешил к выходу. Первое, что он увидел, было искажённое ужасом лицо помощника, который закричал:

– Беги, Антон, цех горит!

На улице он увидел объятый дымом и пламенем цех и метавшихся рядом с ним людей. А ещё...

«Жена! – обожгла мозг страшная мысль. – Если Мавлюдов заявится в мою квартиру, она... Она лишится сознания, увидев его. И это будет крах, мне уже не удастся выкрутиться и ничто не спасёт меня...»

* * *

На сердце у Зои Мартыновой было тревожно: Антон уже вторые сутки задерживался на работе.

«Наверное, снова сверхурочная, – успокаивала она себя. – Мало ли чего?» Бывало, Антон возвращался домой лишь под утро. Уставший, измотанный, сразу же шёл в ванную, мылся и, не садясь за стол, падал на кровать.

Зоя хорошо знала порядочность мужа и была уверена, что он не ходит на сторону. Работа – квартира... Вот так протекала их жизнь, которая не казалась им скучной и заурядной. Всё было хорошо в их крепкой семье, вот только детей так и не нажили...

Кутаясь в платок, Зоя взяла с полки фотоальбом и, чтобы отвлечься от грустных мыслей, принялась разглядывать фотографии.

На первой странице вклеен большой снимок, на котором запечатлены она и Антон. Они сфотографировались, как только приехали в Петроград. Молодые, красивые, улыбающиеся... Фотограф велел им не смеяться перед фотоаппаратом, стоявшим на высокой треноге, и они с Антоном застыли с улыбками, и ни одна жилка не дрогнула на их лицах. Антон сидел на стуле, положив руки на широко расставленные колени, а она стояла рядом в цветастом сарафане.

Зоя переворачивала альбомные листы и подолгу рассматривала каждую фотографию.

Вот кузница на заводе. Антон улыбается, стоя рядом с наковальней и держа в руках огромный молот. Искусный фотограф сумел так хорошо сделать снимок, что муж выглядел даже лучше, чем был на самом деле.

И вдруг у Зои сжалось сердце. Она захлопнула альбом и вскочила со стула. Словно кто-то нащёптывал ей, что с Антоном случилась беда и она тоже в опасности. В дверь громко постучали, после чего в коридоре послышались шаркающие шаги старушки соседки.

– Кто там? – спросила старуха, остановившись у двери.

– Открывай, милиция! – послышался властный отклик.

– Кто-кто? – всполошилась соседка.

– Открывай, не то сами откроем!

В квартиру вошли сразу несколько человек.

– Где комната Мартыновых? – послышался требовательный голос, услышав который, Зоя едва устояла на ногах.

Она едва не лишилась сознания, увидев призрака, вернувшегося из далёкого, уже подзабытого прошлого. Враг выглядел не менее зловеще, чем тогда, правда, постарел, ссутулился, но...

– Вижу, ты меня узнала, Алсу, – сказал, злобно ухмыляясь, гость, закрывая за собой дверь. – А я тоже очень рад тебя видеть.

По-хозяйски усевшись на стул посреди комнаты, он с гадкой улыбкой смотрел на приросшую к полу ни живую ни мёртвую Зою.

– Теперь ты от меня не уйдёшь и никуда от меня не спрячешься, – сказал он. – Надо же, а ты не изменилась, Алсу. Ты даже стала красивее, чем прежде.

Зоя была как в тумане. Она не знала, как себя вести, что говорить и что делать. Ей не хотелось верить в то, что происходит. Лицо женщины стало пепельно-серым.

Мужчина заметил, что у неё дрожат руки, и оскалился улыбкой хищника.

– Что, боишься? – спросил он.

Зоя промолчала, не находя слов, затем вздрогнула, словно только что проснулась, и испуганно стала озираться по сторонам. Она метнулась к двери и открыла её. В коридоре стояли три офицера НКВД с оружием в руках.

– Клетка заперта, убедилась? – спросил гость с ухмылкой, проследив, как Зоя отпрянула назад.

Женщина была близка к обмороку. Она уже совсем ничего не понимала. Выходит, что и Антон сейчас в опасности. А может быть, его уже и в живых нет..?

– Где мой муж, Азат? – тихо спросила Алсу, и две крупные слезинки выкатились из её глаз.

Тот наморщил лоб и изобразил на лице озабоченность.

– Кузьма там, где и должен находиться враг народа, – ответил он с едкой улыбочкой. – Обживает одиночную камеру, готовясь к длительному сроку.

Глаза у Алсу широко раскрылись, лицо побелело: известие потрясло её. Глядя на неё, мужчина неожиданно разозлился, вскочил со стула и ударил её ладонью по лицу.

– Это тебе за то, что мне, Азату Мавлюдову, своему единоверцу, ты предпочла этого славянского обрзину! – закричал он в ярости. – Ты паскуда! Я презираю тебя!

Алсу застонала от боли и обиды. Азат снова уселся на стул, но его поведение всё ещё было угрожающим.

– Это ты заслужила, стерва, – сказал он с нажимом. – Ты живёшь с этим...

– Он спас меня, а ты едва не погубил, подонок! – крикнула Алсу, перебив его. – Ты бросил меня одну в городе, а сам сбежал, хотя знал, что мне скоро рожать. А ты знаешь, что стало с ребёнком? Тебе это интересно или нет?

Азат не знал, что сказать. Он действительно совсем позабыл о том, в каком положении оставил Алсу много лет назад.

– Наш ребёнок умер! Из-за тебя! – крикнула Алсу. – И это была девочка, если тебе интересно. И если бы не Кузьма, то я бы... Это из-за тебя...

Женщина перестала плакать и смотрела на Азата. Ей почему-то казалось, что от него зависит судьба Кузьмы, который теперь, как выяснилось, был арестован.

– Присядь, – сказал Мавлюдов, кивая на табурет, стоявший рядом, а сам зачем-то потянулся к правому карману пальто.

Алсу подошла ближе, начала садиться, как вдруг Арат вытащил руку из кармана и резким точным движением ткнул женщину в ногу чем-то острым. Это оказался шприц с неким веществом.

3

Следователь старался изо всех сил вывести «врага народа» Мартынова на чистую воду. Цепкий и придиричивый, он проводил много времени наедине с угрюмым подследственным, не желавшим давать показания. Он использовал все уловки, чтобы ушедший в себя Антон заговорил: наседал, давил, убеждал, преподносил «доказательства», но подследственный выводил его из себя своим молчанием.

И тогда следователь пустил в ход последний и, по его мнению, беспроегранный козырь.

– А сейчас я устрою тебе очную ставку с одним, очень значительным человеком, профессором медицины! – объявил он на последнем допросе, когда подследственного ввели в кабинет.

Тот и ухом не повёл, услышав это сообщение. Следователь крикнул в сторону двери:

– Заходите, товарищ Рахимов!

Его пристальные глаза уловили на лице подследственного выражение полной растерянности, когда Мавлюдов с каменным лицом вошёл в кабинет.

– Вы знаете друг друга? – спросил следователь, беря ручку и начиная писать протокол.

Как и следовало ожидать, подследственный проигнорировал его вопрос, а Мавлюдов с напущенной важностью ответил:

– Да, мне знакома эта личность. Перед нами бывший судебный пристав Кузьма Прохорович Малов, он же бывший офицер – каратель и сподвижник небезызвестного атамана Семёнова!

– При каких обстоятельствах вы познакомились и когда это было? – задал следующий вопрос следователь.

Подследственный промолчал, а вот Мавлюдов долго и красноречиво рассказывал свою версию знакомства и отношений с подследственным, не стесняясь перемешивать рассказ ложью и откровенным вымыслом.

Следователь, улыбаясь и кивая, заносил показания «товарища Рахимова» в протокол, а подследственный потемнел лицом, слушая всю эту околесицу, так искусно преподносимую Мавлюдовым как правду.

– Ну ты и скотина, – сказал он, глядя на Азата. – Если все большевики такие же лживые, как ты...

– Молчать! – рявкнул следователь, грохнув кулаком по столу. – Не смей оскорблять в моём кабинете уважаемого человека! Он за новую жизнь кровь проливал, а ты... Ты тоже проливал кровь, но только не свою, а борцов за дело революции!

Мавлюдов, не глядя в сторону Малова, полчаса поливал его грязью. А когда он замолчал, следователь поставил в протоколе жирную точку.

Товарищ Рахимов с высоко поднятой головой покинул кабинет. Следователь удовлетворённо вздохнул, видя, что подследственный сломлен, «изобличён» и не может больше играть в «молчанку». Он презрительно сощурил глаза:

– Всё, сегодня, как ты, наверное, заметил, я в твоём деле поставил точку. Ты изобличён во вредительстве и в других тягчайших преступлениях, совершённых в прошлом. А твоё молчание я расцениваю как попытку завести следствие в тупик! Но, к счастью, у тебя ничего не вышло!

Малов передёрнулся и побледнел. Он и на этот раз собирался ответить на вопрос следователя равнодушным молчанием, но злость на оговорившего его негодяя и отчаяние прорвались наружу.

– Пусть будет так! – сказал он. – Я действительно Кузьма Малов, судебный пристав и офицер охраны атамана Семёнова! А всё остальное, что изрыгал только что этот мерзавец, – беспросветная наглая ложь! Я не преступник и не троцкист. Я простой советский работяга, кузнец... Последнее время я жил счастливо и работал честно. Я даже в партию собирался вступить! И если бы...

– Нет, ты не честный и счастливый человек, а злобный заговоренный враг! – оборвал его на полуслове следователь. – Ты долго выжидал своего часа и совершил вредительство! Но тебя поймал и изобличил товарищ Рахимов! И теперь тебя будут судить! Может, хоть сейчас сознаешься во всём? Мы оба устали и...

Он не договорил и развёл руками. Глядя на него, Малов понял, что говори он хоть что и оправдывайся до хрипоты, всё равно услышан не будет. Он опустил голову и замолчал.

– Ладно, давай прощаться, – ухмыльнулся следователь, потягиваясь. – Встретимся через неделю, на предъявлении обвинения. Не знаю, как тебе, но мне в целом картина ясна. Таким, как ты, непримиримым и опасным врагам народа, нет места в нашей счастливой советской жизни! И я от всей души надеюсь, что ты понесёшь заслуженное суровое наказание за свои преступления!

* * *

Алсу не могла ни заговорить, ни пошевелиться. Всё тело затекло, и даже дышать было трудно.

В комнату вошёл Мавлюдов в белом халате и присел рядом с Алсу на корточки:

– Размазать бы тебя по полу, подстилка маловская, но... Я решил поступить иначе. Как – узнаешь позже. Теперь свою жизнь можешь считать адом, а шайтаном можешь считать меня!

На этот раз он не тронул её даже пальцем, но Алсу поняла, что в покое он её оставил ненадолго.

Через несколько минут в комнату вошли санитары. Женщину на носилках перенесли в машину и куда-то перевезли. Когда её выносили из машины, она успела разглядеть огромный кирпичный дом, и это зрелище ошеломило её.

Алсу принесли в подвал и оставили в мрачной комнате, освещенной тусклой лампочкой. Она, с трудом повернувшись на бок, осмотрелась, и...

– А тебя за что сюда упекли, несчастная? – услышала она прозвучавший в тишине и полумраке вопрос и вздрогнула.

Алсу жалобно всхлипнула.

– Где я? – простонала она сквозь рыдания. – Меня привезли в тюрьму? Я в камере?

– Если бы, – вздохнула женщина, которая лежала на кровати у противоположной стены. – Я бы всё отдала, чтобы оказаться сейчас не здесь, а в тюремной камере.

– А здесь что за место? – спросила Алсу, содрогаясь от ужаса.

Скрипя пружинами, соседка тяжело присела на кровати, и Алсу закрыла глаза, увидев её.

– Что, испугалась? – спросила та, ухмыляясь. – Ты тоже такой же будешь через месяц или два. Но самая страшная беда в том, что ты больше никогда отсюда не выйдешь.

Вид незнакомки ужасал: она была безобразно толста, волосы паклей свисали с головы, лицо распухшее, отвисшие щёки. Она была похожа на падшую женщину, не выходящую из длительного запоя.

– Как долго ты здесь? – прошептала Алсу с замирающим сердцем, и женщина услышала её.

– Уже целую вечность, – ответила она, вздыхая. – Тут каждые сутки тянутся как год, и я... Я давно потеряла счёт времени.

Женщина встала и, тяжело ступая по земляному полу, подошла к кровати Алсу. Она присела на краешек и взяла в свои руки руку Алсу.

– Бедняжка, от тебя-то чего они хотят?

– Я не знаю, – прошептала Алсу.

Соседка стала ласково гладить её по голове.

– Меня зовут Альбина, – сказала она. – Пока больше ничего не спрашивай. Куда ты попала, я не могу ответить сейчас. Или ты сойдёшь с ума, услышав правду.

– И что с нами будет? – встревожилась Алсу.

– Не знаю... Молись, если в Бога веришь.

Алсу закрыла глаза, она была на грани нервного срыва. Соседка медленно встала.

– Самое страшное для тебя начнётся завтра с утра, – сказала она, не оборачиваясь. – После того как нас накормят сытным завтраком...

* * *

За двадцать лет товарищ Рахимов, он же Азат Мавлюдов, пережил многое. После того как ему пришлось побыть знахарем в партизанском отряде, он решил наконец исполнить свою давнюю мечту и стать врачом – получил медицинское образование. К тому же прежняя профессия судейского чиновника, которая кормила Мавлюдова до революции, в новой, советской России была никому особо не нужна, и это обстоятельство толкнуло Азата на новый путь, да и Яшка-бурят охотно делился с Мавлюдовым своими секретами.

Время изменило Азата как внутренне, так и внешне. Он постарел, ссутулился, стал ещё более невзрачным, чем раньше, но такая внешность вполне соответствовала скромной должности главного врача Верхнеудинской городской больницы. Из прежних друзей Азат сохранил отношения только с Матвеем Берманом.

Матвей служил в городском ЧК, порой заглядывал к Мавлюдову поздно вечером, и тогда они вдвоём сидели, пили и вспоминали прошлое. Говорил больше Матвей, а Азат внимательно слушал.

Через несколько лет Матвея убили, и Азат снова оказался один. Для него наступили трудные годы.

Однажды он возвращался домой и неожиданно встретил Мартина Боммера, бывшего политкаторжанина, с которым познакомился ещё в революционные будни.

Боммер остановился, поправил пальцем на переносице очки и сказал:

– Плохо выглядишь, товарищ Рахимов! Вот увидел и едва узнал тебя.

– А-а-а, это ты, – ухмыльнулся Азат, останавливаясь. – Ты, как мне помнится, собирался эмигрировать на историческую родину, в Германию?

– Уже лет пять как я именно там и проживаю, – сказал Боммер. – Работаю, гм-м-м... Впрочем... Неважно, где и кем я работаю. Сейчас я в деловой командировке, в Новосибирске... Выдался свободный денёк, вот я и решил приехать сюда, в Верхнеудинск.

– Ностальгия по прошлому? – хмыкнул Азат недоверчиво.

– Да, скучаю по здешним местам, которые, по известным причинам, стали для меня почти родными, – ответил Боммер. – А вот ты, как я вижу, не слишком-то обласкан советской властью, как того заслуживаешь?

Мавлюдов промолчал. Слова Мартина показались ему правильными и своевременными, и впервые за долгие годы в нем проснулись горечь и обида.

Разговор продолжили в кабаке, где за рюмкой водки Боммер рассказал о своей жизни в Германии. Азат, в свою очередь, поведал ему о себе.

– Твоя беда в том, – сказал ему Мартин, – что ты самоотстранился от жизни и впал в длительную депрессию. Это я тебе как психолог говорю. Мой тебе совет, товарищ Рахимов, в корне пересмотреть своё отношение к жизни, поставить перед собой цель и стремиться к ней.

– Пробовал, не получается, – пожал плечами Азат. – Когда Матвей был жив, я как-то ещё боролся с депрессией, а после его смерти...

– Мне всё понятно, – усмехнулся Боммер. – Матвей приучил тебя подчиняться ему, и это снимало с тебя все проблемы. Он думал за тебя, делал всё за тебя, а ты... Ну, в общем, его смерть выбила тебя из колеи и...

– Из колеи меня выбила революция, – неожиданно как для самого себя, так и собеседника признался Азат. – Я тоскую по дореволюционному времени. Я... – он замолчал и опрокинул рюмку водки.

– Хорошо, я понял тебя, – выпив, сказал Мартин. – Предлагаю заняться чем-нибудь таким, что отвлечло бы тебя от твоего состояния.

– И чем же, например? – удивился Азат.

– Ты же медик, товарищ Рахимов? Вот и возмись за углублённые исследования.

– Ты считаешь, что это мне поможет?

– Несомненно.

– И-и-и... С чего же начать?

– Ну-у-у... Займись изучением крови, например? Кажется, что мы, учёные, изучили человека достаточно хорошо, но в теле достаточно много тайн, которые...

– А кровь? Она тоже не изучена достаточно хорошо? – заинтересовался Мавлюдов.

– Человеческий организм ещё полон тайн, – ответил Мартин загадочно. – А кровь... Кровь – это жизнь, вот и займись её изучением.

Расстались они поздно вечером на вокзале. Боммер оставил Азату свой берлинский адрес и телефон, после чего сел в вагон и поезд умчал его в Новосибирск. А Мавлюдов...

Разговор с Боммером встряхнул его. Вооружившись советом, Азат принялся за работу. В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Мавлюдов, отвлекшись от воспоминаний.

Вошёл человек в белом халате и с марлевой маской, закрывающей нижнюю часть лица.

– Разрешите, Азат Гумарович? – сказал он, переступая порог.

– Ну, что там у вас? – сказал Азат, морщась и складывая перед собой руки.

– С новенькой что делать? – спросил вошедший врач.

– Обследовать от и до, – ответил Азат. – А потом ко мне на стол все анализы.

– А как её оформлять? – поинтересовался врач. – Как пациентку или...

– Никак не оформлять! – грозно сдвинул к переносице брови Мавлюдов. – Её у нас нет и никогда не было! Она из числа людей «икс», которые живут, но... Их не было и нет на свете белом!

4

Как и обещал следователь, Кузьму Малова он вызвал в свой кабинет ровно через неделю. Чего только не передумал Кузьма за это время, какие только фантазии о чудесном освобождении не рисовало его воображение, но... Когда открылась дверь камеры и надзиратель повёл его по длинному коридору, сердце у Кузьмы защемило и сжалось от плохого предчувствия.

– Заходи смелее, «товарищ Мартынов», – встретил его следователь едкой усмешкой. – Присаживайся... Не обессудь, но обвинение я буду тебе предъявлять без адвоката как врагу народа Малову Кузьме Прохоровичу, не возражаешь?

– Поступай как хочешь, – пожал плечами Кузьма, решив больше не играть в молчанку. – Назовись я кем угодно, это уже не повлияет на ваше решение.

– Ничего, Малов, трудное уже позади. Теперь тебе остаётся только слушать, читать и ставить подписи на документах.

– Даже не верится, что вижу последний раз вашу гнусную физиономию, – вздохнул Кузьма. – Ради этого я готов подписать всё что угодно.

Следователь закурил и предложил ему папиросу.

– А знаешь что, – сказал он, – в общем-то, я доволен твоим поведением за время следствия. Не хныкал, не канючил и не настаивал на своей невиновности. Ты вёл себя мужественно и за то благодарю.

– Если я «хорошо» себя вёл, это не значит, что я в чём-то сознался, – угрюмо буркнул Кузьма.

– Но ты признаёшь, что служил судебным приставом и в «свите» атамана Семёнова? – подался вперёд следователь, которого порадовала возможность поговорить с молчаливым ранее подследственным.

– Это признаю, а всё остальное нет, – вздохнул Кузьма.

– Но ведь того, чего ты признаёшь, уже достаточно, чтобы засадить тебя далеко и надолго?

– Таких, как я, много, но вы их не трогаете.

– Наша советская власть справедлива к тем дворянам и офицерам, которые сразу приняли её. Может, ты и не занимался вредительством, допускаю, но целых двадцать лет жил по чужим документам и не являлся с покаянием. Если бы ты принял советскую власть двадцать лет назад, то мы бы сейчас не сидели в этом кабинете как враги, а здоровались друг с другом за руку, как настоящие товарищи.

Кузьма напрягся.

– Короче, делайте своё дело, «товарищ» следователь, – сказал он. – Нечего тут душу мою выворачивать. Давайте бумаги и показывайте где подписи ставить, я в камеру хочу. Мне ведомо, что вам бесполезно что-то доказывать и участь моя решена. Такие, как я...

– А ну молчать! – побагровел следователь. – Ты есть ожесточённый враг, Кузьма Малов, и обезврежен вовремя. За всё время следствия я чувствовал себя как в бою! А ты как чувствовал себя наедине со мною?

Кузьма промолчал.

– Чего же ты не отвечаешь?

– А что толку?

Они смотрели друг на друга. Кузьма спокойно, с иронией вглядывался в глаза следователя, пытаясь понять, что тому ещё от него надо. Потом он отвернулся и опустил голову.

Пожав плечами, следователь стал зачитывать обвинительное заключение. Малов молчал. Слышно было только его тяжёлое дыхание. Когда следователь закончил, сразу же спросил:

– Ты всё понял?

Кузьма не ответил. Следователь повторил вопрос, который и на этот раз остался без ответа. Следователь исподлобья, с презрением наблюдал, как бледнело лицо обвиняемого, и...

– Ну, так что, подписываем?

– Хотелось бы, да вот только ручка у тебя сломана, – усмехнулся Кузьма и легко, как спичку, переломил её. – Я хочу в камеру, – сказал он. – Прикажи отвести меня, или я за себя не ручаюсь!

– Ты мне угрожаешь? – изумился следователь и, резко отпрянув назад, выдвинул ящик стола.

– Что, собираешься застрелить меня? – улыбнулся Кузьма, вставая. – А что, всё одно помирать когда-то. Так уж лучше сейчас, чем изнывать от безысходности и бессилия на суде, а потом горбатиться на лесоповале в тайге, проклиная своё малодушие...

* * *

Андрей Александрович Жданов, первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), был в дурном расположении духа, хотя, увидев входящего в кабинет заместителя начальника Управления НКВД ЛО старшего майора госбезопасности Владимира Гарина, испытал некоторое удовлетворение.

– Мы арестовали двадцать человек согласно списку, утверждённому вами, – доложил тот.

– Ты явился только с этим? – удивился Жданов.

– Не только, – ответил майор и положил на стол пухлую папку.

– Что это? – нахмурил озабоченно лоб Жданов.

– А это документы на всех академиков и профессоров Ленинграда, – охотно пояснил Гарин. – Принёс, как вы просили.

– Да, это я просил, – согласился секретарь. – Я знаком лично со многими из этих людей, а вот их подноготную...

Он раскрыл папку и принялся пересматривать уложенные в неё документы. Гарин несколько минут наблюдал за его занятием, а потом сказал:

– Андрей Александрович, вы можете посмотреть документы и в моё отсутствие. У меня много работы, и...

– Что вы знаете об этом человеке? – спросил секретарь, доставая из папки анкету с фотографией. – Мне приходилось встречаться с ним и даже за руку здороваться, но... Он почему-то мне не нравится.

– Мы проверяли его тщательно и углублённо, – ответил Гарин. – Человек с идеальной биографией и прицепиться не к чему.

– Человек с идеальной биографией, – повторил Жданов и ухмыльнулся. – А вас это не настораживает?

– А почему нас это должно настораживать? – удивился майор. – Большевик, подпольщик... После Гражданской войны отошёл от политики и всецело посвятил себя медицине.

– Не бывает людей с идеальной биографией, – покачал головой секретарь. – Тем более большевиков-подпольщиков. С идеальной биографией может быть только трус и приспособленец, ну-у-у... пожалуй, ещё провокатор. У него биография не может быть поддельной?

Гарин пожал плечами.

– Он был хорошо известен в Верхнеудинске, это городок такой в Забайкалье, как проверенный революционер, – заговорил он задумчиво. – Партизанил, принимал активное участие в подполье... В прошлом он служил судебным чиновником, но... революцию принял, как указывают наши товарищи из НКВД, с открытым сердцем.

– А товарищи из НКВД не могут ошибаться? – спросил Жданов, оперевшись локтями в поверхность стола. – Мало ли таких деятелей, любящих к чужой славе примазаться?

Майор внимательно посмотрел на секретаря.

– Андрей Александрович, а почему вы задаёте мне такие вопросы? – поинтересовался он. – Вы располагаете какой-то неизвестной нам информацией или просто этот человек вызывает у вас отвращение своим плюгавеньким видом?

– Сам не знаю, – вздохнул Жданов. – А он мне действительно не нравится, хотя... Многие из моих знакомых и друзей считают его гениальным врачом, но-о-о... – не находя слов, он развёл руками.

– И чем же он знаменит? – сделал вид, что заинтересовался, Гарин. – В чём его гениальность? Он что, хирург или психиатр?

– Это не ты у меня, а я у тебя должен спрашивать, – заметил скептически секретарь. – А вот мои друзья и знакомые говорят, что этот, как его...

– Товарищ Рахимов, – напомнил майор.

– Да-да, его ещё зовут Азат Мавлюдов, – продолжил Жданов. – Товарищ Рахимов – это...

– Партийная кличка, – дополнил Гарин.

– Да-да, – кивнул секретарь. – Он изготавливает по какому-то только ему известному рецепту энергетический коктейль, которым потчует своих пациентов. Говорят, очень хорошо взбодряет. Не слышал?

– Его лаборатория за городом, – продолжил майор, краснея. – Он там изучает кровь и её болезни, делает переливания своим пациентам, и... По нашим сведениям, очень многих излечивает от хронических и даже неизлечимо тяжёлых болезней!

– Вот как? – заинтригованный Жданов откинулся на спинку стула. – Выходит, он проводит опыты на людях?

– Да, с их согласия, – подтвердил Гарин. – Хочу заметить, что эти опыты проводятся с ведома медицинской академии, в штате которой состоит доктор Мавлюдов. И-и-и... Также хочу заметить, ни одного тяжёлого случая в его практике. К нему ходят люди далеко не простые и...

– Знаю-знаю, – кивнул секретарь. – А как давно этот, гм-м-м... Как давно это медицинское светило перебралось в наш город?

– Он здесь уже около трёх лет, – ответил майор.

– И-и-и... Как ему удалось в столь короткий срок завоевать уважение и внимание?

– Он приехал в Ленинград с отличными рекомендациями.

– От сибирских академиков?

– И от них тоже.

Жданов округлил глаза.

– Как следует понимать эту фразу?

Гарин хитро улыбнулся.

– Самую весомую рекомендацию дал ему Мартин Боммер.

– Мне ни о чём не говорит это имя, – насторожился секретарь.

– Отстаёте от жизни, Андрей Александрович! – рассмеялся майор. – Это видный немецкий учёный. Он часто приезжает в Советский Союз на симпозиумы и конференции.

– И как товарищ Рахимов сумел обратить на себя его внимание? – ещё больше удивился Жданов.

– Да никак, – перестав смеяться, ответил Гарин. – Они знакомы ещё с 1917 года... Боммер отбывал срок ссылки в Верхнеудинске.

– Вот как? И за что?

– За революционную деятельность, конечно.

– А почему этот Боммер теперь живёт в Германии?

– Уехал на историческую родину.

– И как же его выпустили?

– Посчитали возможным. Он уехал сразу после революции, в то время с выездом заморочек не было.

Жданов несколько минут, в глубокой задумчивости, расхаживал по кабинету. Остановившись у окна, он обернулся и, глядя на майора, спросил:

– Следует понимать, что, проживая за границей, во враждебной нам Германии, Боммер является другом Советского Союза?

– Очень близким и преданным, – уточнил Гарин. – В Германии он... Простите, но эти сведения совершенно секретны, Андрей Александрович, и я не имею права обсуждать их даже с вами.

– Хорошо, оставим эту тему в покое, – вздохнул Жданов. – А вот о Мавлюдове... Вам больше нечего сказать о нём?

Майор улыбнулся.

– А что говорить, вы и так о нём теперь всё знаете, – сказал он. – Может быть, хотите поинтересоваться, по каким дням принимает этот сибирский гений?

– Вы знаете это? – спросил секретарь, возвращаясь за стол.

– Очередь к нему большая, – ухмыльнулся Гарин. – Но вас он примет без очереди, можете не сомневаться. Он ещё...

– Всё, оставим и эту тему в покое, – забарабанил пальцем по столу Жданов. – Ты, кажется, на работу спешил?

– Да, так точно, – вздохнул майор, вставая. – Дел много накопилось... Родина у нас одна, а врагов у неё много. Стоит только дать им слабину, и не сносить нам голов наших...

5

После того как у Малова взяли кровь из пальца и вены, неделю его не беспокоили. Кузьму кормили, выводили на прогулку и даже давали старые газеты, которые он не читал.

«Почему меня в одиночке держат? – думал он, прохаживаясь по камере от двери к окошечку и обратно. – Почему не переводят в общую камеру? Следствие, как я понял, “успешно” завершено, или... А может быть, они ещё что-то хотят от меня? Анализы и те взяли... Раньше, до этой чёртовой революции, с подследственными и даже с осужденными так не поступали...»

О жене Кузьма старался больше не думать. К чему? Если не расстреляют, то домой он вернётся нескоро, минимум через десять лет!

«Алсу придётся жить без меня, – думал Кузьма с горечью. – Крыша над головой имеется, работа тоже. Вот только... Она жена “врага народа”, значит, и ей не поздоровится...»

Тяжёлые мысли угнетали его, и с этим ничего нельзя было поделать. Ему больше не на что было отвлечься в тесной и мрачной конуре, называемой одиночной камерой, и пытка продолжалась изо дня в день. У него даже не было возможности наложить на себя руки. Если разбить голову о стену? Не получится, у него голова крепкая.

А ещё Кузьма корил себя за то, что не спровоцировал следователя на выстрел. Ему ничего не стоило наброситься на этого выродка и... Убивать бы его Кузьма не стал, не хотел брать грех на душу, но вполне мог сделать так, что перепуганный насмерть «следак» воспринял бы его действия как нападение и угрозу своей жизни. Тогда бы он выстрелил и...

В конце недели его вывели из камеры на медицинский осмотр. Врач с каменным лицом долго ощупывал его тело, заглядывал в рот, в уши и даже анус посмотрел, не побрезговал. Ну а потом наступило время вопросов и ответов.

Врач: Какие заболевания перенесли в детстве?

Кузьма: Никаких... Я никогда и ничем не болел, кроме насморка.

Врач: Переломы, сотрясения мозга?

Кузьма: Нет, не случилось со мной и таковых okazji.

Врач: Нервные срывы были?

Кузьма: Нет, не помню. Я от природы спокойный, и меня трудно вывести из себя.

Выяснив всё, что его интересовало, врач сделал последнюю запись на листе бумаги и отложил ручку.

– Поздравляю, – сказал он. – Ты просто феноменально здоров!

– Я счастлив, – натянуто улыбнулся Кузьма. – Только ваше поздравление мне, что мёртвому припарка.

– Может быть, мои слова и неуместны, – с пониманием вздохнул доктор, – но и твои анализы просто потрясающие! У тебя очень редкая кровь, понимаешь? Её можно вливать в любого человека, спасая его от смерти!

– Я бы рад спасти любого человека, но меня уже не спасёт ничто, – отозвался Кузьма, натягивая одежду. – Я «враг народа», так сказал следователь, значит, и кровь моя противопозказана к переливанию! Не дай бог вместе с ней перейдёт к кому-то мой «диагноз», и тогда тот, может быть, достойный и добрый человек станет злейшим «вредителем и врагом» не только народа, но и всего человечества!

Доктор, качая головой и что-то бормоча под нос, вышел из кабинета, а конвоир надел на руки Кузьмы наручники. Он хотел встать, чтобы вернуться в камеру, но конвоир положил ему на плечо руку.

– Сидеть! – приказал он и взглянул на наручные часы.

– Меня что, прямо отсюда в суд поведут? – поинтересовался Кузьма, замирая.

– Тебя поведут туда, куда прикажут! – ответил конвоир. – А теперь сиди, не открывая рта. Скоро тебе всё объяснят, покажут и расскажут...

* * *

Завтрак, обед и ужин приносили в камеру. Мясо, рыба, молоко... Гарниры из картофеля, вермишели, риса, гречки... Любой гурман, завсегдатай ресторанов города, позавидовал бы такому меню.

Соседка по камере уплетала еду за обе щёки и, бывало, даже ругала поваров. Алсу не притрагивалась к пище. У неё не было аппетита.

– Чего не ешь, дурёха? – интересовалась соседка.

– Я не хочу, – шептала Алсу. – Кусок не лезет в горло, поверь мне.

– Я-то верю, мне-то что, – хмыкала женщина, обгрызая румяную куриную ножку. – А вот тебя теперь насильно кормить будут.

– Насильно? Но для чего? – удивлялась Алсу.

– Хозяину нашего «пансионата» понадобилось твоё отменное здоровье.

– Вот как? Но для чего?

– Чтобы забирать его у тебя потихонечку, малыми частями.

У Алсу перехватило дыхание.

– А зачем он это делает? – спросила она. – Я как будто сплю и вижу страшный сон. Будто не со мной всё это происходит.

– Сон? Пусть будет сон, – усмехнулась соседка. – Только пробуждение твоё будет очень тяжёлым. Когда Эскулап займётся тобой, проклянёшь всё на свете.

– Ты сказала Эскулап? – напряглась Алсу, впервые услышав необычное слово. – А кто этот человек с таким странным именем?

Соседка смерила её презрительным взглядом и рассмеялась.

– Темнота ты неотесанная, – сказала она, вытирая выступившие на глазах слёзы. – Эскулапами называют врачей или лекарей.

– Так мы что, в больнице? – округлила глаза Алсу.

– Нет, мы в подвале так называемой научной лаборатории, – ответила, перестав смеяться и меняясь в лице, соседка. – Над нами помещения лаборатории, а над ними несколько палат для пациентов.

– А мы? Почему нас держат в подвале? – прошептала Алсу, трепеща от страха.

– Потому что мы с тобой доноры, – нехотя пояснила соседка. – Из меня кровь уже давно выкачивают и скоро возьмутся за тебя, хочешь ты того или нет.

– О Всевышний! – прошептала потрясённая Алсу. – Но я не хочу этого!

– А тебя и спрашивать никто не будет, – вздохнула соседка. – Как и не спрашивают у меня. Там, наверху, в живых мы уже не числимся. Так, растаяли в огромной стране. А вот кровь у нас с тобой уникальная и здоровье хорошее, иначе нас не держали бы здесь. Радуйся, нашу кровь будут вливать в вены влиятельных, значимых людей! Мы будем спасать их чёртовы жизни!

Алсу охватила паника. Кое-как поднявшись с кровати, она неуверенным шагом пошла к двери.

– Эй, куда ты? – окликнула её соседка, приподнимая от подушки голову. – Отсюда выхода нет, дурёха!

Не слушая её, Алсу стала стучать в дверь, но её жалкие попытки привлечь внимание охраны не увенчались успехом. Из коридора слышались дикие крики и визги, услышав которые, женщина отпрянула от двери, тут же вернулась на кровать и легла, закрывшись с головой одеялом.

– Не делай больше так, пожалеешь, – предупредила соседка, устраиваясь поудобнее. – Разозлишь санитаров, они тебя просто отстегают ремнём и упакуют в смирительную рубашу. Могут отвести тебя к тем, чьи крики ты только что слышала. Вот там ты испытаешь такой страх, что ещё месяц, если не больше, поджилки трястись будут.

– А кто те, о ком ты говоришь? – всхлипнула Алсу. – Почему они издают такие ужасные звуки?

– Подвал большой и мест в нём много, – ответила соседка. – А кричат и беснуются сумасшедшие. Их тут больше десятка.

Алсу скинула с себя одеяло и вытерла слёзы.

– Так мы что, в сумасшедшем доме? – спросила она.

– Можно и так сказать, – вздохнула соседка. – Здесь все сумасшедшие – как наверху, в лаборатории, так и в подвале. Отличие лишь в том, что те, которые в лаборатории, считают себя умными, а те, кого они держат в подвале... Они счастливы, потому что ничего не пони-

мают и живут в своём мире. Идеальные доноры... Больны душою, но с отменным здоровьем физическим.

– А ты? – Алсу присела на кровати и свесила ноги. – Ты сумасшедшая или... – она замолчала, не зная, как закончить вопрос, но соседка поняла её.

– Я была лаборанткой и работала этажом выше, – ответила она дрогнувшим голосом. – Но, по мнению Эскулапа, оказалась чрезмерно болтливой. От смерти меня спасло то, что моя кровь, как и у тебя, оказалась очень редкой, и потому...

В коридоре за дверью слышались шаги, и женщина, метнув в сторону двери тревожный взгляд, замолчала.

Щёлкнул замок, скрипнула петлями отворяемая дверь, и в камеру вошли два санитары. Не говоря ни слова, они подошли к кровати Алсу, подхватили её под руки и понесли к выходу. Ни кричать, ни сопротивляться женщина не могла и потому закрыла глаза, покорившись своей участи.

* * *

«Куда же меня везут? – думал Кузьма на заднем сиденье машины, зажатый двумя крепкими парнями. – Может быть, в суд? Но тогда почему ничего не говорят об этом? А может быть, вывозят за город, чтобы пристрелить где-нибудь в лесу? Чего мучиться, вынося приговор, а потом приводя его в исполнение на тюремной территории?»

Машина долго петляла по улицам города, прежде чем выехать за окраину. Потом ещё долго ехали по дороге, пока не свернули в лес. Попетляв, машина остановилась у больших металлических ворот, которые тут же открылись, и показалось большое двухэтажное здание.

Выведя Кузьму из машины, сопровождавшие его мужчины зашли внутрь и остановились перед дверью кабинета. За столом сидели двое в белых халатах, с марлевыми масками на лицах.

– Как тебе экземплярчик? – спросил один из них.

– Великолепный! – воскликнул второй, в возбуждении срывая с лица маску. – Если вы его передадите в моё полное распоряжение, то...

– Для того он и здесь, уважаемый коллега, – сказал человек в маске, и Кузьма напрягся, так как его голос показался ему знакомым.

– Хорошо, отлично, нет, просто замечательно! – с восхищением заговорил «коллега». – Я только мечтал о таком экземпляре! Он будет... Он будет... Он будет идеальным материалом для моих...

Он осёкся и замолчал. «Он собирается использовать меня как материал для каких-то опытов? – ужаснулся Кузьма, бледнея. – Господи, куда я попал? Что это за логово, где...»

– Всё, знакомству конец, – объявил, снимая маску, второй «доктор», и Кузьма сразу узнал его.

«Ну конечно, – подумал он, – нетрудно было догадаться, в чьи лапы я попал! Теперь он... А что он со мной сделает? Замучает своими опытами, мстя за прошлое? Ну нет, делать себя объектом я не позволю! Сейчас, наверное, надо вести себя тихо... Осмотрюсь, пообвыкну, а потом...»

6

Позади особняков тянется асфальтовая дорога, которая ведёт от восточной части города на юг к новым виллам, очень дорогим и не по карману подавляющему большинству жителей страны. У каждой из них большой участок земли с теннисным кортом и полем для гольфа, бассейн с кристально чистой водой, вокруг которых нежатся под солнцем или под зонтиками

в тени красивые юноши и девушки. В воздухе витает запах сигар, ароматных сигарет, перемешанный с запахами цветов и океана, находящегося неподалёку.

Чуть дальше, у самого побережья океана, под высокими пальмами, примостился уютный ресторанчик. В ранние часы он пока ещё был пуст, но ближе к полудню в нём не будет отбоя от посетителей.

В помещение вошли двое мужчин. Один из них сразу пошёл к укромному, едва заметному от входа столику, второй последовал за ним.

– Ну что за человек этот, как его, дон Антонио де Беррио? – спросил мужчина на русском языке. – Если не ошибаюсь, его зовут...

– Тс-с-с, – предостерегающе приложил к губам указательный палец второй мужчина. – Даже не думайте произносить вслух его русское имя, Владимир Александрович. Эмигрировав во время Гражданской войны из России, этот человек сразу же порвал, как он сам говорит, «со всем русским» и взял себе имя и фамилию на испанский манер.

– Какой же он русский, да ещё патриот, господин Бадалов? – скривил презрительно губы Владимир Александрович. – Да он ещё хуже большевиков! Своим таким демаршем он попросту предал Россию, вам не кажется?

– А это, по-вашему, важно для затеваемого нами дела? – усмехнулся Бадалов. – Пусть он хоть чёртом себя назовёт! Важно, что он мультимиллионер и ведёт дела с Россией. Или нам поискать более подходящую кандидатуру, пока ещё не поздно?

– Извини, Корней Миронович, сморозил глупость, – взглянув на часы, сказал Владимир Александрович. – Однако не ты ли нас уверял, что этот человек порвал связи «со всем русским». Тогда какие у него могут быть дела с советской Россией?

– Вы меня не так поняли, господин Быстрицкий, – улыбнулся Бадалов. – Он порвал со своим русским прошлым. Ну, нашла такая блажь на человека, который, с его деньжищами, может позволить себе всё! А его отношения с Россией – всего лишь бизнес! Там он закупает зерно по таким мизерным ценам, по каким не продаст ему больше никто.

– Ясно, обдирает свою Родину, – усмехнулся Владимир Александрович. – А что, в этом что-то есть, похожее на борьбу. Почему он до сих пор не состоит в нашей патриотической организации?

– Почему вы меня, мелкую сошку, об этом спрашиваете, господин полковник? – вздохнул Бадалов. – Вы сами знаете всё про этого человека. Не только мне, всем в организации известно, что вы не раз пытались привлечь его в организацию, но...

– Не его, а скорее его деньги, – хмыкнул Быстрицкий. – С ним занимался не я, а другие люди, хотя...

– Тс-с-с, вот он, – приложил к губам указательный палец Бадалов, и в это время в ресторан вошёл дон Антонио де Беррио.

С папиросой в зубах, в распахнутой рубашке, он шёл по пустому залу, задевая столики и не обращая внимания на замерших при его появлении уборщиц. Это был неопрятный мужчина среднего роста с лысой, как колено, головой и торчащими на уровне ушей короткими седеющими волосами. За ним шла стройная мулатка с пышными чёрными волосами, явно страдающая от скуки.

– Эй, официант, тащи мне борщ, да сметаны побольше! – закричал дон Антонио, присаживаясь за стол и пожимая ожидавшим его мужчинам руки. – Ещё водки холодной тащи и чего-нибудь для моей чернозадой пираньи!

Ещё он не закончил фразы, как у столика вырос официант с блокнотом в руках.

– Всё как всегда, господин Антонио? – вежливо поинтересовался он.

– Ты чего, меня не слышал? – сняв очки, рявкнул на него де Беррио.

– Простите, ваш заказ уже готовят, – пролепетал официант, бледнея. – Я хотел уточнить, что будут заказывать ваши гости.

– Чего? Да они русские и жрут всё то, что и я! – развязно загоготал дон Антонио. – Тащи им всё, что и мне! Да... И водки побольше, чтобы не скучно сидеть было.

Он раздавил окурок в пепельнице и тут же закурил другую папиросу.

– Ну? – посмотрел он на Бадалова поверх свисающих на переносицу очков. – Какого чёрта ты вытащил меня в такую рань из постели?

– Не взыщи, господин де Беррио, но только взаимовыгодное большое предложение заставило меня потревожить вас, – извиняющимся голосом ответил Корней Миронович.

– Если явился деньги кланчить на вашу чёртову борьбу с СССР, не дам! – сказал, как отрезал, дон Антонио. – И чего вам неймётся, чёрт подери? Вам ведь дали по яйцам, мало? И Деникину, и Колчаку, и Юденичу, и Врангелю дали, когда к красным передом стояли! И под зад всем пенделей навтыкали, когда из России выпроваживали? А ведь у всех армии были, и не малые...

– А вы, господин де Беррио, разве сами не претерпели унижений в захваченной большевиками России? – задал каверзный вопрос Владимир Александрович, которого покоробили хамские фразы дона Антонио. – Рядом женщина, а вы позволяете себе...

– Чего хочу, то и позволяю, – грубо оборвал его де Беррио. – Эта чёрная кукла только в постели хороша и не знает ни одного языка, кроме испанского, и на том говорит чёрте как! – Он нахмурил лоб. – Впрочем, а вы чего тут со своим уставом в мой «монастырь» припёрлись? В этом ресторане хозяин я, а вы мои гости! И если вам что-то не нравится, выметайтесь к чёртовой матери!

Быстрицкий покраснел, но промолчал, а Бадалов...

– Прошу простить господина полковника, дон Антонио, – сказал он, бледнея. – Он...

– А ты чего за него прощения просишь? – гаркнул на него дон Беррио. – У него что, языка нет? Припёрлись тут в костюмчиках и при галстучках, думали произвести на меня устрашающее впечатление?

Корней Миронович замолчал, а Быстрицкий... На его неподвижном лице бегали только глаза. Он слегка подался вперёд, сжал кулаки и подобрался. Весь его вид выражал настороженность. Локтем он ткнул Бадалова в бок.

– Пожалуй, вы правы, господин де Беррио, – сказал он ледяным тоном. – Простите, мы расслабились, услышав вашу русскую речь, и приняли вас за соотечественника.

– Короче, чего вам от меня надо, «землячки»? – поостыв, поинтересовался дон Антонио, закуривая очередную папиросу. – Как я понял, вас интересует мой бизнес с Россией?

– Именно так, – ответил Владимир Александрович.

– И чем же он интересен? Или хотите мне запретить иметь общие дела с нашими бывшими соотечественниками? – громко расхохотался де Беррио, подмигивая белому как полотно Бадалову.

Быстрицкий ответить не успел. Официант принёс три тарелки с борщом, четыре бутылки русской водки и выставил всё на стол.

Откупорив одну из бутылок, дон Антонио заполнил стоявшие перед ним винные бокалы до краёв.

– Ну а вы чего ждёте? – сказал он, с ухмылкой глядя на вытянутые лица гостей. – Раз вы русские, значит, выпьем по-русски! Вы не возражаете, господа «непримиримые борцы» с гражданами бывшей Родины?

– Нет, я не могу, – замотал головой Бадалов. – У меня язва, и такой дозы мой желудок просто не выдержит!

– Ну а ты, господин полковник? – перевёл насмешливый взгляд на Быстрицкого де Беррио.

– Нет, я тоже пас, – замахал тот руками. – Я не пью вообще вот уже несколько лет и вам не советую.

– Ну нет так нет, – ставя бокал на стол, сказал дон Антонио. – Тогда наш разговор не состоится. Я не обсуждаю дела трезвым, хобби у меня такое. И один пить не люблю – я не забулдыга из подворотни.

Гости вздохнули, переглянулись и взяли в руки бокалы.

– Вот это по-нашему, – улыбнулся приветливо де Беррио. – Всё, пьём до дна, хлебаем борщ, и я охотно отвечу на ваши вопросы!

Снова наполнив бокалы, дон Антонио закурил.

– Что же вас привело ко мне, господа «соотечественники»? – спросил он. – Да, я был русским, я был китайцем, я был французом и чуть было не стал янки! Вот только жить в США мне не захотелось. А теперь я гражданин мира и имею много-много денег! Сколько вы хотите просить у меня и на какое пожертвование?

– Нам хочется знать, какой именно бизнес вы ведёте с СССР? – поинтересовался Быстрицкий, чувствуя, как хмель начинает дурманить голову.

– А то вы не знаете, – с сарказмом хмыкнул дон Антонио. – Да о моём бизнесе знают все, кроме вас, наверное. Я закупаю зерно в СССР, привожу его сюда и... Кормлю хлебобулочными изделиями свою новую Родину.

– Как много закупаете вы зерна в СССР? – снова задал вопрос Быстрицкий слегка заплетаящимся языком.

– Столько, сколько мне надо, – ответил де Беррио. – В России много зерна, и я могу себе позволить закупать его столько, сколько захочу.

Гости оживились.

– Как вы расплачиваетесь с советскими партнёрами по бизнесу? – задал очередной вопрос Быстрицкий, снимая галстук.

– А чтобы услышать ответ на этот вопрос, надо ещё смочить горлышки, братишки! – улыбнулся им дон Антонио. – И снова пьём до дна, такое правило, а потом говорим хоть до утра, согласны?

На этот раз гости поморщились, но отказываться воздержались. Чокнулись, провозгласили тост за хозяина и выпили.

– Со своими советскими партнёрами я рассчитываюсь по-разному, – ответил де Беррио на ранее прозвучавший вопрос. – Скажут долларами, плачу долларами, захотят бартер, везу в Россию всё, что они попросят.

– Что именно? – переспросил, икнув Бадалов.

– Всё, что пожелают, – хмыкнул дон Антонио. – Так у нас в контракте обговорено, прописано и подписано.

– Тогда у нас есть к вам предложение, господин де Беррио, – заёрзал на стуле Быстрицкий. – Мы предлагаем вам...

– Стоп, ни звука! – дон Антонио указал пальцем на бокалы. – Вопросы и ответы мы уже провели, теперь выпьем за продолжение нашей деловой беседы!

– Но позвольте! – гости округлили глаза. – Вы даже не услышали нашего предложения?

– За то, когда оно прозвучит, выпьем отдельно, – пообещал де Беррио. – Ну... Берите бокалы, чёрт вас побери, господа!

– Не понимаю, почему вы хотите нас напоить, а не выслушать? – заупрямился Быстрицкий. – Мы вам подготовили такое предложение, от которого вы...

– Цыц! – погрозил ему пальцем дон Антонио. – Не так часто ко мне заглядывают русские гости, с кем можно выпить по-настоящему, по-мужски! Здешние аборигены после двух-трёх рюмок под стол валяются... Утром на них грустно смотреть.

Гости переглянулись, пожали плечами и, чтобы не «разочаровывать» хозяина, выпили до дна.

– Так каково оно, ваше предложение, господа? – спросил де Беррио, отправляя в рот кусочек селёдки.

– Чё? – посмотрел на него осоловевшими глазами Быстрицкий. – Чего тебе надо? На колени, холоп, перед моим благородием, полковником лейб-гвардии Его Величества... – не договорив, он уткнулся лицом в поверхность стола и захрапел.

– Ехали казаки на чужбину далёкую, – промычал, в свою очередь, Бадалов строку из песни и повалился со стула на пол.

– Ну как можно иметь дела с такими неженками, – усмехнулся дон Антонио. – Я когда-то знал таких, что они за столом оставались, а я под него со стула падал.

В ресторан вошёл молодой мужчина и нетепеливо поспешил к столику де Беррио.

– Ну чего тебе, Самуэль? – спросил дон Антонио. – Не видишь, я с гостями забавляюсь, а ты...

– Письмо из Ленинграда, от Иосифа Бигельмана, – ответил мужчина, протягивая пакет.

– Вот это приятно, – улыбнулся де Беррио. – Вот это хорошо. Я люблю читать письма из Ленинграда, особенно от проныры Иоськи!

Вскрыв пакет, он достал из него лист, исписанный красивым убористым почерком, и прямо на глазах трезвел, читая письмо.

– Пиранья? – позвал он сидевшую за соседним столиком красотку. – Этих, – и указал пальцем на мертвецы пьяных гостей. – Самуэль с ребятами перетащит их в бунгало, а ты... – он хмуро глянул на её озабоченное лицо. – Ты бери своих куколок, и чтобы эти двое стояли утром передо мной в моём офисе, трезвые как огурцы, понятно?

– Да, хозяин, – кивнула девушка. – Только я не поняла, как кто они должны стоять перед вами?

– Как сиськи твои, тупица! – рыкнул на неё де Беррио. – А теперь делайте дело, и прочь с глаз моих! – распорядился он, заполняя бокал водкой. – Я знал, что такое случится. Я знал... э-э-эх...

7

На рассвете Кузьму привели к Мавлюдову. Когда он, «упакованный» в смирительную рубашку, переступил порог кабинета, у него зуб на зуб не попадал. Азат встретил его притворно приветливо.

– Сейчас я угощу тебя чаем, – сказал он, указывая Малову на стул. – А если откажешься, предложу водки. – Ну-с, так чего пожелаешь, Кузьма Прохорович?

– Я пожелаю воздержаться от того и от другого, – хмуро глядя на него, ответил Кузьма. – Мне хочется знать, почему я здесь, а не на свободе? Следствие окончено, а результатов нет.

Выслушав его, Мавлюдов оживился.

– Благодарю бога, что ты здесь, а не в тайге с топором лес валишь, – сказал он. – Или чего хуже, не покоишься в безымянной могиле, в которую вбит столбик с номером.

Ошеломлённый Кузьма слушал Азата, не понимая, чего тот от него хочет, но сердцем чувствуя, что от мягко стелющего Мавлюдова добра ждать не приходится.

– Так ты что, стало быть, мой «спаситель»? – спросил он, с недоверием глядя на Азата.

– Вроде того, – ответил тот. – Даже скажу больше, теперь ты «в штате» моей лаборатории и мы с тобой, некоторым образом, «коллеги».

– И как это понимать? – ухмыльнулся Кузьма. – Ты так плоско шутишь, сучок бесхребетный?

– Позже всё узнаешь, – пропустив мимо ушей оскорбление, уклонился от ответа Мавлюдов. – А ты на меня зла не держи за то, что случилось. Мне от тебя больше сносить приходилось, помнишь?

– А теперь ты удовлетворён, видя меня вот таким вот?

– Удовлетворён? Вполне. Но и частично сожалею, что всё так получилось.

Азат вскочил из-за стола и принялся расхаживать по кабинету.

– Я навёл о тебе справки, – сказал он, остановившись. – Ты двадцать лет проработал кузнецом на заводе. Признаться, мне не понятен твой выбор. Почему ты не уехал с Бурматовым за границу, а остался в России?

– Тебе этого не понять, «товарищ Рахимов», – усмехнулся Кузьма. – Каждому своё дано в этой жизни. Не смог я душой от России оторваться, вот и не уехал в рай капиталистический.

– Надо же, – развёл руками Азат. – Целых двадцать лет жить под угрозой разоблачения и...

– Я жил и трудился честно, хоть и под чужой фамилией, – вздохнул Кузьма. – Вот только ты один навесил на меня клеймо врага народа, вредителя и заварил всю эту кашу. Кстати, а как у тебя получилось вытащить меня из тюрьмы?

– Как? – Мавлюдов рассмеялся. – Да очень просто. Тебя вычеркнули из списка живых, понял? Тебя нет, ты призрак, Кузьма Малов! Ты умер ещё давно, во время Гражданской! И Антон Мартынов тоже умер в твоём лице. Сам же знаешь, что никогда не было такого человека?

– Ладно, со мной всё ясно, – усмехнулся Кузьма. – А что с женой моей?

– А почему ты меня об этом спрашиваешь? – нахмурился Мавлюдов. – Её тоже нет. Где она, не знаю.

– Врёшь, ты всё врёшь, мерзавец! – закричал Кузьма. – Где она? Что ты с ней сделал?

Мавлюдов вернулся за стол, присел на стул и сложил на груди руки.

– А ты сам как думаешь? – спросил он, противно ухмыляясь. – Где может быть жена врага народа?

– В тюрьме? – скрипя зубами, спросил Кузьма. – Ты и её усадил за решётку?

– Нет, я не знаю, где она, – покачал головой Мавлюдов.

– О Господи, за что мне всё это? – простонал Кузьма. – Почему я оказался в руках этого урода? За какие грехи, Господи?

– Вот именно, ты правильно мыслишь! – воскликнул Мавлюдов. – Ты в моих руках, господин судебный пристав, и я вцепился в тебя мёртвой хваткой! Ты больше никогда не покинешь стен моей лаборатории, а я... Я могу сделать с тобой всё, что захочу, но... Я пока ещё не придумал, что мне с тобой сделать и как тебя использовать с пользой для науки!

– Но ведь прошло целых двадцать лет с тех пор, как мы виделись последний раз?

– Время прошло много, это для тебя. А для меня промелькнуло как одно мгновение!

Азат сложил перед собой на столе руки и сжал кулаки.

– А знаешь как я рад, что ты в моих руках? Я просто ликую не только наяву, но и во сне! Я голову сломал, какую страшную муку применить к тебе! Много мыслей на этот счёт, но никак не могу выбрать самую изощренную!

– Ты сумасшедший... ты чудовище, – сказал Кузьма хрипло. – Ты животное, ты...

– Довольно! – взвизгнул Азат, вскакивая из-за стола. – Называй меня кем угодно, но я есть я! А ты большой, сильный просто пыль под подошвами моих ботинок! Но с твоей помощью я собираюсь лечить очень влиятельных людей! Знай и «гордись» этим!

– И ты думаешь, что я соглашусь тебе в чём-то помогать? – возмутился Кузьма.

– А твоего согласия и не потребуется, – улыбнулся улыбкой вурдалака Мавлюдов и громко крикнул: – Санитары, уведите обратно эту падаль и... Успокоительное ему вколите!

* * *

В камеру соседку внесли на носилках. Особо не церемонясь, санитары перевалили её на кровать и ушли.

Женщина рыдала, корчилась, уткнувшись лицом в подушку. Алсу встала и подошла к ней.

– Что с тобой? – спросила она, присаживаясь на край кровати.

– Со мной всё хорошо, – ответила соседка едва слышно. – Сегодня они забрали всю мою кровь и перелили дряхлой старухе, а её кровь перелили в меня. Господи, как это противно и мерзко!

Она зарыдала. Алсу стала гладить её по голове, но соседка сбросила её руку.

– Всё горит, все внутренности огнём пылают, – сказала она. – Кровь старухи сжигает меня, Господи!

– Расскажи толком, что случилось? – недоумевала встревоженная Алсу.

Соседка ответила очень странно:

– Скоро и сама всё узнаешь. Потом и сама будешь рыдать, проклиная жизнь свою неудавшуюся...

Это было сказано с глубокой обидой и болью. Недружелюбный, колючий взгляд, брошенный соседкой, поразил Алсу.

«Она что, злится на меня? – думала она, сокрушённо вздыхая. – А может, я её чем-то обидела и не заметила сама?»

– Может быть, тебе воды дать? – спросила Алсу. – Попить хочешь?

– Ничего я не хочу, пей сама, – огрызнувшись, всхлипнув, несчастная женщина. – Из меня кровь выкачивают, а тебя не трогают, почему? Для чего они берегут тебя, скажи мне?

Алсу пожала плечами.

– Я вообще не понимаю, о чём ты говоришь мне, – сказала она. – Тебя куда-то уводят, потом приводят, и ты никогда не говоришь, где была. Вот только сейчас от тебя узнала, что из тебя перелили кровь в какую-то старуху.

– Все мы, кто содержится в подвале, не люди, а доноры... – заговорила соседка. – Заведующий этой лабораторией «эскулап» Рахимов, будь он проклят, возомнил себя гением и богом. Он верит, что знает способ, как излечивать людей от любых хворей. Не знаю, кто ему помог, но он притащился в наш город из Сибири и получил для работы лабораторию. Понятия не имею, как у него получается, но те, кого он лечит, странным образом выздоравливают, а мы... Те, у кого он забирает кровь, постепенно погибаем в этом кошмарном подвале.

– О Аллах, – вырвалось у Алсу. – Но ведь это... Так нельзя поступать? Мы же советские люди!

– Ему всё можно, – соседка утёрла слёзы кончиком одеяла. – Ему все доверяют, и никто его не проверяет. А лечатся у него такие влиятельные люди, что... Даже из других городов приезжают!

– Он так зарабатывает деньги? – прошептала Алсу.

– Не знаю, – тяжело вздохнула женщина. – Но-о-о... он очень старается, и лаборатория процветает.

Утешая её, Алсу всё же спросила:

– А отсюда можно выбраться?

– Э-э-эх, даже не мечтай... Здесь как в тюрьме, даже строже. Не будем об этом, мне очень больно и страшно. Всякие мрачные мысли приходят в голову. Давай поговорим о другом и не сердись на меня за резкие высказывания.

Алсу покачала головой.

– Почему ты считаешь, что я сержусь на тебя, Альбина?

– Я нагрубила тебе... Сама не знаю, что нашло на меня... Мне очень-очень плохо, но... Одно радует, что жить мне осталось совсем немного.

– Перестань, не говори так, – пожурела её Алсу. – Мы чего-нибудь придумаем. Мы выберемся отсюда.

– Я да, а ты и не мечтай, – сказала соседка. – Подвал и двор хорошо охраняются. Отсюда даже мужчинам не сбежать, не говоря уж о слабых женщинах.

Тень задумчивости легла на лицо Алсу. Неужели она навечно попала в рабство к злобному выродку? Но почему он уже неделю не трогает её? Бережёт для какого-то особого случая?

– Даже если каким-то чудом тебе удалось бы выбраться отсюда, – вдруг заговорила задумчиво соседка, – тебе недолго пришлось бы наслаждаться свободой. НКВД быстро отловит тебя и вернёт обратно.

«Может быть, наложить на себя руки? – с отчаянием подумала Алсу, выслушав женщину. – Разве смогу я вынести чужую кровь в своём теле? – Она содрогнулась. – Как же быть? Что делать?»

– Здесь кроме нас с тобой и сумасшедших ещё много нормальных людей, – заговорила соседка. – Не знаю сколько, но много... У всех редкая группа крови... Её можно вливать всем. Здесь есть камеры для мужчин и для женщин... Где их собирает Эскулап, не знаю, а вот сумасшедших – в психиатрических больницах. Ничем не брезгует, подлец, и ничего не боится...

– Я знала его раньше, – выслушав соседку, вдруг призналась Алсу. – Он жил в Сибири, в городе Верхнеудинске, служил клерком в суде и звали его Азатом Мавлюдовым. – Она вздрогнула всем телом, будто прикоснувшись к мерзости. – Став большевиком, он похитил меня со своим дружкой и изнасиловал. Он ещё тогда был зверем в человеческом обличье, а теперь... – она поёжилась и покачала головой. – Он носит белый халат, под которым чёрное сердце. Люди верят ему, а он... Как он нашёл нас с мужем, я не знаю, и... Жестоко расплачиваюсь, сама не зная за что. – Она обхватила голову руками и тихо всхлипнула.

Теперь, уже удивлённая её признанием, соседка попыталась утешить Алсу, но она только плакала и качала головой.

– Не надо, не утешай меня, – говорила она, всхлипывая. – Азат Мавлюдов – это наказание на всю жизнь. Я не знаю, для чего он запер меня сюда, но... Я уверена, что он готовит мне какую-то ужасную месть.

Альбина взяла её за руку, долго смотрела на неё, словно раздумывая, а затем сказала:

– Раз он поместил тебя сюда, значит, никогда не выпустит. Чего он задумал, нам не понять, но... Зная его, я уверена, что ожидать чего-то хорошего даже не думай... Я скоро умру, и... Захочешь последовать за мной, я помогу тебе в этом.

– Поможешь? Как? – удивилась Алсу.

– У меня остался яд, который я смогла украсть в лаборатории. Часть его я уже приняла, и того, что осталось, тебе с лихвой хватит, если захочешь...

Выслушав соседку, Алсу едва не лишилась сознания. Она перешла на свою кровать и разрыдалась, накрывшись с головой одеялом.

Альбина тоже всхлипывала, уткнувшись в стену. Она то ли жалела Алсу и раскаивалась в своих словах, то ли плакала от безысходности – трудно было сказать.

Первой проснулась задремавшая было Алсу. Альбина стояла возле ее кровати и что-то говорила. И вдруг рухнула на кровать и замерла, вытянув руки. Женщина умерла.

8

– Здравствуйте, господа заговорщики! – поприветствовал Быстрицкого и Бадалова дон Антонио, как только они вошли в его кабинет. – А видок-то у вас, будто со Страшного суда ко мне явились!

Что-то бормоча, гости расселись вокруг стола. Дон Антонио сегодня выглядел намного эффектнее, чем вчера. Светлый костюм сидел на нём как влитой. Белая рубашка с распахнутым воротом...

– Ну что, други мои, с чего начнём? – поинтересовался он, глядя на опухшие лица Быстрицкого и Бадалова. – Предлагаю подлечиться чуток шампанским и приступить к обсуждению наших дел насущных, как считаете?

Гости переглянулись, но возражать не стали. Миловидная секретарша принесла пару бутылок, и гости не заставили себя ждать.

– А теперь к делу, господа, – сказал дон Антонио, закуривая папиросу. – Вчера вы очень интересовались моим бизнесом, теперь я готов внимательно выслушать ваши предложения.

– А что, мы вам вчера разве их не высказывали? – переглянулись гости.

– Вы вчера лыка не вязали, любезные, – хмыкнул дон Антонио. – Вы только обмолвились, что вас интересуют мои деловые отношения с СССР. На большее вас не хватило.

Гости снова переглянулись. Первым заговорил Владимир Александрович Быстрицкий.

– Европа кипит, – сказал он. – В Германии сильный лидер, Адольф Гитлер, который ненавидит большевиков, и... Дело идёт к большой войне!

– Это лично ваше мнение, господа? – вздохнул дон Антонио.

– Почему наше?! – воскликнул повеселевший после шампанского Бадалов. – Это мнение всех мировых политиков!

– Хорошо, в мире запахло войной, не спорю, – согласился дон Антонио. – А мы с вами при чём? У нас здесь, в благословенной Португалии, тишь и гладь да божья благодать.

– А мы приветствуем нарастающие в Европе события и считаем, что появился реальный шанс взять реванш за поражение в Гражданской войне, – ответил Быстрицкий.

– Ого-го, как вы обмелечали, господа хорошие! – воскликнул дон Антонио. – Хотите привести врага в свой дом? Я вас правильно понял?

– Россия была нашим домом, но нас оттуда выставили! – запальчиво возразил Бадалов. – А мы теперь готовы разгромить большевиков с кем угодно и вернуться с триумфом!

– Ну, хорошо, как хотите, от меня-то что вам понадобилось? – развёл руками дон Антонио. – Я с СССР воевать не собираюсь. У меня сейчас с «товарищами» товарищеские отношения. Мы не видим друг друга и видеть не хотим, а торговое партнёрство вполне устраивает обе стороны.

– Мы пришли к вам с просьбой не как к коммерсанту, а как к патриоту, – оживились гости. – Нам важно свергнуть в СССР сталинский режим, который... Который угнетает русский народ и уничтожает его!

– Ладно, хватит, наслушался я этих ваших лозунгов! – поморщился дон Антонио. – Они мало чем отличаются от тех, какими бравировали в годы революции и Гражданской войны большевики. Я вас в последний раз спрашиваю, что вам нужно и что вы от меня хотите.

– Сколько баржей работают в вашей фирме? – спросил Быстрицкий.

– Достаточно для того, чтобы удовлетворить мои потребности, – уклонился от прямого ответа дон Антонио. – А вам в численности моих барж какой интерес?

– Мы хотим, чтобы вы закупили и вывезли из СССР как можно больше зерна, – сказал Быстрицкий. – Вас устраивает наше предложение?

У дона Антонио глаза полезли на лоб.

– Не понял? – спросил он. – Вы предлагаете мне сделать то, чем я, в общем-то, и занимаюсь?

– В общем-то так, – кивнул Бадалов. – Только зерна надо закупить очень много. Так много, сколько могут увести все ваши суда!

Дон Антонио задумался, но скоро спросил:

– А что прикажете делать с излишками? Мне достаточно столько, сколько сможет переработать в муку моя компания.

– Остатки можете утопить, сжечь, скормить свиньям или рыбам, – ответил Быстрицкий. – СССР нуждается в валюте и продаст вам столько зерна, сколько захотите! Сталин и их Госплан даже не будут считаться с тем, что страна едва-едва оправилась от голода 1933 года.

– Вы что, решили таким образом подорвать экономику СССР? – округлил глаза дон Антонио. – Да вы хоть можете себе представить, сколько надо вывозить хлеба из такой большой аграрной страны, чтобы хоть как-то ослабить её экономику?

– Не одному вам предложено нами ударить таким вот образом по большевикам, – сказал Бадалов.

– Закупками зерна? – рассмеялся дон Антонио. – Да вы шутите, господа?

– Ничего подобного, – вздохнул Быстрицкий. – По СССР мы ударим разными способами. Вы, господин де Беррио, один из вариантов нашей атаки.

– И как именно я должен поступить? – перестав смеяться, поинтересовался дон Антонио.

– Готовить баржи! – осклабился Быстрицкий.

– К какому сроку?

– О сроках поговорим чуть позже.

– Хорошо, я согласен, – удивил гостей скорым и положительным ответом дон Антонио. – Только и вы должны взамен кое-что сделать для меня.

Быстрицкий и Бадалов переглянулись.

– Вы хотите поторговаться, господин де Беррио? – поинтересовался вкрадчиво Быстрицкий.

– Я отправляю свои баржи за зерном в Россию, – ответил он задумчиво. – Но закупая я столько пшеницы, сколько мне понадобится для моего производства. То, что сверх, я закупая за ваши деньги, господа, если вы их мне предоставите.

– Хорошо, договорились, – пожал плечами Быстрицкий. – Наша организация патриотов готова вложиться в эту...

– В эту авантюру? – рассмеялся дон Антонио. – А что, иначе ваши козни не назовёшь.

Гости встали из-за стола.

– Разрешите откланяться, господин де Беррио, – сказал Быстрицкий, протягивая руку.

– А куда вы так спешите? – закуривая папиросу, озадачил гостей дон Антонио. – Мы ещё на посошок не выпили.

– Ну уж нет! – наотрез отказался Быстрицкий. – Я с вами вчера выпил столько, как за последние лет десять!

– Тогда расстанемся на сухую, – вздохнул «огорчённо» дон Антонио. – Только...

– Чего только? – обернулись уже подошедшие к двери гости.

– У меня в Ленинграде есть одно дельце, – покачал головой дон Антонио. – Вот только людей, кто бы его исполнил, у меня нет в этом городе.

– И-и-и... что из этого следует? – заинтересовался Быстрицкий.

– Мне нужны человек пять ребятешек, готовых выполнить любой мой приказ, – развёл руками дон Антонио. – Вы можете мне найти таковых, господин полковник? Вашу услугу и их работу я щедро оплачу.

– Хорошо, мы подумаем над вашей просьбой, – пообещал Быстрицкий. – На какой день назначим повторную встречу, господин де Беррио?

– Позвоните мне через недельку, – улыбнулся дон Антонио. – Тогда я скажу вам, чем располагаю и... Где и когда встретимся!

* * *

Дон Антонио взглянул на часы – двадцать минут одиннадцатого. Закурив, он достал из ящика стола письмо, перечитал его и задумался.

В кабинет вошёл мужчина средних лет в светлом костюме и, кивнув де Беррио, уселся за стол.

– Чего задержался, Матвей? – убирая письмо в конверт, спросил дон Антонио. – Ты всего лишь сидел в соседней комнате, а не шагал в офис по городским улицам.

– Извини, задумался, – ответил вошедший. – Да и ты не спешил меня звать, когда гости ушли.

– Я тоже задумался, – усмехнулся дон Антонио. – Благо есть над чем...

– Эти господа что-то задумали, – беря из ведёрка бутылку шампанского, принялся её откупоривать Матвей. – Я не смог вникнуть в суть предложенной сделки, но в том, что они пытаются втянуть тебя в какую-то аферу, не сомневаюсь нисколько!

– Вот это меня и заводит! – вздохнул дон Антонио. – Скука совсем одолела. Хочу ввязаться в предложенную игру и...

– Обожди, умник, не считай себя умнее других! – «заартачился» Матвей. – У этих пройдох наверняка заготовлен план, хорошо продуманный и обговоренный! Тебя хотят разорить, однозначно. А что ещё? Сдаётся мне, что у предложенной аферы существует ещё какая-то подоплёка.

Он заполнил фужеры искрящимся вином, и они выпили.

– Баржи, зерно, перевозка, – принялся вслух рассуждать Матвей. – Что-то мне нащёптывает, что в затеваемой «драме» провоцируется какой-то скандал. А попытка нанесения существенного вреда экономике СССР – это бредовые оговорки, чтобы запудрить тебе мозги!

– Я тоже понял, что их предложения рассчитаны на дурака, – усмехнулся дон Антонио. – Неужели они меня таковым считают?

– Нет, не считают, – покачал головой Матвей. – Но они рассчитывают на твою жадность крупного бизнесмена. А ещё хотят провести тебя и устроить мировой скандал с твоим именем.

– Да-а-а, это похоже на истину, – согласился с ним дон Антонио. – У нас неделя, чтобы всё хорошенько продумать, взвесить и...

– Всё сделаем, не беспокойся, – кивнул Матвей. – Нам важно знать, что они предложат при следующей встрече. Когда выслушаем их доводы, вот тогда и обсудим.

– Ну а ты...

– Я знаю, что мне делать, можешь не беспокоиться, дон Антонио.

Они выпили ещё по бокалу шампанского.

– А ты мне больше ничего не хочешь рассказать? – поинтересовался Матвей, глядя на босса. – Мне непонятно, почему ты так быстро согласился на их предложение. На тебя это не похоже.

– К этому меня подтолкнули особые причины, – ответил дон Антонио и протянул собеседнику письмо. – На-ка вот, почитай... Я хочу услышать на этот счёт твоё мнение?

Матвей быстро перечитал письмо, ничего не понял и перечитал ещё раз.

– Что это? – спросил он, с недоумением глядя на босса.

– Это письмо доставлено мне вчера еврейской почтой, – ответил тот.

– Понимаю, и, вижу написано оно тоже евреем? – округлил глаза Матвей. – Только не вразумлю никак, о ком в нём ведётся речь?

– Об очень хорошем человеке, – пояснил дон Антонио, беря бокал в руки. – Он попал в беду, и я должен его выручить!

– На свете много хороших людей, попавших в беду, но это не значит, что их всех кто-то должен выручать? – беря бокал, усмехнулся Матвей.

– Что и с кем происходит на земле, меня не волнует, – вдруг погрузился дон Антонио. – Но тот, о ком написано в письме... Мы с ним не виделись уже двадцать лет, но я всегда с грустью вспоминаю о нём.

– Это ваш родственник? – отпив глоток шампанского, поинтересовался Матвей.

– Нет, мы не родственники, ни близкие, ни дальние, – вздохнул дон Антонио. – Но я всегда испытывал и испытываю к этому человеку необъяснимую душевную слабость. Он искренне честный человек... Он самородок, и именно за это я люблю его. В нём есть то, чего нет во мне и в тех людях, каковых мне приходилось встречать на своём веку, а потому...

Дон Антонио не договорил и залпом допил шампанское.

– Понятно, – кивнул Матвей. – Тот человек, о котором вы только что сказали, попал в беду. Его подмяла под себя машина сталинских репрессий. И это немудрено. Сейчас в СССР много таких людей, которые...

– Не читай мне лекций о ситуации в России! – неожиданно вспыхнул дон Антонио. – Лучше подумай и скажи, какие есть дельные предложения по этому поводу.

– Нет уж, увольте! – развёл руками Матвей. – Пойми, босс, вашего друга найти в России и тем более спасти его абсолютно невозможно!

– Иосиф Бигельман, который прислал мне это письмо, уже двадцать лет присматривает за ним, – заговорил дон Антонио задумчиво. – И это моя инициатива. Все эти годы, казалось бы, всё складывалось хорошо, мой друг с женой жили мирно в Ленинграде, правда, под чужой, выдуманной фамилией. А теперь его арестовали и след его простыл... Я должен поехать в Россию и выручить его!

– Позвольте, но это же невозможно! – воскликнул удручённо Матвей. – В СССР множество лагерей, сотни тысяч осуждённых! Искать вашего друга там всё равно, что иголку в стоге сена!

– И это говоришь мне ты? – покосился на него дон Антонио. – Ты вспомни, каким был великолепным сыщиком в Уфе.

– Да ведь давно это было, – поник Матвей. – Сами знаете, что двадцать лет с тех пор прошло... У меня нет в СССР ни агентуры, ни связей.

– Зато у тебя осталась голова на плечах, – натянуто улыбнулся дон Антонио. – Вот её и используй.

– Хорошо, я подумаю над этим, – вздохнул Матвей. – А вы? У вас есть на этот счёт хоть какие-то соображения?

– У меня есть, – хмыкнул дон Антонио. – Вот потому я и согласился «помочь» этим ублюдкам, хлопотавшим за очередную попытку унижить Россию...

9

Когда Азат Мавлюдов в полночь вошёл в камеру-палату Малова, его взору открылась отвратительная картина. Прикованный наручниками к трубе отопления Кузьма представлял собою кровавое месиво.

– Чего, так и сопротивляется? – спросил он у санитаря, стоявшего с закатанными руками и окровавленными руками.

– Не даётся гад, изворачивается, не можем иглу ему в вену вставить, – посетовал тот. Мавлюдов осторожно приблизился к Малову и присел перед ним на корточки.

– Мы ему наручник едва на руку надели. Силён, чёрт, до невозможности...

– Да-а-а, ситуация, – вздохнул с пониманием Мавлюдов. – Из него можно ведрами кровь вычерпывать, а мы справиться с ним не можем. А у меня пациент уже часа три переливания дожидается.

– А может быть, его усыпить, Азат Гумарович? – спросил санитар. – Тогда никаких проблем не будет.

– Нет, это не выход, – покачал головой Мавлюдов. – Кровь мы должны перелить чистую, без всяких примесей. – Он посмотрел на сидевшего на полу Кузьму. – А о прямом переливании, видимо, не может быть и речи?

Малов вдруг пошевелился и застонал.

– В себя приходит, – гыгыкнул санитар и посмотрел на огромного застывшего как статуя у двери напарника. – Вакула, придётся постараться и на кровать его перетащить. Ну а будет сопротивляться...

– Стойте, не калечьте его, – неожиданно воспротивился Мавлюдов. – Пусть остаётся на месте. Возьмите дебила из 18-й палаты и тащите его к ожидающему переливание пациенту...

Санитары вышли из палаты. Открыв глаза, Малов увидел Мавлюдова и встрепенулся. Он затряс головой, пытаясь собраться с мыслями.

– Ничего, я тебя не тороплю, задумайся над своим положением, – сказал Азат «миролюбиво». – Только не упусти из виду, что у тебя нет другого выхода. Не заberi я тебя из НКВД, тебя давно бы уже в живых не было. А здесь ты поживёшь ещё, правда, в не комфортных условиях.

– Пока я жив, вы не возьмёте из меня и капли крови, упыри, – прошептал Кузьма разбитыми, распухшими губами.

– Нет, ты не жив, не обольщайся, – хихикнул Азхат. – Ты уже осуждён и расстрелян. Твоё дело сдано в архив. Оно закрыто в связи с приведением приговора в исполнение. Так что ты уже не человек, а донор. Ты жив лишь потому, что мне нужна твоя уникальная кровь, а не ты, со своим огромным телом и куриными мозгами!

– То, чем ты занимаешься, – это преступление, – прошептал Кузьма. – А ты кровавый убийца, «товарищ Рахимов»!

– Нет-нет-нет, ты заблуждаешься, строптивый «покойничек»! – воскликнул Мавлюдов и рассмеялся. – Всё, что я делаю, вполне законно, лаборатория существует официально и принадлежит Академии наук! Мне не страшна никакая проверка, поверь мне. И даже не мечтай, я никогда не попаду в списки «врагов народа» и не уподоблюсь тебе!

Кузьма ухмыльнулся.

– А не слишком ли ты самоуверен, мерзавец? – произнес он едва слышно. – Твои действия, творимые над людьми, просто не могут быть законными.

– Ну-у-у... Признаюсь честно, я немного закон переступаю, но в разумных пределах, – захихикал Азат. – И мои действия не причиняют нашему Советскому государству никакого вреда.

– Это ложь! Ты оправдываешь сам себя! – возмутился Кузьма. – Жаль, что не могу дотянуться до тебя и придушить без сожаления, как жалкого курёнка!

Азат выпрямился и присел на прикрученный к полу табурет.

– Знаешь, а меня прямо-таки распирает злорадство, – сказал он, закидывая ногу на ногу. – Ты настолько крепко осел в моём подвале, что никогда не выберешься из него. Я не нарадуюсь этому!

– Ты собираешься меня умертвить? – спросил Кузьма. – Так чего тянешь? Я всё равно не позволю брать из меня кровь, даже не рассчитывай на это!

– Надо будет, возьмём, – заверил его Мавлюдов. – Даже твоя медвежья сила не сможет помешать мне!

– Тогда тебе придётся меня убить.

- Нет-нет, до этого не дойдёт.
- Но я буду защищаться до конца!
- И каким же образом? Пристёгнутым к кровати?
- Я руки на себя наложу.
- Не получится, за тобой день и ночь будут наблюдать мои люди!

Кузьма замолчал, ему нечего было сказать издевающемуся над ним негодяю. Он лишь тяжело дышал и не сводил с Азата полного ненависти взгляда.

– Ага, вот таким ты мне нравишься! – снова рассмеялся Мавлюдов. – Загнанный волк в клетке! Ты, наверное, жизнь бы сейчас отдал, чтобы дотянуться своими ручищами до меня? Но я не могу тебе это позволить. Теперь ты всецело в моей власти, и мы будем с тобой «творить добро» совместно!

– Добро? О чём ты говоришь, мерзавец? – прошептал возмущённо Кузьма. – Тебе не дано знать, что это такое!

– Ну-ну-ну... В каждом человеке есть добро и зло. Только вот зла во мне больше!

– Тогда о каком добре ты здесь вякаешь? Ты же...

Не дождавшись, когда Малов закончит фразу, Азат показал ему кукиш и заговорил сам.

– Твоя очень редкая, а потому ценная кровь нужна людям! Я буду выбирать её из тебя и вливать им!

– И скольких ты собираешься излечить с помощью моей крови? Страждущих много, а я один.

– Да, жаждающих вылечиться предостаточно. Например, от лейкоза очень много. Но среди них есть и такие, кого я называю избранными! Вот мы с тобой будем спасать именно их.

– Негодай... Ты хочешь зарабатывать на моей крови? – хрипло рассмеялся Кузьма. – Ты собираешься её вливать...

– Очень влиятельным людям, – продолжил Азат. – Мне нужны большие, нет, просто огромные связи, а не большие деньги! Иметь много денег в нашей стране непозволительно. Их просто некуда тратить. Начнёшь шиковать – наживёшь неприятности. А я не хочу злить людей и привлекать к себе лишнее внимание. Людская зависть и злоба – вот наивысшее зло! И я не хочу связываться с этим пороком. Имея большие, надёжные, крепкие связи, я буду иметь огромные возможности. И... Впрочем, чего это я тебе, жалкой лабораторной крысе, всё рассказываю? Увидит кто, сочтут за ненормального, а я не имею права рисковать своей незапятнанной репутацией, это повредит не только моей карьере, но и...

Не договорив, он махнул рукой и вышел из камеры, оставив Кузьму наедине с отчаянием и горькими мыслями.

* * *

Мёртвое тело Альбины унесли санитары, и Алсу провела остаток ночи в одиночестве. Думая о Кузьме, она пыталась убедить себя, что всё образуется. Но беспокойство и тоска не покидали её. Образ умершей соседки неотступно стоял перед глазами, вытесняя мысли о муже.

Утром за ней пришёл санитар и велел следовать за собой.

Ни живая ни мёртвая женщина прошла по коридору, медленно поднялась по лестнице и, оказавшись перед дверью кабинета, замерла. Ей вдруг захотелось заплакать, но санитар распахнул дверь и подтолкнул её в спину.

Мавлюдов встретил её хмурым взглядом и указал рукой на стул:

– Проходи, присаживайся, «дорогая».

– Нет! – вырвалось инстинктивно у Алсу. – Я не хочу видеть тебя!

– Твоё нежелание ровным счётом ничего не значит, – ухмыльнулся Азат. – Здесь выполняются мои приказы и прихоти! Так что «добро пожаловать», дорогая моя!

Алсу закрыла глаза. Ей стало дурно, а кровь отхлынула от лица. Мавлюдов схватил ее за руку и швырнул на пол, но женщина успела схватиться за спинку стула.

– Ну и? – спросил он. – Что говорила твоя соседка перед тем, как подохнуть?

– Я... ты... – Алсу с трудом проглотила слюну. – Я...

– Что она говорила тебе, выкладывай! – закричал вдруг Азат. – Я хочу знать, почему она отравилась и где взяла яд.

– Она ничего не сказала мне про это, – успела пролепетать Алсу, как сильный удар по лицу опрокинул её на пол.

– Врёшь! – взревел в ярости Мавлюдов. – Я хорошо знал эту болтливую стерву, и быть того не может, чтобы она не делилась с тобой своими мыслями! – Он принялся в остервенении избивать несчастную женщину руками и ногами, изрыгая чудовищные проклятия.

Азат истязал Алсу чуточку больше, чем намеревался. А когда запал спал, тяжело дыша, спросил:

– И... чего ты дожидаясь от своего заточения? Может, тоже хочешь подохнуть, как муха, так скажи?

Алсу встрепенулась и приподняла голову. Азат, сам того не желая, не смог подавить внезапно охватившее его волнение. Испуганным движением он провёл пальцами по пуговицам халата и, желая замаскировать замешательство, сказал:

– Не рекомендую демонстрировать мне свою гордыню... Здесь такие, как ты...

Дверь кабинета распахнулась. Вошёл человек в белом халате и с такого же цвета лицом. Едва переступив порог, он сказал:

– Выслушаешь меня, Азат Гумарович?

Лицо Мавлюдова вытянулось, и он сразу же утратил интерес к лежавшей на полу Алсу.

– Ну, выкладывай, что стряслось.

Вошедший, растерянный и подавленный одновременно, едва смог выдать из себя:

– Умерла мать товарища Дымова...

Мавлюдов подался вперёд и, ничего не понимая, уставился на коллегу.

– Ты хоть сам понимаешь, что говоришь? – побледнев, выкрикнул он.

– Только сейчас подохла старуха.

– И что, нельзя было её спасти?

– Делали всё возможное, но...

В кабинете повисла мёртвая тишина. Мавлюдов выглядел растерянным ребёнком, над которым нависла реальная опасность, и он не знает, как избежать её.

Молчание нарушила заглянувшая в кабинет медсестра.

– Азат Гумарович, к вам на приём просится очень важный товарищ, – сказала она. – Он требует немедленно провести его к вам и ничего не хочет слышать о вашей занятости.

– Хорошо, приведи его, – сказал Мавлюдов и, повернувшись к замершему посреди кабинета коллеге, спросил: – Кто ещё знает про смерть старухи кроме нас с тобой?

– Не знаю, я зашёл в палату и застал её мёртвой, – вздохнул тот, смахивая платочком пот с лица. – Я сразу же запер палату на ключ и бегом к вам.

– От чего она могла умереть? – спросил Мавлюдов. – Она же...

– Ей перелили кровь Сафроновой, – ответил осторожно доктор.

– Так она же подохла, чёрт вас всех подери!

– Она ночью подохла, а днём её кровь перелили старухе.

– Значит, пациентке перелили отравленную кровь?

– Выходит, что так, – лицо доктора сделалось пепельно-серым. – Простите, Азат Гумарович, недоглядели. Кто же предположить мог... У Альбинки ведь уже много раз кровь выбирали.

– Чем отравилась Сафронова, установили? – прорычал злобно Мавлюдов. – Как она добыла яд? Кто ей дал его?

– П-понятия не имею, – опустил голову доктор. – Может, она как-то украла яд в лаборатории?

– Как она могла это сделать? – наседал яростно Мавлюдов. – У нас что, проходной двор? Яд повсюду валяется без присмотра и любой может взять его?

– О-она ведь медсестрой у нас работала и знала, где его найти, – попятился к двери доктор. – Но-о-о... я разберусь, Азат Гумарович, обязательно разберусь!

– Стой! – рявкнул Мавлюдов, и доктор замер. – Сколько было лет старухе?

– Девяносто три, – ответил тот трясущимися губами.

– Сколько? – переспросил Мавлюдов, округлив глаза.

– Девяносто три, так в истории болезни записано, – повторил доктор. – Она пережила два инсульта и...

– А вот это замечательно! – вздохнул облегчённо Мавлюдов. – Лично сам вскрый старуху. Причину смерти укажи – кровоизлияние или тромб. В заключении всё вали на её «изношенное» сердце! Учти, если у меня будут неприятности, ты отгребёшь у меня ещё больше!

– Я всё понял, Азат Гумарович, – попятился к выходу доктор. – Всё сделаю как надо. Комар носа не подточит. Я...

– Стой! – остановил его Мавлюдов и кивнул на притихшую на полу Алсу. – Отведи красотку в её «апартаменты» и... Скажи санитарам, чтобы всё там тщательно обшарили. Вдруг Сафронова не весь яд вылакала и что-то там оставила...

Дверь распахнулась, и в кабинет вошёл сурового вида мужчина в форме сотрудника НКВД. Мавлюдов любезно улыбнулся и жестом приказал доктору выйти, а сам поспешил к вошедшему с протянутой для пожатия рукой.

10

– Товарищ Гарин? – Мавлюдов со страхом уставился на гостя. – Вы... вы...

– Чего тарачишься? – буркнул тот, усаживаясь на стул. – Непривычно видеть меня в твоём гадюшнике?

Лицо Мавлюдова вытянулось и сделалось плаксивым.

– Ну, зачем вы так, – вздохнул он. – Мы здесь занимаемся научными изысканиями, товарищ старший майор, и ещё людей лечим.

– Все, кого ты здесь лечишь, в большинстве своём гады, – презрительно поджал губы Гарин. – Стало быть, и лаборатория твоя гадюшник!

– Ну... – Мавлюдов заискивающе улыбнулся и развёл руками.

Гарин достал из кармана пачку папирос и, не спрашивая разрешения, закурил.

– Вижу, не рад ты меня видеть, товарищ Рахимов, – сказал он, выпуская в потолок струю дыма. – Твоя морда сама о том говорит.

– Да нет, – проглотив ком слюны, заговорил Азат. – Мне непривычно вас здесь видеть. Обычно мы встречаемся на нейтральной территории, а сегодня...

– Сегодня я решил навестить тебя сам, а не вызывать на конспиративную квартиру, – продолжил майор. – А привело меня к тебе одно очень важное дело, которое не может ждать и требует немедленного решения.

– Дело? Что за дело? – чуть ли не шёпотом поинтересовался Мавлюдов. – Надеюсь, не...

– Нет, пока ты под моей защитой и покровительством, чувствуй себя уверенно и смело, – усмехнулся Гарин. – Но времена нынче беспокойные. Врагов народа много развелось... Мы их отлавливаем, отлавливаем, а троцкисты и всякое другое отребье, как грибы-поганки из земли, всё лезут и лезут!

– Да-а-а, тяжело вам приходится, не позавидуешь, – угодливо поддакнул Мавлюдов. – И я, как патриот и честный советский человек...

– Да будя тебе соловьём заливаясь, «честный человек»! – нахмурил лоб майор. – Что-то я давненько не читал твоих докладов, и ты не спешишь писать их.

– Ну так...

Мавлюдов метнулся к сейфу и выложил на стол папку.

– Вот, всё здесь, – сказал он с натянутой улыбкой. – Я как раз собирался...

– Что в ней? – не прикасаясь к папке, спросил Гарин.

– «Откровения» моих пациентов, – поспешил ответить Мавлюдов. – Многие из них имели неосторожность высказать лишнее при разговоре со мной, а я...

– Гляди у меня! – погрозил ему пальцем майор. – Твоё «творчество» я позже прочту у себя в кабинете. Но меня беспокоит другое... Меня настораживает интерес к твоей личности первого секретаря Ленинградского обкома и горкома!

– Товарища Жданова?! – ужаснулся Азат.

– Да, Андрея Александровича, – кивнул Гарин. – Он вызвал меня к себе и долго расспрашивал о тебе.

– А что интересовало товарища Жданова? – забеспокоился Мавлюдов. – Какие вопросы он задавал?

– Их было много, все и не упомнишь, – пожал плечами майор. – Но я дал тебе отличную характеристику, и, кажется, он остался доволен.

– И на том спасибо, – сказал Азат озабоченно. – Может быть, он хочет кого-то из родственников ко мне на лечение устроить?

– Я тоже склонен так считать, – хмыкнул Гарин. – Но всё может быть по-другому.

– По-другому? Это как? – облизнув пересохшие губы, поинтересовался Мавлюдов.

– Как? А то ты не знаешь, – рассмеялся майор. – Арестуют, осудят, и... Если не расстреляют, то отправят в исправтрудлагерь Севвостлага. А там ты пожалеешь, что не расстреляли.

– О Всевышний, всё так серьёзно? – затрепетал от страха Азат. – Так что делать? Чего мне ждать, товарищ Гарин?

– Чего ждать, не знаю, – пожал плечами майор. – А вот что делать... Ты своих доноров пересели куда-нибудь на время.

– Но-о-о... они у меня все оформлены официально, – пролепетал едва живой от страха Мавлюдов. – Пациенты мне переданы из психлечебницы на лечение, и...

– Если вдруг к тебе придут, то не будут расспрашивать про тех, кто оформлен официально, – сузил глаза Гарин. – Дураков не интересует никто! А вот если обнаружат тех, кто содержится в подвале «сверх штата», то не поздоровится не только тебе, но и мне!

На лбу Мавлюдова проступили мелкие капельки пота, а кадык заходил вверх-вниз.

– Кого вы имеете в виду, товарищ майор? – спросил он.

– Того огромного кузнеца Антона Мартынова, – ответил Гарин. – По твоей просьбе я передал его тебе и... Кстати, он и его супруга ещё в добром здравии?

– С ними всё в порядке, – вздохнул Мавлюдов. – Но почему их судьба интересует вас? Мы же договаривались, что-о-о...

– Да, мы договорились, и я сделал всё, чтобы эти люди исчезли раз и навсегда, – сказал Гарин, вставая. – А ты гарантировал, что их никто и никогда не увидит! Ну а если ты их плохо спрятал, и они вдруг выплывут на «свет божий»?

Он снова закурил, убрал в карман пачку папирос и подошел к столу.

– Их никто и никогда не найдёт, уверяю вас, – почувствовав неладное, отпрянул от него Мавлюдов. – Никто и никогда не узнает, что вы помогли мне...

Прямо через стол майор дотянулся руками до горла Азата и сдавил его. Мавлюдов хватал ртом воздух и пытался освободиться, но Гарин приподнял его со стула, подтянул к себе и, жуя папиросу, выпустил в лицо густую струю дыма.

– Ты есть ничтожество, товарищ Рахимов, – ухмыльнулся майор, отпуская Мавлюдова. – Попади ты на допрос в НКВД – расскажешь всё, о чём тебя только «попросят». А я не хочу фигурировать в твоих показаниях, понял?

– Да-да... – прохрипел Азат. – Я...

– Избавься от лишних людей прямо сегодня, после моего ухода, – потребовал Гарин. – Как с ними поступить, решай сам!

– Я вас понял, – закивал напуганный до смерти Мавлюдов. – О-отпустите меня...

– Я рад, что ты понял, – сказал майор, отпуская его. – А теперь я пошёл. Если есть просьбы или пожелания, говори, пока я не покинул кабинет.

– Да вот, – Азат сделал вид, что не решается говорить или промолчать.

– Ну? – обернулся уже коснувшийся двери Гарин.

– Да я вот хотел узнать, как вы относитесь к товарищу Дымову, – сказал Азат смущённо.

– Ничем его не выделяю, – нахмурился Гарин. – Обычный конторщик из Госплана.

– Да я вот... – замялся Мавлюдов. – Уж очень он болтлив. Я несколько страниц написал в своём докладе по этому поводу.

– Что ж, разберёмся и накажем, – глянув на часы, пообещал майор. – А теперь извиняй, эскулап «кровавый». Служебные дела заставляют везде успевать и подолгу не задерживаться на одном месте...

* * *

Кузьма стоял у окна в своей камере, крепко сжимая руками прутья решётки. Глаза его горели. Ему хотелось разнести вдребезги свою крохотную, так называемую «палату», выдрать решётку, раскурочить железную дверь. Всё кипело у него внутри, и он не знал, на что обрушить свой гнев, чтобы хоть чуть-чуть полегчало на душе.

Огромным усилием воли овладев собой, он уселся на свою «лежанку», устремив глаза на дверь. Время от времени Кузьма тяжело вздыхал и снова переводил взгляд на зарешеченное окно.

Он продолжал неподвижно сидеть на кровати, когда дверь с лёгким скрипом распахнулась и в камеру заглянул Мавлюдов. Некоторое время оба молчали.

– И чего тебе? – вымолвил наконец Кузьма. – Чего припёрся, я видеть тебя не хочу!

Мавлюдов промолчал. Холодным взглядом он наблюдал за узником и спустя несколько минут заговорил:

– Хотелось бы знать, как долго ещё ты собираешься испытывать моё терпение? Мне уже надоело любоваться твоими выкрутасами, и... Ты меня понял, верблюд?

Кузьма сказал глухо:

– Я к тебе сюда не напрашивался, ублюдок. И выкачивать из себя кровь не дам, даже не думай.

Мавлюдов издал короткий злобный рык и ухмыльнулся:

– А ты предпочитаешь быть расстрелянным, не так ли? Если ты не одумаешься, то я могу поспособствовать тебе в этом.

– Нет, у тебя в отношении меня другие планы. Ты сам мне уже не раз говорил об этом, – хмыкнул Кузьма.

– Сегодня у меня очень трудный день и нет желания с тобой препираться, – вздохнул Азат.

– Тогда почему ты здесь, «товарищ Рахимов»? – усмехнулся Кузьма. – Не боишься, что я наброшусь на тебя и размажу по стенам камеры?

У Мавлюдова побагровело лицо, а на висках вздулись вены.

– Я пришёл, чтобы посмотреть на тебя и принять решение, – сказал он злобно. – Сейчас передо мной стоит выбор – оставить тебя в живых или уничтожить.

Кузьма, выслушав его, улыбнулся. Какое-то необузданное веселье вдруг захлестнуло его.

– Что, прищемили тебе хвост твои покровители?! – воскликнул он. – Может быть, твоё лечение не слишком-то исцеляет их?

– Мои пациенты мною довольны! – прокричал раздражённо Азат. – Я десятки поставил на ноги, а скоро их будут сотни!

– Как знать, как знать, – Кузьма перестал смеяться и, глядя на Мавлюдова, тяжело задыхался. – На моей крови и на крови таких, как я, ты свою карьеру не построишь!

– А вот это не твоё дело! – воскликнул раздраженный Азат. – Это у тебя уже нет будущего, а у меня...

– И у тебя оно, видать, незавидное, – возразил Кузьма запальчиво. – Я по твоей вытянутой морде вижу, что дела твои не так блестящи, как тебе хотелось бы!

Мавлюдов уставился на него, пожал плечами и взглянул на часы.

– Мне пора идти, – сказал он, вздыхая. – А тебя мне жаль, господин судебный пристав. Я так и не решил, как поступить с тобой, но...

– Так чего же ты тянешь, вот прямо сейчас и решай? – остановил его насмешкой Кузьма. – А мне совершенно наплевать, каковым оно будет!

– Что-о-о... – Мавлюдов с багровым лицом уставился на Малова.

– Я сказал, что мне всё равно, как ты решишь расправиться со мной, – сказал Кузьма. Его голос как пламенем опалил Азата. – Тебе долго везло в этой жизни, «товарищ Рахимов», но-о-о... всё когда-нибудь заканчивается.

Мавлюдов вздрогнул. В нём пробудился панический страх перед Маловым, который преследовал его всегда, и он не мог с ним справиться.

– Ты что, пытаешься запугать меня?

– Нисколько.

– Ложь! Я не верю тебе!

– Это твоё дело. Хотя... ты всегда боялся меня.

Лицо Азата снова покраснело, на лбу и на шее вздулись жилы и, чтобы не упасть, он оперся плечом на дверной косяк.

– Ты ошибаешься, я не... – выдавил он из себя, – я не боялся, а ненавидел тебя!

– Это ты расскажешь кому-нибудь другому, кто раньше не знал тебя. А вот я...

Азата окончательно покинуло самообладание, и он закричал:

– Я всегда ненавидел тебя! Ты всегда становился у меня поперёк дороги! Ты считал меня преступником, а я никогда не был таковым! Я поступал так, как считал нужным. И не желаю, чтобы именно ты попрекал меня этим! Сейчас ты в моей власти! Ты... ты...

Задыхаясь от бешенства, с потемневшим, налитым кровью лицом, Мавлюдов выбежал из камеры, а стоявший в коридоре санитар тут же захлопнул дверь.

– Иди, беги, проваливай, трусливый ублюдок! – закричал, глядя на дверь, Кузьма. – Ты настолько боишься меня, что...

Мавлюдов больше не появился в камере, и Малов, не закончив фразы, замолчал. Он сидел на кровати, положив на колени руки, с лицом, лишённым всякого выражения. Кипя от негодования, он смотрел на дверь. От его обострённого волнением слуха не ускользнул ни один оттенок из высказываемых Мавлюдовым фраз. Кузьма злорадствовал, переживая победу над давним врагом.

Пока он сидел, вся его жизнь вдруг промелькнула в его памяти: скромное начало в должности судебного пристава в Верхнеудинске, метание в годы Гражданской войны, длительные старания быть неузнанным в послевоенные годы, тяжёлый труд на заводе, в который он вкладывал всю душу... И для чего, раз он оказался в руках жалкого негодяя? Он, сжимая кулаки, вскочил с кровати и, полный негодования, снова приблизился к окошечку и ухватился руками за решётку.

Скрипя зубами, он видел перед собой злобное сморщенное личико Мавлюдова, который в то время служил клерком в городском суде Верхнеудинска. Во время революции этот ничтожный человечешка переметнулся к большевикам и раз и навсегда осел в их лагере. Хитрый, изворотливый мерзавец многого достиг с тех пор.

«Почему я не прибил этого слизняка раньше? – с озлоблением думал Кузьма, сжимая руками крепкие прутья. – Я видел его в роли преступника, я знал его в роли “революционера”, я наблюдал этого мерзавца и в других ролях. И он всегда выходил сухим из воды, хотя многие его товарищи давно уже кормят червей в могилах на кладбищах или давят вшей в спецлагерях ГУЛАГа...»

– И почему я не придушил его сегодня? – задал сам себе вопрос шёпотом Кузьма. – Достаточно было одного рывка, достаточно было...

Дверь неожиданно распахнулась, и в камеру вошли четыре здоровенных санитара. Не говоря ни слова, они набросились на Кузьму и повалили на пол. Один из них с каменным лицом вонзил ему в руку иглу шприца...

11

Дон Антонио де Беррио поднял руку и, не сводя глаз с Быстрицкого, сказал:

– Я, пожалуй, соглашусь с вашим предложением, полковник. Меня заинтересовала коммерческая сторона вашего плана, а всё остальное – дерьмо собачье. Война, провокации против СССР – всё дерьмо!

Он отломил от жареной куриной тушки крылышко и обмакнул его в соус.

– У меня в наличии шесть барж, – продолжил он, – но я готов закупить пшеницу только на три. Остальные три мы загрузим за ваш счёт, господа непримиримые контрреволюционеры!

– Мы уже обсудили этот вопрос в прошлый раз и дали согласие, – вежливо напомнил Корней Бадалов.

– И то верно, – кивнул дон Антонио, беря графинчик и наливая в рюмку водку. – Так вы, как я понял, пытаетесь взять реванш с помощью Германии, или...

– Это вас не должно касаться, – поморщился Быстрицкий.

– Как это не должно? – округлил глаза дон Антонио. – Если вы хотите вовлечь меня в игру, то условие моё таково – играем открытыми картами!

Гости переглянулись.

– Что, вам это не нравится, господа? – выпив и закулив папиросу, ухмыльнулся дон Антонио. – Ничего не поделаешь... Я всегда перестаю нравиться тем, кто пытается водить меня за нос. Поэтому я процветаю, – объяснил он гостям. – Раньше я считал себя романтиком, а теперь... А теперь я поумнел, господа, и всё мне осточертело. Было время, когда я согласился бы с вашим предложением, не вникая в его суть, а теперь... – он покачал головой. – А теперь я не такой доверчивый, как в молодые годы и... Я хочу знать всё, что стоит за вашим предложением, господа. И если вас особо не напрягает моё требование, то я готов выслушать вас!

Он снова налил водки и залпом выпил.

– Порядок таков, – заговорил после короткой паузы Быстрицкий. – Мы загружаем все ваши баржи, и этот груз они перевезут в Германию. В этом случае мы платим за аренду ваших судов. После выгрузки в Германии баржи снова загрузят и отправят в Финляндию. И в этом

случаем мы тоже платим за аренду судов. Ну а из Финляндии баржи отправятся прямым в Ленинград за зерном! Вот тогда три из них загружаются за ваш счёт, а три других за наш. Вас это устраивает?

– Вполне, – пожал плечами дон Антонио. – Только хотелось бы знать, что за груз пойдёт в Германию, господин полковник? Вы, видимо, собираетесь хорошо на этом заработать?

Гости переглянулись в очередной раз.

– В Германию мы перевезём нефтепродукты, – сказал Бадалов. – Нефть, бензин и прочее, прочее...

– Что ж, с этим можно согласиться, – улыбнулся дон Антонио. – Только если груз ваш не контрабандный, и...

– На весь груз вы получите документы, – перебил его нетерпеливо Быстрицкий. – Если вы успели заметить, господин де Беррио, мы люди серьёзные и не любим проворачивать всякие сомнительные делишки!

– Резонно, – кивнул дон Антонио. – Тогда я прикажу своим людям подготовить договор. Когда мы этим займёмся, господин полковник?

– Давайте хоть сейчас, – опешил от неожиданности Быстрицкий. – Впрочем, договор нами уже заготовлен. Мы его готовы подписать хоть сейчас.

Дон Антонио сделал вид, будто смутился.

– Но-о-о... Я не готов подписать его прямо сейчас, – сказал он. – До того, как я поставлю в документе свою подпись, мне предстоит его изучить и уладить кое-какие проблемы...

– И что, много их у вас? – округлил глаза Быстрицкий.

– Не так, чтобы очень, но есть.

– Тогда скажите нам, насколько они серьёзны? – вставил вопрос Бадалов.

– Так, пустяк, – уклонился от ответа дон Антонио. – Просто потребуется некоторое время, чтобы их уладить.

Гости снова переглянулись.

– Выкладывайте свои проблемы все начистоту, – потребовал, хмурия лоб, Быстрицкий. – Вы сами предложили нам играть открытыми картами, не так ли? Так вот, мы свой ход сделали, теперь ваша очередь.

– Хорошо, пожалуйста, – пожал плечами дон Антонио. – Во-первых, мне необходимо собрать все свои шесть барж в порту. Они, как вам должно быть известно, не ржавеют на стоянках в доках, а честно трудятся, принося мне, своему хозяину, кое-какой доход.

– И сколько вам понадобится времени, чтобы собрать посудины в одном месте? – поинтересовался угрюмо Быстрицкий.

– Минимум месяц, господа, – ответил дон Антонио.

– Хорошо, срок нас устраивает, – вздохнул с облегчением Быстрицкий.

– Но это ещё не всё, – продолжил дон Антонио. – За это время я должен посетить Ленинград!

– Чтобы заключить договор на закупку зерна? – полюбопытствовал Бадалов.

– Да, и для этого тоже, – кивнул утвердительно дон Антонио, закуривая очередную папиросу. – Обычно договора от моего имени заключают мои доверенные лица, но на этот раз случай особый.

– И для него вам понадобилась помощь наших людей? – подался вперёд Быстрицкий.

– Именно для этого, – нехотя согласился дон Антонио. – Только не уговаривайте меня выкладывать подробности, господа. Это сугубо моё личное дело, и оно никаким боком не касается нашей сделки.

– Итак, на всё про всё вам понадобится месяц, господин де Беррио? – поинтересовался Быстрицкий.

– Да, я собираюсь всё урегулировать за этот срок, – вздохнул дон Антонио.

– Надеюсь, накладок не случится?

– И я на то надеюсь, но пути Господни неисповедимы и нам не дано знать, что может случиться с нами уже через час, не так ли? А вы должны сказать своим людям в России, чтобы берегли меня как бесценную вазу из сокровищницы китайских императоров, так ведь? Случись что со мной в Ленинграде, то сделка не состоится никогда, и это факт, господа махинаторы...

* * *

– Ну, выкладывай, чего накопал? – спросил у Воронцова дон Антонио, когда тот вошёл в кабинет.

– Да ничего особенного, – удручённо ответил Матвей, усаживаясь в удобное кресло. – Господа аферисты – а в этом я твёрдо убеждён – затевают игру на вполне законных основаниях. Фирма, которая будет загружать нефтепродукты в наши танкеры, вполне солидная и уважаемая. Не скажи вам господа «реваншисты», что они готовятся нанести удар по экономике СССР, то тогда...

– Это всё туфта, – покачал с сомнением головой дон Антонио. – С мощным государством, каковым является СССР, каким-то отщепенцам-эмигрантам тягаться бессмысленно. А вот Германия, на которую они возлагают большие надежды, способна на многое. Хотя я и ненавижу большевиков, но... Ещё больше я ненавижу врагов России!

– Но предложенная вам сделка вполне миролюбива? – вскинул брови Матвей. – Вам нужно лишь перевезти нефтепродукты в Германию, которая в настоящее время не находится в состоянии войны с Советским Союзом.

– Пока не находится, – уточнил дон Антонио задумчиво. – А между тем Европу лихорадит. В Германии и Италии правят бал фашисты, и Финляндия как пороховая бочка. О-о-ох, кто бы знал, как мне всё это не нравится!

– Однако приструнить, наказать или ещё как-то их одёрнуть мы с вами не в состоянии, – пожал плечами Матвей. – Мы можем только со стороны наблюдать за разворачивающимися событиями, и... Потом уже делать выводы, так ведь?

– Да-а-а, сам чёрт не разберёт, чего они задумали, – вздохнул дон Антонио, закуривая папиросу. – Пока я обнадёжил их, пообещав подписать контракт через месяц. А дальше будет видно.

– И чему вы решили посвятить этот месяц? – спросил недоумённо Матвей. – Эти господа за это время могут подыскать другого партнёра, и вы упустите значительную выгоду.

– Ничего подобного, – ухмыльнулся дон Антонио. – Эти господа сделали ставку на меня и от своего не отступят. Они собираются использовать меня в какой-то тухлой афере, потом свалить опять же на меня все последствия этой аферы перед мировым сообществом, а самим уйти в тень, умыв руки.

– Если вы в этом уверены, так скажите, что делать мне? – поинтересовался Матвей. – Честное слово, я пока ещё не понимаю ничего, и...

– Ты собирай в порт все наши баржи и готовь их к серьёзной работе, – сказал дон Антонио, с задумчивым видом разминая очередную папиросу. – А сегодня займись тем, что организуй мою поездку в СССР!

– Вы всё-таки решили ехать? – удивился Матвей.

– Да, решил и поеду, – вздохнул дон Антонио. – Не пытайся меня отговаривать, я не изменю своего решения.

– А я, собственно, и не собираюсь пытаться, – усмехнулся Матвей. – Я хочу поехать с вами на забытую Родину. Мало ли чего, а может быть, случится такое, что вам там не на кого будет опереться?

– Нет, ты останешься здесь за меня, – категорически отказался дон Антонио. – Больше мне не на кого положиться.

– Прямо-таки и не на кого? – усомнился Матвей. – Да у вас целая армия под ружьём. Хоть завтра в поход!

– Нет, это всё не то, – вздохнул дон Антонио. – На меня работает много людей, очень много, согласен... Но положиться могу только на тебя одного, соотечественник ты мой ненаглядный! Вот и веряю тебе всё, что имею, на то время, пока буду в отъезде.

– Хорошо, я вас понял, дон Антонио, – скупно улыбнулся Воронцов. – Но-о-о... Вы ещё хотели поговорить со мной о чём-то?

– Обо всём необговоренном посудачим перед отъездом, – ответил де Беррио. – А теперь ступай и действуй так, как уже обговорили. Только смотри не наломай дров, я на тебя надеюсь и уповаю на твою сообразительность!

* * *

Выйдя из ресторана, Матвей Воронцов прогулялся по пляжу до спасательной лодочной станции и вошёл в домик. Выпроводив лодочника на улицу, он снял трубку с телефонного аппарата и набрал номер.

– Да-да, я вас слушаю, – слышался в наушнике мужской голос.

– Это я, Воронцов, – сказал Матвей. – Вот звоню, как было приказано.

– Да-да, я слушаю вас, господин Воронцов, – заговорил мужчина вкрадчивым голосом. – Надеюсь, у вас есть для меня хорошие новости.

– Мне есть, что сказать вам, но я предпочитаю обсудить это не по телефону, господин Быстрицкий, – глянув на дверь, тихо проговорил в трубку Матвей.

– Хорошо, я вас понимаю, встретимся на прежнем месте, – прозвучал в трубке ответ. – В полночь вас устроит?

– Вполне, я не боюсь темноты, – усмехнулся Воронцов. – К тому же... – он сделал паузу и закончил: – Всё, до встречи, господин Быстрицкий! Я буду на месте ровно в полночь.

* * *

Часы на городском соборе пробили полночь и тут же колокола заиграли церковные мелодии, которые внесли некоторую бодрость в плохое настроение Матвея Воронцова. В это время к скамейке, на которой он сидел, подошли двое.

– Ты один? – поинтересовался один из них, крутя головой из стороны в сторону.

Воронцов, казалось, был несколько не удивлён их появлением.

– Как видите, господа, я вполне способен обходиться без телохранителей, – сказал он.

– Прекрасно, тогда предлагаю пройтись...

Воронцов пожал плечами и встал со скамейки.

Прогуливаясь по набережной, они говорили о России без большевиков, о том, какую будут строить новую жизнь, и о многом другом, только не о деле, собравшем их воедино. А затем Воронцову было предложено зайти в прибрежный кабачок, и... Он был вынужден согласиться.

Войдя в полупустое небольшое помещение, они уселись за столик в самом тёмном углу. Подскочил официант. Получив заказ, он тут же исчез и пару минут спустя появился с бутылкой шампанского и тремя фужерами.

– А вот и вино! – сказал мужчина, который предложил ему пройтись, и его глаза даже заблестели в темноте от предвкушаемого удовольствия.

Однако Воронцов поморщился, глядя на заполненные шампанским фужеры:

– Вообще-то я не пью ночами, даже в хорошей компании, – сказал он. – Дон Антонио поддержал бы вас, господин Быстрицкий, но только не я.

– Есть вещи, за которые нельзя не выпить, – взяв в руки фужер, сказал тот. – Предлагаю тост за славное прошлое и великое будущее нашей матушки-России!

– За такой тост просто невозможно не выпить, – вздохнул Воронцов. – Хотя я предпочитаю воздерживаться от употребления спиртных напитков. Стыдно признаться, господа, но даже самая малая доза туманит мои мозги, и я становлюсь буйным и неуправляемым.

– Фужер благородного напитка вам не повредит, – настаивал Быстрицкий. – В нашем роду...

– Я хочу знать, сколько мне ещё предстоит находиться подле этого зажавшегося упыря, господа? – не дав ему договорить, обратился к собеседникам Воронцов. – Я не могу больше работать у этого так называемого «дона Антонио». Один только его вид доводит меня до кипения, и я готов...

– Нет-нет-нет, исключено! – отрезал Быстрицкий. – Тебе поручено важное задание «служить» господину де Беррио до тех пор, пока это нам необходимо! А сейчас лучше выпей шампанского и остуди свои чувства.

– Что ж, пусть будет по-вашему...

Они чокнулись и дружно выпили.

– Вчера по телефону разговаривал с Англией, – мечтательно заговорил Быстрицкий и внимательно посмотрел на Воронцова. – Наш центр одобряет все наши действия относительно де Беррио. А тебе по-прежнему можно доверять, так ведь?

Мысли Матвея сразу же приняли другой оборот.

– Ну конечно, господа! – воскликнул он. – Я всецело предан нашему делу душой и телом!

– Тогда выпьем ещё по одной, – подзывая официанта, сказал второй мужчина, пришедший с Быстрицким. – Мы, казаки Бадаловы, бывало...

– А давайте лучше поговорим о деле, – поморщился Воронцов. – Мы, кажется, именно для этого встретились сейчас.

– А кто спорит, для этого, – кивнул Быстрицкий. – Наша цель тебе известна, уважаемый Матвей Захарович, и ты обязан сделать всё, чтобы она была достигнута.

– Я сделаю всё, что было мне поручено, господа, – заверил Воронцов. – Только хотелось бы знать подробнее о наших планах. Перевозка нефтепродуктов в Германию, как я понял, первая часть задуманной акции, а как будет выглядеть вторая?

Быстрицкий и Бадалов переглянулись.

– Дело в том, что мы и сами всего не знаем, – развёл с виноватым видом руками Быстрицкий. – Нас и тебя уполномочили добиться от де Беррио того, чего мы добиваемся. И именно это сейчас мы собираемся обсудить в деталях и с мельчайшими подробностями. Надо проникнуться важностью дела, и... Ставка сделана! Дон Антонио де Беррио не должен вывернуться и ускользнуть от нас...

12

Санитар помог ему встать с кушетки, перевёл в палату, помог раздеться и лечь в постель. Он чувствовал себя дряхлым старцем, со дня на день ожидавшим прихода смерти.

Укрывшись одеялом, он закрыл глаза и уснул. Во сне он вздрагивал, вздыхал и стонал, как от мучительной боли. Появившаяся в палате медсестра сделала ему укол.

Он посмотрел на свои руки, они тряслись. Ноги тоже тряслись, и он ничего не мог с этим поделать. Его потревожил звук подъехавшей машины и гудок клаксона за окном. У входа стояла легковая машина, из которой выходили люди.

Он покачнулся на ватных ногах и едва не рухнул на пол, но устоял, схватившись за подоконник. Голова загудела как наковальня, когда по ней ударяют молотом. И в этот момент в палату кто-то вошёл. Он медленно обернулся.

– Вижу тебя на ногах, и это радует, Кузьма Прохорович! – сказал вошедший. – Вот решил навестить тебя и поговорить... Ты понимаешь меня?

Услышав голос, он вздрогнул.

– По-о-о-шёл вон!

– Значит, понимаешь, – ухмыльнулся вошедший. – Ты уже неделю в дурильнике и... Хочу сказать, что выглядишь неплохо, хотя... Может быть, ты всё-таки признаёшь, что нездоров?

– Я здоров, – сердито возразил Кузьма. – То дерьмо, которым меня накачивают, угнетает моё сознание, но не волю.

– Да, ты держись молодцом, но это ненадолго, – сказал «гость». – Уже скоро из тебя сделают растение, и... Ты больше не сможешь доставлять нам проблем своим упорством.

– А как же чистая кровь? – огрызнулся Кузьма. – Ты ведь говорил, «товарищ Рахимов», что кровь для переливания должна быть чистой, а если её смешивают со всяким дерьмом...

– А! Ты всё ещё узнаёшь меня! – ухмыльнулся Азат. – Ну, раз так, то я просвещу тебя. Действие этих препаратов, которые ты называешь дерьмом, имеют необратимый характер. Ты понимаешь, что значит «необратимый», а? Это значит, что даже тогда, когда они полностью уйдут из твоей крови, тот эффект, который они произведут, останется. Ясно? И ты будешь растением с идеально чистой кровью.

Малов некоторое время стоял с закрытыми глазами и, чтобы не упасть, цеплялся за подоконник. Что ещё говорил Мавлюдов, он не слышал. Азат в конце концов замолчал и, пожимая плечами, вышел из палаты.

Как только за ним закрылась дверь, Кузьма вздохнул с облегчением. Ему уже до тошноты надоел «товарищ Рахимов» со своим тщеславием, самолюбованием, жёстким непоколебимым эгоизмом. Кузьме казалось, что всё происходящее с ним – кошмарный сон. Ну не может же быть такая чудовищная несправедливость! Он вспоминал детство, Мадину, свою несчастную любовь к этой безвременно ушедшей из жизни девушке.

Было уже поздно, когда в палату вошёл санитар.

– Вставай и на выход, – сказал он громоподобным голосом. – Поживёшь в другом месте, здесь будут делать ремонт.

Не протестуя и не возражая, Кузьма следовал за ним до тех пор, пока тот не остановился перед какой-то дверью.

Кузьма осмотрелся. Мрак, царящий в палате, не позволял ему хорошо разглядеть новое «место жительства».

На кровати у левой стены кто-то шевельнулся. «Понятно, эта “лежанка” занята, – подумал Кузьма. – Значит, моё место напротив...»

Он присел на краешек кровати и задумался. Голова работала хорошо, и это его радовало.

То, что он в психушке, Кузьма понял сразу, когда проснулся не в камере, а в больничной палате. Бороться с очередной непредсказуемой блажью Мавлюдова он не мог, и ему оставалось только смириться и терпеть...

– Кузьма, – позвал его с соседней кровати тихий женский голос, и он подскочил, опешив от неожиданности. – Кузьма, подойди, я умираю, любимый... Подойди, я хочу проститься с тобой...

– Нет, не может быть! – замотал он головой, пытаясь избавиться от наваждения. – Алсу, ты это или я грежу?

– Да, это я, муж мой любимый, – ответила она. – Я уже думала, что больше никогда тебя не увижу, но ты здесь и... Я говорю с тобой...

Кузьма понял, что никакого «ремонта» в его палате не планировалось. Просто Азат хотел, чтобы два его новых «пациента» оказались в одном помещении. Но зачем?

* * *

Ночь Азат Мавлюдов провёл в психбольнице. Он допоздна засиделся за беседой с главврачом и не хотел трястись в машине, возвращаясь домой.

Азат устал от ожидания проверки своей лаборатории, но... За минувшую неделю никто и носа не показал. Закрыв глаза, он вспомнил о Кузьме Малове, и лицо его приняло озабоченное выражение. «Как он плохо выглядит, – подумал Азат. – Хотя по-прежнему в своём уме. А Нестор Павлович уверял, что за неделю слепит из него полного идиота...»

Он вздохнул, почувствовав разочарование, и упрекал себя, что связался с Маловым. Азат изо всех сил старался унижить и раздавить этого верзилу, которого ненавидел. Но ничего, скоро он заберёт его обратно в лабораторию, посадит в камеру и добьётся своего!

Воспрянув духом, Мавлюдов принялся обдумывать варианты мести давнему врагу. Голова его усиленно работала, и план с всё большей чёткостью вырисовывался перед ним.

Азат судорожно вздохнул и взглянул на часы. Всё в нём ходило ходуном. Вошёл главврач. – О-о-о? Вы ещё в постели, Азат Гумарович? Пора... пора вставать, милый мой.

Лёгкая дрожь пробежала по телу Азата. Хмуро глянув на собеседника, он сказал:

– Вы мне вчера так и не удосужились сказать, Нестор Павлович, почему пациент, которого я временно доверил вам для проведения определённой работы, всё ещё в адекватном состоянии?

Главврач смущённо промолчал и присел на стул.

– И это, несмотря на ваше заверение, что сделаете все, как надо? – продолжил Азат, стиснув зубы.

Нестор Павлович достал из кармана халата носовой платочек и обтёр им покрасневшее лицо. По своему характеру он был человеком напористым и упрямым, которого смутить было нелегко, однако в присутствии Мавлюдова всегда терялся и выглядел глупо.

– Я ничего не могу поделать, – сказал он спустя пару минут. – У этого великана железный организм. Наши препараты на него практически не действуют!

Нервы Азата не выдержали, он вышел из себя.

– Чего ты тут мне впариваешь, хоть сам понимаешь?! – закричал он, вскакивая с кровати. – Я согласен, что у него железный организм, согласен, что он может справиться с любыми болезнями, но только телесными! А его мозг... Его мозг, как мозг любого существа, не может противостоять психотропным препаратам!

Вне себя от охватившего его гнева, Азат подскочил к главврачу, замахнулся, но не ударил – не хватило духу.

– Бездарность, ремесленник, тупица! – выкрикнул он, задыхаясь. – Ты забыл, чем обязан мне? Чего прячешь глаза, я тебя спрашиваю? Я вытащил тебя из вечных заместителей, а ты... Ты не можешь сделать для меня то, что любой лекаришка сотворить в состоянии.

В сердцах он схватил главврача за руку и вытолкал в коридор.

– Ещё неделю тебе срок! – крикнул он ему вдогонку. – Иначе... – он с треском захлопнул дверь.

В комнате наступила тишина. Азат уселся на кровать, всё ещё тяжело дыша и бормоча под нос проклятия в адрес Крыгина.

Некоторое время он сидел неподвижно, пытаясь сосредоточиться, затем встал, оделся, но умываться не стал. Он всё ещё ощущал в себе злость, усталость и физическую слабость. Тело казалось невесомым и...

«О Всевышний, я превращаюсь в развалину, – подумал он, увидев своё отражение в большом зеркале на стене. – У глаз морщины, облысел... И зачем я растрачиваю свою жизнь на всё это? Я превращаюсь в старика, а цель, которую перед собой поставил, всё ещё недостижима. Кто-то наслаждается жизнью, пользуется всеми её благами, а я... Я торчу в этой дремучей стране, пытаюсь достичь чего-то, лечу стареющих выроdkов, а что взамен? Чего достиг я за эти годы?»

Азат провёл рукой по лбу, словно отгоняя мрачные мысли, но они не спешили покидать его. «Да-а-а, я не только постарел, но и сделался не в меру нервным, – подумал он. – Меня возмущает рутинная жизнь в изменившейся до неузнаваемости стране, пустая трата времени, бесцельная работа во имя чего-то? Вот тебе и “светлая жизнь”, которую “выстроили” большевики. Во всём – ложь, стремление пустить пыль в глаза “загнивающему” враждебному Западу...»

Занятый своими мыслями, Азат сидел на кровати, когда раздался стук в дверь и вошла медсестра.

– Вас спрашивает какая-то женщина, – сообщила она.

Азат, дёрнувшись, очнулся от задумчивости.

– Женщина? – переспросил он. – Но-о-о... Я никого не жду.

Медсестра пожала плечами.

– Так что ей сказать, чтобы уходила?

– Н-нет, пусть заходит, – сказал Азат, и сердце его болезненно сжалось. «Кто же это может быть? – подумал он. – Кто может искать со мной встречи в больнице для умалишённых?»

Дверь открылась, и в комнату вошла...

– Это я, товарищ Рахим, узнаёшь? – спросила женщина увидев, как вытянулось лицо Мавлюдова. – Не застала тебя ни дома, ни в лаборатории, вот и решила приехать сюда.

– Я р-рад вас видеть, – выдавил из себя Азат, натягивая на лицо радушную улыбку. – Гм-м-м... Просту меня простить, но что-то не припомню, чтобы мы с вами были знакомы.

– Тогда давайте знакомиться, – хмыкнула гостя. – Меня зовут Маргарита. В городе Верхнеудинске я больше известна под другим «именем». Меня там называют товарищ Шмель!

Услышав это, Азат побледнел и попятился.

Женщина была в строгом чёрном костюме. Красивое лицо, властный взгляд пробудили в памяти Азата давно минувшие дни: он вдруг вспомнил её молодой, но очень опасной особой, и те далёкие времена...

– Присаживайся, товарищ Шмель, – сказала он. – А ты изменилась! Прости, но я сразу и не узнал тебя, хотя... Ты всё такая же красавица, как и прежде.

Маргарита прошла к столу, села на стул и положила на колени сумочку.

13

Тишину в палате нарушали лишь рыдания Алсу.

Прислонившись спиной к стене, Кузьма держал на коленях её голову. Они оба знали, что это последняя встреча в их жизни, но не говорили об этом, не утешали друг друга, не обнадёживали, инстинктивно ощущая, что сейчас любые слова ободрения были бы обманом...

– Алсу! – тихо позвал Кузьма, проведя ладонью по голове жены. – То, что ты мне рассказала, ужасно. Этот подонок мстит мне понятно за что, но почему он тебя не оставляет в покое?

– Он мстит и мне, – хрипло прошептала Алсу. – Он мстит нам обоим. Но-о-о... теперь это уже не имеет значения.

– Наверное, да, – вынужден был согласиться Кузьма. – Нам даже бежать отсюда нет смысла, да и некуда. Я «враг народа», а ты моя жена... – он с нежностью погладил горячий лоб супруги. – Официально нас уже нет в этом мире, так не раз говорил мне Азат.

– Как мы счастливо жили, Кузьма, вспомни, – прошептала Алсу. – Бродили по городу... А я полюбила Ленинград, Кузьма... Как хорошо, что меня похоронят не где-нибудь в тайге, а в этом прекрасном городе, – последние слова она произнесла с трудом и едва слышно, но Кузьма услышал её.

Он промолчал. Он ничего не мог сказать жене, так как и сам не знал, что может с ним случиться в ближайшие минуты. Лёгким покашливанием прочистив горло, он спросил:

– Алсу, дорогая, почему ты говоришь таким тоном, будто умирать собралась? Ты вот что, старайся не думать о плохом! Больше думай о хорошем и надейся на чудо... Кто знает, может, оно...

– Кузьма, я уже не надеюсь на чудо, – тихо сказала она. – Я умираю, Кузьма... Альбина оставила мне немного яда, и я...

– Ты что, приняла его? – всполошился Кузьма.

Алсу промолчала, и он немного успокоился.

– Ты нашла яд, – сказал Кузьма спустя минуту, – так выброси его. Самоубийство – это грех... Бог подарил тебе жизнь, и ты должна бороться за неё до последнего!

Он замолчал, ожидая услышать жену, но она безмолвствовала. Кузьма решил, что Алсу дремлет, и продолжал говорить тихо, нежно, прикрыв глаза и вспоминая лучшее, что было в их совместной жизни. Он говорил, говорил и говорил, поглаживая Алсу по голове, не зная, что она уже едва дышит.

Вдруг Кузьма почувствовал, что произошло нечто непоправимое. Приподняв голову жены, он встал с кровати и склонился над ней. Лицо Алсу было пепельно-серым, дыхание едва уловимым, глаза закрыты.

Сердце Кузьмы защемило от горя. Он понял, что супруга не только нашла, но и приняла яд, и что Азат знает всё. Потому и произошло это переселение в палату к Алсу, чтобы Кузьма видел, как жена умирает! Азат хотел, чтобы его враг видел и страдал! Ведь увидеть своими глазами будет в тысячу раз больнее, чем выслушать рассказ, пусть даже самый издевательский!

Кузьма встал у кровати на колени.

– Алсу, любимая, что же ты наделала, – прошептал он со стоном. – Хотя, видимо, и я скоро отправлюсь за тобой следом...

Алсу приоткрыла глаза.

– Прости, если бы ты пришёл чуточку раньше, – прошептала она. – Если бы пришёл ты пораньше, то я, может быть...

Слёзы выступили на глазах Кузьмы.

– Нам всё одно не спастись, милый мой, – прошептала умирающая. – Уж лучше так, чем терпеть издеательства негодяя...

Кузьма всхлипнул. К горлу подкатил ком горечи, и он не мог говорить. В порыве неугоlimого горя он склонился над женой и поцеловал её.

– Ну, вот и всё, – всхлипнула она слабо. – Всё горит и голова туманится... Прощай, Кузьма, я всегда любила и люблю только одного тебя. Я...

И тут по её телу пробежала дрожь, она дёрнулась и затихла. Кузьма в отчаянии замотал головой, слёзы заструились по его заросшим щетиной щекам. И вдруг лицо его исказилось, стало похожим на страшную злую маску. Взгляд блуждал, как у безумного и... Кузьма грузно осел на пол, лишившись сознания.

* * *

– Когда ты приехала в Ленинград, Маргарита? – поинтересовался Азат, с опаской покусившись на гостью.

– Я уже сутки в этом прекрасном городе, – ответила та спокойно.

Она улыбнулась и сразу же стала ещё красивее. Серьёзное выражение, делавшее строгим её лицо, исчезло.

– Не знаю, как ты, но я рада тебя видеть, товарищ Рахимов, – продолжила гостя. – Признаться честно, я с интересом следила за твоими успехами в области медицины, а ты, конечно, забыл о моём существовании.

– Нет, – солгал Азат. – Мне известно, например, что ты... Ты, наверное, продолжаешь служить государству в правоохранительных органах?

– В НКВД, – добавила Маргарита с ухмылкой.

– Но это замечательно, товарищ Шмель, – заискивающе заулыбался Азат. – Да ты...

– Всё, хватит, – отрезала гостя с неожиданной силой. – Я люблю свою работу и только ею и живу.

«О Всевышний, – подумал со страхом Азат. – Да она теперь ещё страшнее, чем прежде!»

Маргарита скривила презрительно губы, глядя на него.

– Ты не ждал меня, а я вот перед тобой красуюсь, – сказала она спокойно. – Если ты считаешь, что я заглянула к тебе проездом, то полный глупец.

– Нет, я так не считаю, – замотал головой Азат. – Только в толк никак не возьму, какое такое неотложное дело привело тебя ко мне?

– Всему своё время, – хмыкнула Маргарита. – Скажу откровенно, я не частый гость в Ленинграде и у меня здесь нет знакомых и тем более друзей.

Азат во все глаза смотрел на гостью и никак не мог поверить, что перед ним та самая фанатично-пламенная революционерка из Верхнеудинска, которая, не моргнув глазом, могла застрелить кого угодно. И зачем он только понадобился ей спустя много лет?!

– Может быть, ты объяснишь свой визит ко мне? – сказал он. – Я не верю, что ты в Ленинграде проездом и легко нашла меня в этом отвратительном месте?

– Да, ты не глупец, – еле заметно улыбнулась гостя. – Конечно, я здесь в командировке и не стала бы искать тебя по пустякам. Меня привело к тебе очень важное дело, по крайней мере для меня. Для начала скажи, как мне, после стольких лет, вести себя с тобой, как пишут в газетах, видным учёным и «надеждой советской науки»?

– Со мной не сложно поладить, – бесстрастным тоном сказал Азат. – Я не подвержен слабости считать себя гением. А ещё я не одержим собственной личностью и не сгораю от желания быть у всех на виду. Я далёк от тех, кто считает себя гением и ведет себя согласно присвоенному статусу.

– Понятно... Из этого следует, что мы можем поговорить доверительно и откровенно?

– Конечно, я весь во внимании, – сказал Азат. – Если ты заболела чем-то серьёзным и хочешь вылечиться...

– Нет, к счастью, я вполне здорова. И дело моё к тебе не пестрит загадками.

– Вот как? И что это за дело? – напрягся Азат, чувствуя, как рубаха на спине промокает от пота.

– Мне нужен Малов Кузьма, – глядя ему в глаза, ответила Маргарита.

– Малов?! Кузьма?! – Азат едва удержался на стуле. – А чего это вдруг ты о нём вспомнила?

– Я любила его всю жизнь, люблю и сейчас, – призналась Маргарита. – А когда узнала, что он... Короче, ты отдай его мне, и мы расстанемся хорошими товарищами, какими были в прежние годы.

– О Всевышний, да ты с ума сошла! – округлил глаза Азат. – С чего ты взяла, что он у меня? Да я его уже двадцать лет не видел.

– Твоя ложь меня забавляет, – усмехнулась гостя. – А я ничего другого и не ожидала услышать от тебя.

– Ты мне не веришь? – насторожился Азат.

– Я тебе сказала, где я служу, а дальше домысливай сам, товарищ Рахимов!

– Послушай, не говори загадками, – запротестовал Азат. – Я не тот, кого ты можешь запугать или унижить! У меня столько...

– Защитников? – расхохоталась Маргарита. – Да они тут же открестятся от тебя, как только узнают, что ты «тайный троцкист и враг народа»!

– Ты... ты... – Мавлюдов нервно облизнул пересохшие губы. – Ты собираешься меня обвинить в том, к чему я совсем не причастен?

– А почему бы и нет? – пожала плечами гостья. – Ты же обвинил Кузьму в том, чего он не совершал. Это ты подвёл его под расстрельную статью, а потом...

– Ты... ты хоть сама понимаешь, чего говоришь? – пролепетал перепуганный насмерть Азат. – Да я...

– Я знаю, что говорю, – сдвинула к переносице брови Маргарита. – Как бы ты ни лгал, как бы ни выкручивался, но тебе не удастся обмануть меня!

Сидя перед гостьей, Мавлюдов почувствовал, как затряслись поджилки. Он был недалёк от паники, но...

– Да, – сказал он. – Ты пытаешься воздействовать на меня теми штучками, которыми вы пользуетесь у себя «в застенках». Мне известно, что, попав в НКВД, человек готов признаться в чём угодно, чтобы избежать... – он осёкся и замолчал, поняв, что говорит лишнее.

– Ты хотел сказать «пыток»? – ухмыльнулась Маргарита.

– Нет-нет! – замахал руками Азат. – Ничего подобного я не имел в виду!

– Знаешь что, давай-ка прекращай испытывать моё терпение, «товарищ Рахим», – вдруг потребовала гостья. – Отдай мне Малова, и ты избежишь все неприятности, которые я для тебя подготовила, даже не соприкоснувшись с ними. Не захочешь по-хорошему, то...

– Хорошо, Кузьма у меня, – глубоко вздохнув и резко выдохнув, сознался Азат. – Но-о-о... Для чего он тебе?

– А вот это не твоё дело, – поморщилась Маргарита.

– И всё же как ты прознала про него и... про меня тоже? – вкрадчиво поинтересовался Азат. – Он же...

– Я знаю всё, – сказала гостья, взглянув в бегающие глаза Мавлюдова. – Мне известно, как ты нашёл некоего Антона Мартынова, признал в нём Кузьму Малова и объявил его «врагом народа»! Его арестовали, провели формальное следствие, но до суда дело не дошло, а обвиняемый Малов будто в воздухе растворился. К нам в Управление пришёл запрос на Малова из Ленинграда, и... Мне продолжать или ты сам домыслишь всё мною недосказанное?

– Да, мне всё понятно, – кивнул удручённо головой Азат. – Этот запрос...

– Остальное про «исчезновение» Малова мне уже досказал здесь некто товарищ Гарин. Тебе хоть о чём-то говорит эта фамилия?

– Много о чём, – снова кивнул Азат. – Только почему он с тобой был так откровенен?

– Об этом спросишь у него самого, – вздохнула Маргарита, вставая. – А сейчас води меня к Малову. Живо!

– Но-о-о...

– Я же просила не злить меня, «товарищ Рахим»! Мои руки так и чешутся от желания оторвать тебе голову...

14

Когда Малов пришёл в себя, тела Алсу в палате уже не было. Мужчина в белом халате открыл дверь и невольно содрогнулся, увидев пациента.

– Я искренне жалею вас, – сказал он. – Однако помочь ничем не могу, поймите меня...

Кузьма лежал на кровати. Сделанная ему инъекция ещё продолжала действовать: он не чувствовал боли, но не мог ни сидеть, ни стоять.

– Где моя жена, доктор? – хриплым, срывающимся голосом произнёс он. – Куда вы её дели?

– Тело перенесли в морг, – вздохнул врач. – Через пару часов сделаем вскрытие, чтобы установить причину смерти.

– Нет, не надо вскрытия, – слабо запротестовал Кузьма. – Она умерла от отравления ядом.

– Увы, но мы обязаны сделать вскрытие, – пожал плечами врач. – Выяснив причину смерти, мы должны составить акт и медицинское заключение.

– А где сейчас этот, как его, «товарищ Рахимов»? – спросил Кузьма, морщась от отвращения.

– Азат Гумарович? – переспросил доктор удивлённо. – А зачем он вам?

– Я хочу убить его, – сказал Кузьма, с трудом приподнимая огромные руки. – Я хочу задушить его... Я хочу... – он замолчал, так как из груди вырвались рыдания, а из глаз хлынули слёзы.

– Увы, но здесь, в данном лечебном заведении, вам это сделать не позволят, – глядя на него с сочувствием, сказал доктор.

– А мне не надо ничего позволения, – всхлипнул Кузьма, вытирая слёзы. – Я решил раздавить эту гадину и сделаю это! Из-за него ушла из жизни моя жена, из-за него...

– Знаете что, а давайте я устрою вам побег, – неожиданно предложил доктор. – Я укажу вам путь, как выбраться отсюда и подходящее для этого время.

Кузьма поднял на него глаза. Он был удивлён, несмотря на своё горе.

– Нет, я не хочу бежать, пока не убью этого мерзавца, – сказал он. – А потом хоть куда, хоть под расстрел, хоть в лагерь...

– Нет, это не выход, не сегодня так завтра вас заберут отсюда обратно в лабораторию, а оттуда вам не выбраться никогда.

Кузьма в замешательстве молчал.

– Почему вы хотите мне помочь? – спросил он после длительной паузы.

– Мой брат, когда-то давно, тоже был судебным приставом, – сказал доктор, хмуясь. – А потом он погиб во время Гражданской...

Как только он замолчал, в палату заглянула встревоженная медсестра.

– Нестор Павлович, сейчас сюда придёт Азат Гумарович с какой-то женщиной.

– С женщиной?! – удивился доктор. – С какой ещё женщиной?

– Не знаю, – торопливо ответила медсестра, оглянувшись в коридор. – Но, мне показалось, Азат Гумарович её побаивается...

– Что ж, тогда я пойду, – заторопился доктор, вставая. – Я ещё загляну, не переживайте, – сказал он, глянув на Кузьму. – Мне хочется рассказать, почему я поместил вас в палату к жене. Об этом никто не знает.

Когда он вышел, Малов зарыдал, уткнувшись лицом в подушку...

* * *

Маргарита переступила порог палаты и остановилась.

Малов свесил с кровати ноги и скользнул по ней равнодушным взглядом.

– Тебе плохо? – спросила Маргарита дрогнувшим голосом. – Ты нуждаешься в помощи?

– Нет, мне хорошо, – вздохнул Кузьма, пожимая плечами. – Заботятся обо мне прилично, и жалоб не имею.

– Как тебя зовут? – спросила вдруг Маргарита взволнованно. – Почему ты здесь, а не...

– Меня зовут Антон Мартынов, – сказал Кузьма, не узнавая гостью. – А вон тот уродец, который за тобой прячется, уверяет, что меня уже нет на свете белом. Из этого следует, что я никто.

Тягостное молчание окутало палату. Маргарита продолжала стоять на месте, боясь подойти к Малову, а в её глазах потух огонь. Вдруг она обернулась и, посмотрев на Мавлюдова, сказала:

– Азат, мне надо поговорить с пациентом. Погуляй несколько минут в коридоре.

– Что-о-о?! – У Мавлюдова вытянулось лицо.

– Мне надо поговорить с Кузьмой! – повторила она строже. – Милости прошу за дверь, товарищ Рахимов!

Азат дёрнулся и испуганно кивнул. Когда он прикрыл за собою дверь, Маргарита обратилась к сидевшему с безучастным видом Малову.

– Значит, ты – Антон Мартынов? – она пожирала взглядом его бледное лицо, грустные глаза, крепкую фигуру в больничной пижаме. Кузьма и не подозревал, что женщина, которая стоит в палате, целых двадцать лет думала о нём.

– А ты узнаешь меня? – спросила она с замирающим сердцем.

– Шалава какая-то, – пожимая плечами, ответил Кузьма равнодушно.

Маргарита густо покраснела от прозвучавшего оскорбления, но не позволила себе разозлиться.

– Почему ты так решил?

– А с этим ублюдком порядочные люди не ходят, – ответил он коротко.

– Тогда... – Маргарита приблизилась к его кровати и взяла Кузьму за руку. – Кузьма, я Маргарита, вспомни? – робко попросила она, вся напрягшись.

– И что с того? – пожал он плечами. – Если это ты, «товарищ Шмель», то очень сильно изменилась и мало напоминаешь ту женщину, которую я знал когда-то...

Лицо Маргариты потемнело. Волнение обессилело её, мешало здраво мыслить и что-то говорить.

– Чего ты приехала? – с трудом спросил наконец Кузьма. – Чего вы все собираетесь вокруг меня, гады ползучие? Шла бы ты отсюда, «товарищ Шмель», мне и без тебя тошно.

– Не гони меня, – сказала спокойно Маргарита. – Зло срывай тоже на ком-нибудь другом. Не я тебя сюда упрятала и... В общем-то, я приехала за тобой.

– Я так и понял, – проворчал Кузьма угрюмо. – А ты куда собираешься меня определить? В какую смрадную клоаку засунуть?

– Я приехала, чтобы освободить тебя, – усмехнулась Маргарита. – Я хочу увезти тебя отсюда.

– Так я тебе и поверил, – зло огрызнулся Кузьма. – Этот чёртов «товарищ Рахимов» собирался сделать меня донором. А что замыслила ты, «товарищ Шмель»?

– Не бойся, не ужалю, – поджала обиженно губки Маргарита.

– Ты «не ужалишь»? Сомневаюсь, – хмыкнул Кузьма. – Я не забыл, как ты, двадцать лет назад, с наслаждением отравляла мне жизнь.

– Я? – Маргарита опустила голову. – Я была фанатично предана революции и ставила свой долг перед ней превыше всего! Извини, если это отравляло тебе жизнь, но тут уж ничего не поделаешь.

– А что сейчас? Поостыла твоя буйная головушка? – хмыкнул Кузьма. – Чего ради ты вспомнила меня?

– Неправда, все эти годы я думала о тебе, – вздохнула Маргарита. – Сколько раз пыталась, но так и не смогла выбросить тебя из своего сердца.

– Ложь... Впрочем, ты всегда мне лгала, – усомнился Кузьма. – Тебе не привыкать делать это...

– Может быть, ты и прав, – пожала плечами Маргарита. – Я бы, наверное, смогла бы заставить себя забыть тебя, но не могла это сделать по семейным обстоятельствам.

– Вот как? – изумился Кузьма. – И что это за обстоятельства?

– Мне не давал забыть тебя наш сын Дмитрий, – вздохнула Маргарита. – Он как две капли воды похож на тебя. Весь в тебя уродился...

Услышав такое, Кузьма лишился дара речи, в голове все спуталось.

– Врёшь!

– Нет, это правда, – усмехнулась Маргарита. – Вот поэтому я не застрелила тебя в тайге, когда ты уходил с Бурматовым в Китай. Не смогла выстрелить в отца своего ребёнка. Диме тогда было уже почти два годика.

– Врёшь! Врёшь! Ты всё врёшь, гадина! – закричал в исступлении Кузьма. – Ты решила поиграть на моих чувствах?

Ничего не говоря, Маргарита расстегнула сумочку и достала несколько фотографий:

– Смотри... Никакие слова не смогут убедить тебя больше!

Дрожащими руками Кузьма взял снимки и... На первом был запечатлён крупный карапуз, лежащий на руках матери. Маргарита, счастливо улыбаясь, прижимала его к груди с такой нежностью, какой может обладать только мать, держа на руках любимого ребёнка.

На других фотографиях Дмитрий был запечатлён в школьной форме. Он уже был сильно похож на Кузьму, и это бросалось в глаза.

Затем фотографии выпускного класса, в военной форме, видимо, Дмитрий пошёл служить в армию. Ну а далее... На последнем снимке Кузьма увидел себя двадцать лет назад, когда он...

– Этого не может быть, – прошептал Кузьма, закрывая глаза. – Я уже смирился, что у меня нет детей, и никогда не будет, а тут...

– Нам пора уходить, – беря из его рук фотографии, бережно опустила их в сумочку Маргарита. – Все вопросы потом, а пока нам нельзя задерживаться.

– Но-о-о... не могу я так вот, – пробормотал Кузьма растерянно. – У меня здесь жена. Она мертва и я...

– Что, Алсу умерла? – неподдельно удивилась Маргарита. – А что с ней?

– Она руки на себя наложила из-за этого мерзавца, – кивнул в сторону двери Кузьма. – Он довёл её до такого состояния, и я...

– Теперь её уже не вернёшь, – заторопилась Маргарита. – Давай решайся, и мы быстро уходим...

* * *

Когда Маргарита бесцеремонно выставила его за дверь, Азат матерно выругался и с видом побитой собаки побрёл в сторону медсестринского поста. Ему захотелось выйти на улицу, подышать свежим воздухом и осмыслить, что же всё-таки происходит.

Но неожиданно план его был нарушен. Проходя мимо поста, он услышал, как зазвонил телефон.

Азат остановился. На звонок должна была бы ответить дежурная медсестра или какой-нибудь санитар на худой конец, но на посту никого не было. А телефон продолжал звонить. Пожав плечами, Азат взял трубку.

– Алло, кто это? – прогремел требовательный голос старшего майора госбезопасности Владимира Гарина. – Немедленно доложите, с кем я разговариваю, чёрт вас подери!

– Э-э-это я, товарищ Рахимов! – доложил Азат. – Я...

– А ты чего там делаешь? – воскликнул раздражённо на другом конце провода Гарин. – Там что, все страшно заняты, что к телефону подойти некому?

– Выходит, что так, товарищ майор, – усмехнулся Азат. – На посту никого нет, и я, проходя мимо...

– Хорошо, может быть, это и к лучшему, – несколько сбавил тон Гарин. – Ты вот что, не поднимая шумихи, постарайся узнать, не появлялась ли в психушке некая особа, называющая себя служащей НКВД, товарищем Шмель?

На Азата словно выплеснули ушат ледяной воды. Он побледнел, вытянулся и едва не выронил трубку.

– Эй, чего ты там, Мавлюдов? – закричал майор. – А ну отвечай на мой вопрос!

– Да, я видел здесь какую-то женщину, – пробормотал Азат оглядываясь. – Может, она именно та, кто вас интересует?

– Давай не будем выяснять, та или не та! Я приказываю тебе задержать её, Мавлюдов! – потребовал Гарин. – Сам лично не пытайся, санитаров побольше возьми!

– Она что, так опасна? – поинтересовался Азат, снова оглянувшись. – Она что, может...

– Да она только пальцем шевельнёт, и от тебя мокрое место останется! – «успокоил» его майор. – Кстати, она очень тобой интересовалась...

– Мной? – сделал вид, что очень удивился Азат.

– Только в обморок не падай, – ухмыльнулся Гарин. – Она очень опасная и дерзкая преступница – троцкистка! Только попробуй её проворонить!

– Постараюсь оправдать ваше доверие! – поспешил заверить Азат. – Только потом, когда её схватим, что делать прикажете?

– Связать, обезвредить и меня дожидаться, – ответил майор. – Я уже за ней выезжаю...

Связь оборвалась, и Азат осторожно положил трубку на рычаг. «Ну и дела! – подумал он. – Эта Шмель опасная преступница?! Да ведь она в Верхнеудинске... да ведь она...»

Он зажмурился, не зная, что делать. Приказ майора был настолько ошеломляющим, что было трудно его осмыслить, но послушаться Гарина он не мог. «Немудрено и самому угодить за решётку, если упущу эту волчицу, – подумал Азат, направляясь на поиски санитаров. – Сейчас вон как метут энкаведэшники! Чуток оплошал, и ты “враг народа”, а с таким клеймом...»

Он прошёлся по коридорам и собрал пятерых скучающих санитаров. Они весело рассмеялись, когда Азат объяснил, что необходимо задержать женщину, опасную преступницу. Недоверчиво переглядываясь и перешучиваясь, санитары последовали за Азатом к палате Малова.

Они выстроились рядом в коридоре, когда Мавлюдов распахнул дверь палаты и замер в проёме.

– Ну-у-у... вы выглядите счастливыми, господа троцкисты! – закричал Азат срывающимся от страха голосом. – Ну, надо же, Кузьма Прохорович, ещё жену не успели закопать, а ты уже в объятиях любовницы!

Он увидел, как вытянулось и побледнело лицо Малова, но Маргарита повела себя иначе – выхватила из сумочки браунинг и направила в его сторону. Азат обомлел. Он не сомневался, что эта фурия нажмёт на курок не задумываясь.

– А ну прочь с дороги, слизняк! – выкрикнула Маргарита. – Попытаешься нам препятствовать – выпущу в тебя всю обойму, ублюдок!

Азат попятился. Его ноги сделались ватными, и он едва держался на них. Отстранив его, санитары ворвались в палату. Один из них, замахнувшись для удара, ринулся на Малова, но Кузьма опередил его – схватил за руку, вывернул кисть и резко ударил кулаком в лицо. Тот рухнул на пол как подкошенный.

Азат, едва живой от страха, забился в угол.

Прозвучал выстрел. Один из санитаров, с окровавленным плечом, с криком выбежал в коридор.

Другой схватил тумбочку и ринулся на Маргариту, а она... Она не мешкая выстрелила ему в ногу. Он, в панике, припадая на раненую конечность, тоже поспешил ретироваться в коридор.

Кузьма тем временем отбивался от двух противников одновременно. С пола поднялся санитар, который первым набросился на него, но тут же был сбит с ног. Недолго думая Кузьма выбросил в окно одного из бедняг, сломав его крупным телом решётку, а второй сам позорно бежал в коридор.

Маргарита метнулась к окну и выглянула наружу.

– Двор гудит, как муравейник, – сказала она и обернулась. – Нам придётся выбираться другим путём.

– А может, он нам подскажет? – распалённый дракой Кузьма сгрёб за шиворот Азата, приподнял и встряхнул его.

– Здесь есть ещё какой-нибудь выход? – спросила Маргарита, приставив к его виску ствол браунинга. – Промолчишь – я выстрелю!

– Н-нет, не стреляй! – пролепетал он трясущимися губами. – Я покажу, где выход, ступайте за мной...

– Иди вперёд, указывай дорогу, – как тисками сдавил ему плечо Кузьма железными пальцами. – Даже не думай бежать, сделаю калекой!

– Калекой он ещё сможет прожить, а вот с пулей в башке едва ли, – вставила свою реплику Маргарита. – Давай пошевеливайся, «товарищ Рахим», не искушай меня на выстрел. Я...

Со двора слышались звуки подъезжающих автомобилей, и беглецы, толкая перед собой Мавлюдова, поспешили в коридор...

15

Дон Антонио вышел из-за стола ровно в полночь и сразу же отправился в спальню, оставив гостей.

Боясь опоздать на поезд, он ворочался с боку на бок, будучи не в состоянии вздремнуть хотя бы час. Вконец измученный приготовлениями к отъезду, которые длились почти неделю, в крайнем нервном возбуждении, выбитый из колеи предстоящим посещением «логова коммунизма», дон Антонио вертелся в постели до рассвета.

Утро выдалось прохладным. Воронцов подъехал ровно в шесть.

– Береги себя, – сказал Матвей, тяжело вздыхая. – Россия теперь не такая, как прежде, а ты там не был целых двадцать лет!

– Не бойся, не пропаду, – усмехнулся дон Антонио, обнимая его. – Не на пустое место еду же, в конце концов. Меня там ждут и встретят, как подобается.

Он улыбнулся и даже подмигнул Воронцову, но на самом деле чувствовал себя не в своей тарелке. Его физическое состояние ухудшилось, как только прогудел паровоз, и поезд тронулся от перрона.

Дона Антонио охватил ужас перед путешествием, которое он предпринимал без должного энтузиазма. Он не спеша переоделся, улёгся в постель и с головой укрылся одеялом, желая только одного – погрузиться в глубокий сон и проспять как можно дольше, лучше до самого Ленинграда.

Заснул он быстро, но спал недолго. Дон Антонио вышел из купе и стал ходить взад-вперёд. Поезд мчался мимо зелёных лесов, ярко цветущих садов. Голубая искрящаяся на солнце вода в реках, чистенький вагон, разговоры пассажиров – всё это успокаивало тоскующую душу. Дон Антонио вдруг испытал непреодолимую потребность с кем-то познакомиться и выпить, чтобы скоротать время, но... Среди выходящих из соседних купе мужчин не видел подходя-

щего для этой роли попутчика. Он заглянул в купе проводников в надежде поговорить, но там оказались женщины, а говорить с ними, тем более выпить, дон Антонио не был расположен.

Итак, целую неделю ему предстояло провести на колёсах среди пассажиров, с которыми не хотелось даже словом обмолвиться. Это было для него настоящей пыткой.

От вынужденного безделья голова стала работать с небывалым напряжением, треща от избытка мыслей. Самая навязчивая из них – о том, что ждёт его в Ленинграде. Чем дальше отъезжал поезд от пункта отбытия, тем больше росла и ширилась тревога.

Подобное состояние он испытывал, когда был вынужден бежать из России. Как и сейчас, вырванный из привычной среды, он панически боялся той незнакомой страны, куда направлялся.

«Ну что заставляет меня ехать в Россию? – думал он. – Никто же не взывал ко мне с просьбой о помощи? А может быть, сойти на первой же станции, и...»

Нет, он не мог поступить иначе, не мог оставить того, за кем ехал, в беде. Итак, решение принято, и не в его правилах менять его обратно. Выйдя очередной раз из купе, дон Антонио чуть не столкнулся с молодым мужчиной, который стоял у окна и курил папиросу.

Незнакомец с улыбкой кивнул, и... Дон Антонио счёл возможным заговорить с ним.

– Я не мешаю вам, месье? – сказал мужчина. – Если да, то я отойду к другому оконцу.

– Вы мне не мешаете, месье, – ответил дон Антонио. – Я тоже вышел для того, чтобы выкурить папиросу.

Обменявшись любезностями и почувствовав расположение друг к другу, они решили продолжить знакомство в купе дона Антонио.

Раскрыв чемодан, дон Антонио выставил на столик две бутылки водки, закуски и... Уже после первой рюмки случайные попутчики почувствовали себя чуть ли не родственниками.

Мужчина оказался французом и возвращался из деловой командировки. Звали его Жаном, и он был клерком одной из промышленных компаний.

– Всякий раз, когда переезжаю Испанию, у меня мороз по коже, – признался, закулив папиросу, Жан. – Милая прекрасная страна превратилась в один сплошной плацдарм. И всему виной негодяй Франко, которому помогают итальянские и немецкие фашисты. Мало того, что он совершил государственный переворот, но и...

Жан вдруг прервал начатую фразу и испуганно посмотрел на дона Антонио:

– С вами всё хорошо, месье?

– Здоров, как бык, не беспокойтесь, – ответил тот.

– А мне кажется, нам пора закругляться. У вас больной вид! Не прилечь ли вам немного поспать?

– Ничуть не бывало! – возразил дон Антонио. – Я не спал всю ночь, но чувствую себя бодро. Дорога длинная, и я ещё выплусь!

– Позвольте, а вы куда едете, месье? – вдруг поинтересовался Жан. – Мы с вами много выпили, о многом поговорили, а кто куда едет, так и не выяснили.

– А для чего? – усмехнулся дон Антонио. – Мы оба едем далеко, и это очевидно. Наш поезд раньше испанской границы теперь уже не остановится. Но-о-о... Если очень хотите знать, я еду в Ленинград, это такой очень большой и красивый город в России!

– Я не верю вам, месье! – покосился на него недоверчиво Жан. – СССР страна закрытая, и там такой ужасный режим, что может решиться туда ехать только ненормальный!

– А я вот такой и есть, – развёл руками дон Антонио. – Но-о-о... Я всё-таки надеюсь вернуться обратно живым и невредимым.

– Так вы не шутите? – округлил глаза Жан.

– Нисколько, – ответил дон Антонио. – Эта поездка очень важна для моего бизнеса, вот потому я...

* * *

Кузьма и Маргарита сидели за столом и молча обедали.

Кузьма исподтишка наблюдал за Маргаритой и старался вспомнить её молодой, какой она была раньше, и не мог. Почему за минувшие годы он никогда не мог вспомнить её? В отдельности он видел её чувственные губы, выразительные прекрасные глаза, слышал голос, но целого не получалось. Он помнил себя и её в постели, занимающихся любовью... Он помнил её жаркое дыхание, горячие объятия... Он помнил её губы, полуприкрытые глаза... А лица нет! Верхнеудинск... Он помнил лица всех, кого знал хоть немного, а лицо Маргариты всегда расплывалось в непонятное пятно. И вот теперь, когда она рядом, он не узнавал её.

– Чего ты так разглядываешь меня? – спросила вдруг Маргарита, отставляя в сторону пустую тарелку. – Всё ещё сомневаешься, я перед тобой или не я?

Кузьма покраснел, как будто его поймали на чём-то дурном, и опустил голову.

– Я это, не сомневайся! Другая дура на моём месте не поехала бы за тобой.

– Я никогда не думал об этом, – буркнул Кузьма. – Когда-то Маргарита причинила мне столько горя, что я предпочитал не вспоминать о ней никогда.

Они помолчали.

– Прости за то, что было, – сказала Маргарита, вздыхая. – За всё прости!

– Да чего уж теперь, – хмыкнул Кузьма. – Всякое было, да всё прошло. Вот думал я – уеду из Верхнеудинска на новое место, затеряюсь, всё по-другому будет. И люди другие, и жизнь другая... А смысл всё тот же. Прожил я двадцать лет на другом месте, революция, Гражданская война уж позади и вот... То Мавлюдов вдруг откуда-то выполз, а теперь вот и ты объявилась.

– Всё получилось не так, как я хотела, – заговорила Маргарита. – Надо было чуть пораньше уходить.

– Чего уж теперь, – вздохнул Кузьма. – Надо думать, как дальше быть, вот что сейчас важно.

– Для начала мы здесь отсидимся недельки две, пока суматоха уляжется, – сказала Маргарита. – Эту дачу сын заранее снял на два месяца, и здесь нас искать никто не станет.

– Сын? – нахмурился Кузьма. – А он здесь при чём? Зачем ты ввязала в это дело мальчика?

Маргарита покачала головой и улыбнулась.

– Нашему мальчику уже двадцать лет, – сказала она. – И он вполне самостоятельный мужчина. Видел бы ты его, не задавал бы таких вопросов.

Кузьма промолчал. Маргарита всё ещё казалась ему человеком с другого берега – бесконечно чужой. Горькая складка портила её рот. В глазах не было азартного блеска, и она уже не могла обмануть его беспечной болтовнёй.

Маргарита нервничала, понимая, что Кузьма не верит ей, и не знала, как держаться с ним.

В состоянии душевного упадка и напряжения, в котором находился Кузьма, Маргарита казалась ему неинтересной и жалкой – человеком прошлого, но...

– Ты что, всё ещё не веришь мне, что я родила от тебя сына? – раздражённо спросила она. – Да он же вылитый ты! Даже на фотографиях видно.

Кузьма пожал плечами.

– Ты много лгала мне раньше, и ничто не мешает тебе делать это и сейчас, – сказал он. – Если мы встретимся и поговорим с твоим сыном, тогда, быть может...

– Ах, вот как, но тогда послушай, – и Маргарита вдруг рассказала ему о том, что их сын был зачат незадолго до расставания, в начале 1918 года, и что она сначала не хотела рожать – всё, без недомолвок, не щадя себя. Это был щедрый жест с её стороны, но Кузьма воспринял его как попытку очередной раз одурачить его.

– Но послушай, – попытался он возразить, но...

– Что «послушай»? – дерзко перебила его Маргарита. – Ты считаешь, что я пытаюсь навесить на тебя ребёнка, «нажитого» от другого мужчины? А ты не задал себе вопрос – для чего мне всё это? Парню уже двадцать лет, и он вполне может о себе и сам позаботиться. Уже позади вся боль, тревоги, бессонные ночи... Не хочешь – не надо, Дима не твой, а только мой сын! Мой и ничей больше! Я не хочу говорить за него, но... Ему уже и отец больше не нужен! Со дня своего рождения он видел только моё лицо, отзывался только на мой голос, понимал только мои руки! А ты, не видя его, уже морду воротишь! Он ничего не боится, никогда не плакал и не бежал жаловаться, а всегда давал обидчикам сдачу. Я вскормила и вырастила его, а ты...

Поджав от обиды губы, Маргарита смерила Кузьму уничтожающим взглядом, и он понял, что эта женщина совсем не любит его. Но какая она дерзкая и сильная! Да она вполне способна...

– Подожди, не горячись, – сказал он угрюмо, пытаясь скрыть растерянность. – У меня никогда не было детей, и вдруг... Я никак не могу к этому привыкнуть.

Маргарита подтянулась и овладела собой.

– Ладно, давай поговорим о другом, – сказала она. – Нам необходимо обсудить, что теперь делать.

– Действительно, это сейчас важнее всего, – согласился с ней Кузьма. – Пролетят две недели и... Перед нами встанет выбор: либо застрелиться, либо сдаться. Иного выхода я не вижу, а ты?

– Выход есть, – возразила Маргарита. – Прежде чем идти за тобой, я всё хорошо обдумала, взвесила и...

– Ты собираешься мне предложить бежать из страны? – догадался Кузьма. – Да, я с тобой согласился бы на эту авантюру лет двадцать назад. Тогда и границы не охранялись так тщательно, и можно было идти куда угодно, как через проходной двор.

– Нет, мы поступим иначе, – усмехнулась Маргарита. – Мы сделаем так...

16

Проснувшись, дон Антонио не помнил, чтобы ему что-то снилось, но из головы не шла одна навязчивая мысль: либо он вернётся обратно в Португалию, либо сойдёт с ума. Его охватила дрожь, он вскочил с постели, мокрой от пота, и вышел из купе.

Взглянув на часы, дон Антонио покачал головой, так как, судя по времени, поезд приближался к границе с Испанией.

В проходе появился проводник. Звеня колокольчиком, он стучал в двери купе и громко предупреждал:

– Господа, приготовьте для проверки документы, мы подъезжаем к испанской границе!

«Начинается нервнотка», – подумал с сожалением дон Антонио и вернулся в купе.

Как только поезд остановился у перрона, во все вагоны сразу же вошли вооружённые люди. Они рассыпались по составу, и началась проверка.

Дон Антонио встретил бойцов республиканской армии, дымя папиросой за столиком. Ухмыльнувшись, он затолкал окурочек в стакан с чаем и, гордо выпрямившись, спросил:

– Чем обязан, господа? Мои документы на столике, можете проверить их...

Вошедшие переглянулись. Увидев визу, один из них округлил глаза и с вытянутым лицом уставился на дону Антонио.

– Господин де Беррио едет в СССР? – спросил он.

– Да, я еду в Советскую Россию, – усмехнулся дон Антонио.

– Позвольте поинтересоваться относительно цели поездки? – широко улыбнулся офицер.

– Деловая командировка, – ответил дон Антонио, чувствуя, что люди в форму относятся к нему скорее благосклонно, чем враждебно.

– О-о-о, у вас партнёрские отношения с СССР?

– Именно так, если вам интересно, господа. У меня с Советской Россией очень тесные партнёрские отношения.

– О-о-о, – офицер положил документы на столик. – Мы тоже большие друзья СССР. Счастливого пути, господин де Беррио! Большой привет Советской стране!

Испанцы вышли из купе и закрыли дверь. Дон Антонио вздохнул облегчённо. «Интересно, как бы повели себя “подопечные” генерала Франко? – подумал он. – Уж точно не пожелали бы “счастливого пути” и перевернули бы вверх дном всю дорожную поклажу...»

Минут двадцать спустя раздался паровозный гудок, и поезд продолжил свой путь. Не успел дон Антонио откупорить бутылку коньяка, как дверь открылась и в купе вошёл месье Жан с бутылкой коньяка.

– Я вижу, у вас всё в порядке, месье, – сказал он, усаживаясь за столик напротив. – Если франкисты где-нибудь не остановят по пути, то утром мы будем в благословенной Франции!

– А если нас они остановят? – нахмурился дон Антонио. – Чего можно ожидать от них, не подскажете?

– И от тех, и от других можно ожидать чего угодно, – честно признался француз, откупоривая бутылку. – Но-о-о... Поезда всё же ходят через объятую войной Испанию, а это значит, что враждующие стороны относятся к железной дороге с уважением и терпением.

– Тогда давай за это выпьем, – вздохнул дон Антонио. – Ей-богу, под хмельком я чувствую себя комфортнее.

– А я сторонник трезвого образа жизни! – усмехнулся месье Жан, заполняя коньяком стаканы. – Однако в поездах я ужасно скучаю, а выпивка бодрит и позволяет коротать время. Ну что, выпьем, месье де Беррио?

– Выпьем, – кивнул дон Антонио, беря стакан. – Желаю всем нам доехать до своих мест без каких-либо потрясений. И ещё... Обратно в Португалию я, наверное, поплыву на корабле! Это займёт больше времени, чем на поезде, но... Я буду чувствовать себя в безопасности и самым счастливым человеком на свете!

* * *

Маргарита проснулась рано утром от плохого предчувствия. Дверь спальни Кузьмы была приоткрыта – это показалось ей подозрительным. В постели его не было, и женщина поспешила в сад. Осмотревшись и никого не увидев, она окриком позвала Кузьму. Он вышел из-за ствола сосны и остановился.

Маргарита хотела что-то сказать, но закашлялась, у неё перехватило дыхание.

– Не поступай больше так, – сказала она. – Я всегда должна знать, где ты находишься.

– Вот как? – с наигранным удивлением поинтересовался Кузьма. – Я что, теперь уже под твоим арестом?

– Нет, я хочу спасти нас от посторонних глаз, – ответила Маргарита.

– Так здесь вокруг всего участка трёхметровый забор!

– В заборе могут быть щели.

– Ты считаешь, что вокруг полно любопытных, которые только и мечтают, чтобы наблюдать за нами в прорехи между досками?

Маргарита закусила губу и сжала кулачки. Она готова была разреваться от досады.

– Зря иронизируешь, Кузьма, – сказала она.

– Считаешь, что на нас объявлена охота?

– Не только считаю, я уверена в этом.

- Это потому, что ты оставила Азата в живых?
- Он здесь ни при чём. Сама не знаю, почему я не смогла выстрелить в это мерзкое животное.
- Да-а-а, на тебя это не похоже, товарищ Шмель. Помню, раньше ты не церемонилась с подобными личностями.
- Это было давно, – ухмыльнулась Маргарита.
- Ты хочешь сказать, что тебя преследуют не только за моё «похищение», но и по другому поводу?
- Да, я «враг народа», как и ты, Кузьма Прохорович! И... В этот список я попала из-за тебя, если знать хочешь.
- Из-за меня? – удивился Кузьма. – Это каким же образом?
- Маргарита промолчала, и они прошли в укрытую кустами беседку.
- Ты не ответила на мой вопрос, – сказал Кузьма, усаживаясь на скамейку.
- Не вижу в том надобности, – пожала плечами Маргарита. – Всё, не будем больше говорить об этом.
- Почему же не будем? – нахмурился Кузьма. – Я должен знать, что случилось. Я очень прошу тебя, скажи мне.
- Маргарита сложила перед собой на столике руки и закрыла глаза.
- Единственное, Кузьма, что я могу сказать тебе, – это то, что не расположена делиться своими бедами.
- Но ты уже обмолвилась, что эти «беды» из-за меня.
- Извини, сболтнула по глупости, чтобы досадить тебе, понял?
- Лжёшь, по глазам вижу, – усомнился Кузьма.
- Маргарита открыла глаза и усмехнулась.
- Думай, что хочешь.
- Однако Кузьма не сдавался.
- Если ты попала «в немилость» из-за меня, скажи?! Я хочу знать...
- Маргарита раздражённо прервала его:
- Много будешь знать, скоро состаришься. Есть такая дремучая пословица, слышал?
- Слышал, – вздохнул Кузьма.
- Так вот, давай о чём-нибудь другом поговорим, благо есть о чём.
- И... О чём же?
- Обсудим, как дальше жить. Или тебя больше не тревожит эта тема?
- А ты что, не знаешь? – поинтересовался Кузьма с издёвкой.
- Сейчас нет, – призналась Маргарита. – Всё, что я планировала, к сожалению, нам уже не осуществить.
- Постой, но ты была так уверена в своём «плане».
- Была, а теперь нет, – по лицу Маргариты скользнула горькая усмешка. – Есть ещё варианты, но-о-о...
- Наверное, секретный, – с укором продолжил Кузьма. – Мы будем обсуждать этот твой вариант или нет в том смысле?
- Обсудим, но не сейчас, – сказала Маргарита, вставая. – Сначала послушаем молодого человека.
- Какого человека? – удивился Кузьма.
- Потерпи минуту... Сейчас я тебя с ним познакомлю.

* * *

Вошедший во двор мужчина выглядел просто красавцем. Природа не поскупилась и одарила его высоким ростом и богатырским телосложением. Стройный, небрежно одетый, он, казалось, пышет здоровьем и доволен жизнью. Невозмутимый, безукоризненно владеющий собой, со сдержанными движениями и тихим голосом, он напоминал Кузьму в молодости. Малов с трудом проглотил подступивший к горлу ком, глубоко вздохнул и резко выдохнул.

Молодой человек поцеловал в раздумывавшуюся щёчку Маргариту, повернулся к Кузьме и, протягивая руку, представился:

– Дмитрий Малов...

Кузьме понадобилась вся его воля, чтобы словом или жестом не выдать душившего его волнения. Как во сне он пожал протянутую руку.

Он чувствовал себя неловко. Мысленно перебирая возможные темы для разговора, он продумывал их и тотчас отвергал за неуместностью. Маргарита в волнении наблюдала за ними со стороны в тайной надежде увидеть на лице Кузьмы мимику радости, но тщетно. Его лицо выражало только муку и растерянность.

– Перед тобой твой отец, Дмитрий, – не выдержав, представила она Кузьму сыну. – Ты всегда в детстве расспрашивал меня о нём, а теперь можешь побеседовать с ним лично.

– Здравствуй, папа, – поприветствовал отца молодой человек дрогнувшим голосом. – Я всегда представлял тебя таким, каким вижу сейчас.

– А я совсем недавно узнал, что ты есть, – ответил Кузьма хриплым голосом. – Твоя мать сообщила, что ты есть, а я... Я ей не поверил.

– Что, ты не веришь ей и сейчас? – улыбнулся Дмитрий.

– Нет, я не верю своим глазам, – пробубнил Кузьма, краснея. – Я рад тебя видеть, сынок... Я... – он не договорил, к горлу подкатил ком горечи, а из глаз выкатились крупные слезинки.

До сегодняшнего дня он не верил в существование сына и, увидев Дмитрия, был обескуражен, не находя в его облике даже малейшего сходства с собой. На фотографиях, которые показывала ему Маргарита, Кузьма находил какие-то общие черты, делавшие похожими его и запечатленного мальчика, но сейчас... Однако жажда отцовства, присущая ему, как любому нормальному мужчине, но загнанная на дно сознания, вдруг вырвалась наружу и заполнила зияющую пустоту его души.

И вдруг его охватило желание жить! Он решительно не хотел теперь умирать и мириться со своим «незавидным» положением. Сжигаемый угрызениями совести, он испытывал острую потребность исповедоваться перед Дмитрием, просить сына простить его неизвестно за что и в чём-то раскаяться. Кузьма сгорал от желания облегчить свою душу полным признанием своей несуществующей вины.

– Ну, чего стоим? – услышал он глухой голос Маргариты. – Идёмте в дом, а там...

С трудом обуздав чувства, покорённый, Кузьма вошёл нетвёрдой походкой вместе с ней и сыном в дом, робея, будто нашкодивший школьник...

17

Иосиф Бигельман заранее заказал столик у окна, выходящего на Неву. Они пили коньяк и наблюдали, как белые пассажирские пароходы снуют вверх-вниз по реке.

– Красивый город! – сказал дон Антонио, закуривая папиросу. – Я был здесь первый раз ещё до революции и второй приехал снова...

– А я здесь уже обжился, – заискивающе улыбаясь, сказал Иосиф. – Уже не замечаю той красоты, которая поразила меня, когда я двадцать лет назад перебрался сюда.

– Скажи мне спасибо, а то торчал бы всю жизнь в Верхнеудинске, – хмыкнул дон Антонио. – Ты очень хорошо выглядишь!

– А как же, мне иначе нельзя, – вздохнул Иосиф. – Я ведь хороший портной и шью костюмы для уважаемых и влиятельных людей!

– Молодец, хорошо устроился, – одобрил дон Антонио, наполняя рюмки коньяком. – Ты прирождённый сыщик, вот только жаль, что евреев раньше в полицию не брали. Да и теперь, наверное, на службу в НКВД не принимают?

– Да, не берут, – кивнул, соглашаясь, Иосиф. – Собственно, мне это сейчас и не надо. Живу себе незаметно и тихо, никуда не ввязываюсь, и никто меня не замечает.

– Хорошо, рассказывай, как Малова проморгал? – понизил голос дон Антонио, хотя в ресторане, кроме них, никого не было. – Я тебе что поручил? Или ты запамятовал?

– Что вы? Что вы? Э-э-э... – забеспокоился Иосиф.

– Зови меня Виталием Андреевичем, – напомнил дон Антонио. – Я, пока добирался из Португалии поездом, назывался так, как меня знают в бизнес-кругах Европы и Америки, – Антонио де Беррио! А здесь, в России, доехав до посольства, я в нём растворился. Зашёл господином де Беррио, а вышел оттуда чёрным ходом уже товарищем Висковым. Приглядишься, я похож на русского?

– Вполне, не сомневайтесь, – кивнул Иосиф. – Вы выглядите так, как будто никогда не покидали Россию!

– И у меня такое же мнение, – глубоко вздохнул дон Антонио и обвёл пристальным взглядом столики ресторана. – Вот только... Во всех странах, где мне приходилось бывать, в это время рестораны заполнены до отказа, а здесь...

– В СССР нет безработицы, – улыбнулся Иосиф. – Днём все советские люди работают, а вечерами, у кого позволяют финансовые возможности, посещают рестораны и кафе.

– Понятно, – хмыкнул дон Антонио. – Большевики строят коммунизм! И это даёт ощущение масштаба и оптимизма! Весь их упор на будущее, но... Нельзя губить настоящее. Иногда полезно оглядываться назад!

Они выпили.

– Ну, так что, вернёмся к Малову? – сказал дон Антонио, закуривая очередную папиросу. – Расскажи мне подробнее, как ты потерял его из виду. Мне нужно знать всё, что тебе известно о нём!

– Его арестовали на заводе и увезли, – пожимая плечами, ответил Иосиф. – Больше я его не видел.

– Понятно, не видел, но слышать-то о нём приходилось? – напрягся дон Антонио.

– К счастью, да, – вздохнул Иосиф. – Один мой клиент, очень уважаемый в городе товарищ, на примерке рассказал мне о некоем товарище Рахимове и о его «чудесной» лаборатории. И этот «товарищ Рахимов»...

– Постой, помолчи, – остановил его дон Антонио. – Мне, кажется, знакомо это имя.

– Конечно, знакомо, напрягите память! – оживился Иосиф. – Он тоже из Верхнеудинска и звали его...

– Азат Мавлюдов! – хлопнул себя ладонью по лбу дон Антонио. – Тесен мир, ох и тесен! А этот недоумок как здесь оказался?

– Отнюдь, недоумком его теперь не назовёшь, – корректно возразил Иосиф. – Он заслуженный учёный, профессор!

– О ком это ты? – опешил дон Антонио. – Об этом чёртовом балбесе Мавлюдове? Он что, за эти годы так сильно поумнел, или уровень его знаний достаточен для Советской России?

– Он заведует лабораторией и лечит людей, – сказал Иосиф. – И, между прочим, успешно лечит. Мой клиент рассказывал, что очень уважаемые товарищи лечатся у него!

– И? Что тебе рассказал «клиент» об этой тёмной личности? – заинтересовался дон Антонио. – Что-то связанное с исчезновением Кузьмы упоминал?

Бигельман пожал плечами и развёл руки.

– В тот день мой клиент был многословен, – сказал он. – Ему понравился пошитый мною костюм, и он весь сиял, как лампочка, разглядывая себя в зеркале.

– Как он выглядел, меня не интересует, – занервничал дон Антонио. – Я платил тебе большие деньги, чтобы ты «приглядывал» за Маловым, так вот отрабатывай их!

Проглотив упрёк, Иосиф покраснел и продолжил:

– В тот день, когда арестовали Малова, Мавлюдов тоже был на заводе. Что он там делал, выяснить не удалось. Однако клиент рассказал, что «товарищ Рахимов» узнал Кузьму и облачил его. Он принимал активное участие во время допросов Малова и во время следствия.

– Так-так-так, – проговорил с задумчивым видом дон Антонио. – Этот чёртов недоумок Азат... К гадалке не ходи, это его рук дело, он всегда боялся и ненавидел Кузьму.

– Всё, больше мне ничего не известно, – вздохнул Бигельман. – Могу сказать только одно, если Малов попал в лапы НКВД, то мы его увидим очень не скоро, если увидим вообще.

– Вот это я и собираюсь выяснить, – наполняя рюмки, сказал дон Антонио.

– Каким же образом? – удивился Иосиф.

– Поинтересуюсь у «товарища Рахимова», – недобро усмехнулся дон Антонио. – Кстати, как мне найти его лабораторию?

* * *

Азат сидел в саду под яблоней недалеко от лаборатории. Он был бледен, в глазах застыл страх. Он никогда в жизни так не боялся за себя и своё будущее, как сейчас.

– Товарищ Рахимов? – услышал он голос, и волна ужаса накрыла Азата с головой, лишив способности рассуждать здраво.

«В гости» пришёл старший майор госбезопасности Владимир Гарин.

Азат вскочил на ноги и, крадучись, стал отступать в глубь парка. Майор шёл следом за ним. Не выдержав напряжения, Азат бросился бежать.

– Эй, Азат Гумарович, где ты?

Азат ускорил бег, хотя и понимал, что никуда с обнесённой высоким забором территории ему не деться. Мавлюдов не спал уже несколько ночей, был измучен, измотан и едва держался на ногах. Увидев кустарник шиповника, Азат не раздумывая, нырнул в него, пытаясь отдышаться. Но...

Через несколько минут послышались тяжёлые шаги преследователя. Гарин остановился перед убежищем Азата.

– Давай вылезь, я знаю, что ты здесь, – сказал майор.

Мавлюдов задрожал всем телом.

– Нет, не вылезу! – истерично выкрикнул он.

Гарин поднял с земли камушек и швырнул его в заросли шиповника.

– Почему ты прячешься от меня, Азат Гумарович? – спросил он. – Ты сейчас напоминаешь мне глупого ребёнка, который убегает от отца с ремнём. Я не собираюсь устраивать тебе порку, слышишь меня?

Около минуты Азат молчал, а потом сказал срывающимся голосом:

– Ты приехал арестовать меня, товарищ майор?

Гарин усмехнулся и уточнил:

– Я приехал к тебе, а не за тобой, понял?

Азат нервно хмыкнул.

– Я пытался их задержать, уже в сотый раз говорю, а они... Они чуть не застрелили меня, ясно вам?

– А ну вылазь! – потребовал майор. – Я тебе уже в сотый раз говорю, что верю тебе.

– Ты меня дважды избил – при первом и последнем допросе! – Азат сглотнул наполнившую рот вязкую слюну. – Я боюсь тебя, уходи!

– Ну, извини, сорвался, бывает... А ну вылазь, кому говорю!

Азат всхлипнул. Слезы покатались по его щекам.

– Чего медлишь? Я жду. Что подумают твои подчинённые, видя, как профессор прячется в кустах?

Азат судорожно вздохнул.

– Оставь меня в покое, прошу... Ты же знаешь, что я ни в чём не виноват?

– Вылазь, идиот несчастный! – скомандовал майор.

И тут Мавлюдова словно прорвало.

– Я знаю, что ты замыслил упечь меня в лагерь! – завопил он не своим голосом. – Я знаю, что если вы к кому прицепитесь, то хоть караул кричи! Я знаю, что, пока дело дойдет до суда, вы сделаете меня калекой! О Всевышний, пошли мне смерть прямо сейчас! Я не хочу терпеть пытки и унижения! НЕ ХО-ЧУ-У-У!..

Майор был в замешательстве.

– Вылезай, не смей людей, – сказал он спокойно. – Не сходи с ума, слышишь?

– Нет, не выйду! – упорствовал Азат, рыдая.

– Ты под моей защитой, и я не трону тебя.

– Не лги мне, я тебе не верю!

Гарин присел.

– Послушай меня, не юродствуй! – закричал он.

Азат промывчал что-то нечленораздельное, и майор его не понял.

– Да-а-а, я много слышан о тебе, – сказал он. – Но даже представить не мог, что ты не просто уникальный трус, а самая настоящая вонючая слякоть!

– Я хочу жить, вот и всё! – выпалил из кустов Азат. – Я врач, я профессор, я лечу людей, а вы хотите смешать меня с говном и превратить в слякоть!

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения майора Гарина.

– Сейчас я зайду в кусты и вытащу тебя за шиворот! – яростно предупредил он. – Оцарапавшись о шипы, я буду разгневан, и тогда держись у меня!

– У меня острый скальпель, если сунешься в кусты, я убью себя! – не менее яростно огрызнулся Азат.

Гарин покачал недоверчиво головой, развернулся и пошел к зданию лаборатории.

Азат приподнял над кустами голову и с отчаянием огляделся. Угнетающий его панический страх уже прошёл. Он чувствовал ужасающую опустошённость, он был полностью деморализован. То, что происходило с ним, походило на помешательство, на кошмарный сон, и выбраться из него, как из вонючей трясины, не было никакой возможности.

– Выходите из кустов и пойдёте со мной, Азат Гумарович! – услышал он голос доктора Крыгина. – Я помогу вам, товарищ Рахимов, доверьтесь мне.

Азат поднял на него полный тоски и отчаяния взгляд.

– А ты почему здесь? – спросил он угрюмо.

Нестор Павлович попытался объяснить.

– Я привёз к вам двух пациентов, как вы просили, – сказал он. – А тут...

– Уезжай обратно, я здоров, – буркнул Азат недовольно и тут же вспылil: – Убирайся прочь, я никого не желаю видеть!

Появление доктора Крыгина словно завело его. Мавлюдов выбрался из колючего кустарника, но, увидев возвращающегося майора, снова бросился бежать с расширившимися от ужаса глазами.

– Да постой ты! – прокричал, останавливаясь, Гарин. – Я к тебе товарища привёз на лечение!

Но Азат не слышал его и продолжал бежать в панике к высоченному забору, словно собираясь с ходу перемахнуть через него.

– Что за ребячество, профессор? – прокричал ему вслед майор. – Не смей людей, посмотри на меня!

Достигнув забора, Азат в растерянности остановился. Он тяжело дышал и был не в состоянии сделать и шагу.

– Пожалуйста, не подходи ко мне! – взмолился он, обернувшись и затравленным взглядом посмотрев на Гарина.

Голос майора пригвоздил его к месту.

– Я повторяю, к тебе на лечение привёз товарища от секретаря обкома Жданова, кретин, – сказал он спокойно. – Ты не можешь отказать такому человеку, так ведь?

– Не могу, – отозвался Азат неуверенно.

– Тогда давай не будем играть в догонялки и смешить публику!

Азат, покоровшись своей судьбе, понуро опустил голову, подошёл к Гарину. Майор, глядя на него, едва сдерживал бушующее внутри бешенство.

– Ну и видок у тебя, «герой-подпольщик»! – осклабился он. – Теперь мне ясно, как ты пережил Гражданскую, товарищ Рахимов... Когда другие воевали и кровь проливали, ты из подпола не вылезал...

«Говори и думай, что хочешь, – подумал Азат, разглядывая свои ноги. – Главное, я жив и тебя переживу... А до меня тебе не добраться теперь, руки коротки. Что бы ты ни думал и ни замышлял против меня, моя “биография” крепка и надёжна, как танковая броня!»

18

Рано утром за доном Антонио заехал Иосиф Бигельман.

– Это твоя машина? – посмотрел скептически на старенький «фольксваген» дон Антонио. – И сколько заплатил за неё?

– Нет, машина не моя, – улыбнулся Иосиф. – Я мог бы приобрести и получше, но... На меня сразу же обратили бы внимание компетентные органы. Уж лучше я буду ездить на общественном транспорте и жить спокойно.

– Резонно, – кивнул дон Антонио. – И чья же эта развалюха?

– Её одолжил мой клиент! – забеспокоился Иосиф. – Он работает...

– Мне не интересно, где и кем работает твой клиент, – вздохнул дон Антонио. – Меня заботит другое – не будут ли за нами ездить по пятам сотрудники НКВД? Документы у меня надёжные, но...

– Нет, всё в порядке, – замотал головой Иосиф. – Я уже не раз брал эту машину и...

– Ладно, садись, поехали...

Они долго петляли по городским улицам, а затем выехали на шоссе. По обе стороны лес, а среди деревьев повсюду виднелись крыши дачных домиков.

– Как долго нам ещё ехать? – поинтересовался дон Антонио. – Я думал, что лаборатория находится недалеко от города.

– А мы едем не в лабораторию, а на дачу к «товарищу Рахиму», – заметил Иосиф, не вдаваясь в подробности.

Брови дона Антонио взметнулись вверх.

– А это ещё почему? – спросил он удивлённо.
– Там нечего делать, – ответил Иосиф. – Азата Мавлюдова там нет.
– И где же он? – поинтересовался озадаченный дон Антонио.
– У него от чего-то нервишки зашалили, – пояснил Иосиф. – Так мне мой клиент сказал, который лечится у «товарища Рахимова». Азат уже неделю дома и в лаборатории не появляется.

– А от чего у него «нервишки зашалили», твой клиент не знает?
– Нет, вот только... – Иосиф замялся, но через минуту продолжил: – К нему майор из госбезопасности зачастил. Может, как раз он и треплет нервишки профессору Мавлюдову?

Дон Антонио перестал задавать вопросы, и около получаса они ехали молча.

– Скоро приедем, – сказал Иосиф, сворачивая с шоссе на просёлочную дорогу.

– Что, уже? – усмехнулся попутчик. – А почему «товарищ Рахимов» на даче проживает? У него что, в таком большом городе квартиры нет?

– Была квартира, да сплыла, – улыбнулся Иосиф. – Жена из неё выставила при разводе. Та ещё стерва. Вот он и перебрался на дачу, где и проживает до настоящего времени.

Не успел дон Антонио задать следующий вопрос, как Бигельман нажал на тормоз и остановил машину.

– Вот его дом... Что делать изволите?

Дон Антонио вышел из машины. Перед ним белел большой дом. В окнах темно, а ворота распахнуты настежь.

– Спрячь куда-нибудь машину и возвращайся, – приказал он Иосифу. – Я подожду тебя.

– Я отгоню машину подальше и буду вас там дожидаться, – заартачился тот. – Личность я далеко не героическая и не терплю пикантных ситуаций.

– Но вдруг мне понадобится твоя помощь?

– Дел, связанных с риском, я стараюсь избегать. Извините, Виталий Андреевич... Я вас довёз, но в дом не пойду.

Покачав головой, дон Антонио пошёл один. Стараясь ступать по траве, он шёл по краю бетонной дорожки к дому. Его изумлял отвратительный беспорядок, царящий вокруг. Цветы в газоне высохли, клумбы заросли травой, кусты одичали. Подойдя к двери, дон Антонио не успел даже коснуться ручки, как услышал шаги.

«Наверное, Иосиф передумал и пошёл за мной, – подумал дон Антонио. – Или... О чёрт, совсем позабыл, он же мне говорил в машине, что к Мавлюдову майор госбезопасности зачастил. А если за дачей установлено наблюдение?»

Опустив правую руку в карман пиджака, он нащупал кастет и вставил в отверстия пальцы. Готовясь ко всему, он замер и, напрягая слух, насторожился.

По саду кто-то пробежал, но дон Антонио не заметил, человек это был или зверь. Инстинкт самосохранения заставил его резко обернуться. Из-за угла появился худощавый невысокий мужчина лет пятидесяти в домашнем халате. В дрожащих руках он держал ружьё.

– Азат, опусти ствол, – сказал дон Антонио. – Я пришёл к тебе в гости, а не с дурными намерениями.

Мавлюдов вялым движением опустил ствол в землю.

– Раз пришёл в гости, то заходи. Пить откажешься, прогоню прочь. Уходить не захочешь – застрелю. Милости просим...

Когда они вошли в гостиную, дон Антонио округлил глаза и присвистнул, увидев стол, заставленный пустыми бутылками, между которыми виднелись тарелки с подсохшей и неприглядной закуской.

– Прошу, «уважаемый», – Азат указал стволом на стул. – Налей себе и мне. Сначала мы выпьем просто так, а затем поговорим по интересующему тебя вопросу. Ведь ты зачем-то пришёл ко мне, так ведь?

– Предлагаешь выпить? – пожал плечами дон Антонио. – Что ж, давай выпьем. Я тоже не прочь промочить горло.

Азат, как в тумане, взял со стола бутылку с вином, сделал несколько глотков и протянул её гостю. Дон Антонио покачал головой и потянулся за бутылкой коньяка.

– Так что, ты узнаёшь меня, Азат? – спросил он. – Когда-то давно у нас были отношения, похожие на дружеские, но... Они были короткими.

– Ты что сюда пришёл, пить или воспоминаниям предаваться? – спросил Мавлюдов.

– Сам не знаю, – солгал из осторожности дон Антонио. – Но поговорить по душам у нас вряд ли получится.

– Хочешь – говори, а я помолчу и тебя послушаю, – сказал равнодушно Азат. – Как тебя зовут, мне без разницы, с какой целью пожаловал ко мне «в гости», тоже. Сейчас мне наплевать на всё, и тебе будет трудно заинтересовать меня...

Мавлюдов говорил негромко и односложно, как человек, пребывающий в глубочайшей депрессии, а взгляд его был устремлен в сторону окна.

– А я, пожалуй, попытаюсь заинтересовать тебя, – сказал дон Антонио, многообещающе улыбнувшись. – Если ты всё ещё не узнал, кто я, то «обрадую» тебя. Перед тобой Митрофан Бурматов, помнишь такого, «друг мой»?

Мавлюдов едва не поперхнулся, услышав это. Его лицо помертвело и вытянулось, рука задрожала, и вино из бутылки полилось ему на грудь.

– Бутылку поставь, а то всю на себя выльешь, – посоветовал с ухмылкой дон Антонио. – Вот и всё, конец твоему равнодушию?

На Азата было страшно смотреть. Он стоял, не шевелясь и пытаясь собраться с мыслями. И когда ему это всё-таки удалось, он попятился к углу, в который поставил ружьё. Но дон Антонио оказался проворнее находящегося в шоковом состоянии «товарища Рахимова».

– Ну вот, ты меня узнал! – усмехнулся он и, опередив Мавлюдова, схватил его ружьё. – Да ты не беспокойся так сильно, кулёк с дерьмом... Я не собираюсь сводить с тобой счёты. Мой визит к тебе по другому поводу и... Я уповаю на то, что ты будешь мил и покладист, чистосердечно отвечая на задаваемые вопросы!

– Я п-постараюсь, – проблеял жалобно Азат, присаживаясь в кресло. – Я «рад» тебя видеть, господин Бурматов. Ты п-просто отлично в-выглядишь...

– Не лги мне, пустомеля, я знаю, как выгляжу, – нахмурил сурово брови Митрофан. – Мне не нравится, что ты пытаешься льстить мне. Вот ты не изменился – это точно. Как был лжецом и жополизом двадцать лет назад, вижу, таковым и остался.

– Хорошо, пусть так, – согласился, приходя в себя, Азат. – Но-о-о... Как ты оказался в СССР, тем более у меня дома? Ты же сбежал... Нет, ты эмигрировал за границу.

– Долго рассказывать, – вздохнул Митрофан, поглаживая ладонью гладкий ствол ружья. – Да и не к чему. Давай-ка лучше ты ответь на мой вопрос, только правдиво, как на духу. И я снова исчезну из твоей жизни и, быть может, навсегда.

– Интересно, что же заставило тебя найти меня? – хмыкнул Азат. – Это касается нашего прошлого, или...

– Мой вопрос касается Кузьмы Малова, – не стал ходить вокруг да около Митрофан. – Я узнал, что ты сдал его в НКВД. Я бы очень хотел услышать, как это было.

Мавлюдов запаниковал.

– Откуда у тебя такие сведения? – спросил он, едва владея языком.

– Какая тебе разница, – вздохнул Митрофан, щёлкнув курком. – Могу сказать честно, что не покину твой дом, пока не узнаю всей правды!

– А если мне нечего тебе рассказать?

– Что ж, тогда я буду вынужден застрелить тебя из твоего же ружья, гнида. Отомщу за Кузьму и заодно себя поражаю.

– Н-нет, н-не у-убивай м-меня! – взмолился Азат, сползая с кресла и становясь на колени. – Я... я...

– Выкладывай, чего знаешь, подлец! – потребовал Митрофан строже. – Только правдивый рассказ о Кузьме спасёт твою подленькую жизнь. Но если я почувствую ложь в твоих словах, поверь, церемониться с тобой не буду!

Мавлюдов медленно поднялся с колен и тяжело опустился в кресло.

– Спрашивай, – сказал он. – Расскажу всё, если дашь слово, что оставишь меня в живых.

– Не в твоём положении ставить мне условия, «товарищ Рахимов», – возразил Митрофан с едкой усмешкой. – Но я не трону тебя ни словом, ни делом, если скажешь всё, что мне необходимо знать.

– Кузьму я нашёл случайно, – закрыв глаза, начал Азат. – За двадцать лет я забыл о его существовании, а тут... Как-то один высокопоставленный пациент приехал ко мне на процедуры и, пока ему их делали, он трещал без умолку. Еще он торопился попасть на завод, чтобы принять участие в приёме новых членов партии.

– И про Кузьму он тебе тоже рассказал? – усмехнулся недоверчиво Митрофан. – Так, мол, и так, некий товарищ Малов хочет вступить в члены ВКП(б)?

– Нет, он разрешил мне полистать личные дела кандидатов, которые были сложены в его портфеле, – вздохнул, отвечая, Азат. – Вот так и попало мне в руки личное дело кузнеца Антона Мартынова.

– Кого? – не понял Митрофан. – А он-то здесь при чём?

– При том, что в фотографии, обнаруженной мною в личном деле кандидата Мартынова, я узнал физиономию Кузьмы Малова. Да, прошло много времени с нашей последней встречи, но я без труда узнал его.

– Вот как значит, – задумался Митрофан и остановил взгляд на Мавлюдове. – Ну и? Что было дальше?

Азат пожал плечами.

– Да ничего особенного, – сказал он. – Мне очень захотелось увидеть «земляка» Малова и...

– Испортить ему жизнь, понятно, – закончил за него Митрофан. – И ты уговорил пациента взять тебя на собрание, так ведь?

– Нет, я сделал так, что пациент сам попросил меня съездить за него на собрание, – вздохнул Азат и потянулся за запечатанной бутылкой вина. – Я напугал его якобы ухудшившимся состоянием здоровья и настоятельно порекомендовал провести день в постели. Вот он и попросил меня слёзно поучаствовать за него на заводском собрании.

– Как это взял и попросил? – Удивился Митрофан. – Его что, в обкоме нечем было заменить?

– Конечно, замена бы нашлась, кто бы сомневался, но... – Азат развёл руками. – Мой пациент почему-то предпочёл не сообщать в обком о своём «недомогании». У них там порядок жёсткий, и каждый любым способом держится за своё место.

– И ты это учёл, запугивая клиента, – хмыкнул Митрофан, сделав несколько глотков коньяка.

– Да, – кивнул Азат, откупоривая бутылку. – Я сделал всё, чтобы встретиться с Антоном Мартыновым и лично убедиться, что он – это Кузьма Малов!

– И, чтобы он вдруг не переломал тебе рёбра, вызвал на подмогу НКВД? – с издёвкой поинтересовался Митрофан.

Прежде чем ответить на его вопрос, Мавлюдов поднёс к губам горлышко бутылки и выпил за раз половину её содержимого.

– Да, я позвонил знакомому из НКВД, – сказал он, вытерев рукавом губы.

– Ну и? – подался вперёд Митрофан. – Это ты дал им команду арестовать Малова?

– Да, это сделал я, – не стал отпираться Азат, прикладываясь к бутылке. – Я собирался до смерти запугать «господина судебного пристава», чтобы он... чтобы он...

Закатив глаза, Мавлюдов откинулся на спинку кресла и захрапел. Глядя на него, Митрофан понял, что будить его, пока не проспится, бесполезно. Досадуя на себя за то, что позволил ему напиться, он допил коньяк из своей бутылки. Проведя в задумчивости несколько минут, он решил дожидаться утра, чтобы закончить разговор с Азатом и принять решение, как поступить с негодяем после того, как вытянет из него интересующие его сведения.

19

В дверь трижды тихо постучали, затем щёлкнул замок. Появившийся Дмитрий скинул с плеч мокрый от дождя плащ и подошёл к матери.

– Как долго тебя не было, сынок, – сказала Маргарита. – Я как на иголках провела всё это время.

– Я мог бы задержаться и надольше, мама, – ответил Дмитрий. – А теперь, скажу вам, дела наши совсем плохи.

– Ничего, всё уладится, – сказала Маргарита, бледнея. – Главное, мы все живы и в относительной безопасности.

– Вот именно, в «относительной», – с горькой усмешкой согласился сын.

Маргарита натянуто улыбнулась и погрозила ему пальцем.

– Ты не вежлив, Дима, – сказал она. – Ты не хочешь поздороваться с отцом? Я ведь не одна в тревоге дожидалась твоего возвращения.

Кузьма спокойно сидел на диване, молча наблюдая со стороны за встречей матери и сына, но лицо его было задумчивым, – казалось, он над чем-то размышляет.

– Прости, папа, – подошёл к нему Дмитрий и протянул руку. – Никак не привыкну, что ты у меня есть.

С каменным лицом Кузьма поздоровался, и эта отчуждённость насторожила Маргариту.

– Можно узнать, о чём думает Кузьма Прохорович? – спросила она, присаживаясь в кресло у окна.

– Да ради бога, – ответил Кузьма угрюмо. – Я обдумываю то, что будем делать дальше. Не вечно же нам прятаться в этой «собачьей конуре»?

Маргарита побледнела, но решительно тряхнула головой, словно хотела придать мыслям иное направление.

– И что, есть какое-то предложение? – поинтересовалась она.

Кузьма промолчал и пожал плечами.

– Человек, который должен был перевести нас через границу, на встречу не пришёл, – сказал Дмитрий спустя некоторое время. – Это может означать только одно – или он обманул нас, давая обещание, или с ним что-то случилось.

– Мы предвидели, что подобное может произойти, – вздохнула Маргарита. – Пусть уж лучше так, чем нас схватили бы с ним вместе и упрятали за решётку.

– А на границе с Финляндией беспокойно, – продолжил Дмитрий. – Когда я ждал поезд, увидел два воинских эшелона. Тут же я случайно подслушал разговор железнодорожников. Так вот, составы направляются в сторону Выборга, а точнее, к границе.

Среди воцарившегося молчания слышался только дробный стук дождя, хлеставшего по окнам.

– Всю ночь напролёт я вспоминал наше с тобой прошлое, – вдруг заговорил Кузьма, обращаясь к Маргарите. – Сон так и не пришёл ко мне...

– О чём это ты? – спросил Дмитрий, не уловив смысла фразы отца.

– Ты, наверное, вспоминал только плохое, – с печалью в голосе проговорила Маргарита. – А ведь было и хорошее, о чём я люблю вспоминать чаще всего.

– Можно поинтересоваться, о чём это вы? – с недоумением обратился к родителям Дмитрий.

– Отец говорит, что всю ночь вспоминал наше прошлое, – пояснила Маргарита. – Думаю, что тебе сейчас неинтересно сидеть с нами и слушать наши воспоминания...

– Тогда я пойду, посплю, – сказал Дмитрий, вставая. – Я так набегался за день, что валюсь с ног. Да и перекусить чего-нибудь не мешает. Желудок урчит, аж за километр слышно.

Он вышел из комнаты и прикрыл за собою дверь. Маргарита подошла к секретеру и достала коробку. Сняв крышку, она извлекла из неё револьвер и протянула его Кузьме.

– На-ка, возьми, – сказала она. – Может быть, пригодится.

– Что это? – удивился он. – Ты что, снова предлагаешь мне взять в руки оружие?

– Да, предлагаю, – вздохнула Маргарита. – Мы попали в очень серьёзную ситуацию и... Если нас поймают, то не избежать пыток и расстрела.

Кузьма поднял револьвер, прицелился в окно и опустил руку, так и не нажав на курок.

– А теперь убери куда-нибудь, – посоветовала Маргарита.

Кузьма сидел на диване безмолвный и неподвижный, уставившись на револьвер. Он уже всё понял, но не мог произнести ни слова: настолько сильна была над ним власть этой женщины, что он не мог испытывать к ней ни неприязни, ни злости. А тут ещё новости, которые принёс с собой Дмитрий, так озадачили его, что...

– Ты чего так смотришь на наган или видишь впервые? – усмехнулась Маргарита. – Убери его с глаз долой, и пойдём ужинать.

Кузьма засунул револьвер за пояс.

– Хорошая штучка, – сказал он угрюмо. – Если нас найдут и попытаются задержать, я пушу себе пулю в лоб.

– О чём ты болтаешь? – насторожилась Маргарита. – У тебя есть сын, и ты помни об этом!

– Надо было раньше думать о нём, а не втягивать в эту гнусную авантюру, – огрызнулся Кузьма сердито.

– То, что было раньше, тебя не касается, – отрезала Маргарита. – Ты теперь позаботься о нём, вот что сейчас важно.

Кузьма зажмурился и схватился за голову, словно хотел убедиться, что она не лопнула, а ещё на месте. Всё в ней перевернулось и встало вверх ногами.

– У тебя припасён какой-то выход, верно? – спросил он и пылливо глянул на Маргариту.

– Всё может быть, – ответила она с загадочным видом.

– Так да или нет? – настаивал Кузьма.

– Загад не бывает богат, – улыбнулась Маргарита. – Я очень хорошо знаю методы работы НКВД и... Я так же хорошо умею противостоять им, и это правда...

* * *

Было около десяти часов вечера. Начальник УНКВД ЛО, комиссар госбезопасности Леонид Михайлович Заковский сидел за рабочим столом и, скрывая нервозность, внимательно слушал доклад заместителя старшего майора госбезопасности Владимира Гарина.

Гарин с подчёркнутым спокойствием доложил о проделанной работе.

– И что? – раздражённо бросил комиссар. – Я не услышал ничего любопытного.

– Ну-у-у... на мой взгляд, любопытного в моём докладе много, – сказал Гарин, обдумывая каждое слово. – Вот, например, португальский бизнесмен Антонио де Беррио приехал в нашу страну заключать контракт на закупку крупной партии зерна, а сам тихо выскользнул из посольства и с поддельными документами приехал в Ленинград! Разве это не любопытно?

– Он действительно коммерсант, вы проверили? – с угрюмым видом поинтересовался Заковский.

– Что ни на есть, самый настоящий, – вздохнул майор. – Сейчас его представители в Москве занимаются переговорами о закупке, а он инкогнито путешествует по Ленинграду!

– И что, большая партия зерна? – заинтересованно посмотрел на заместителя комиссар.

– Очень большая, – нехотя признался Гарин. – Несколько барж прибудет под загрузку.

– А где сейчас этот господин де Беррио? – спросил Заковский задумчиво. – Надеюсь, у вас хватило ума не арестовать его?

– Пока он на свободе и под присмотром, – ответил майор. – Вот как раз я и собирался просить у вас «добро» на его задержание и арест.

– Вот как? – брови комиссара взметнулись вверх. – И у вас есть что предъявить ему?

– Пока нет, – пожал плечами Гарин. – Но-о-о... Мы применим к нему допрос «с пристрастием» и...

Начальник, разъярённый, вскочил из-за стола и накинудся на майора.

– Ты хоть сам понимаешь, о чём говоришь?! – закричал он. – Ни за что ни про что арестовать богатейшего бизнесмена, прибывшего к нам закупать зерно? Ты что, совсем обалдел, товарищ майор? Ты хоть о последствиях подумал?

– А какие могут быть последствия, Леонид Михайлович? – пробормотал Гарин, краснея. – Враг, он и есть враг... Какому честному человеку взбредёт в голову перемещаться по стране с липовыми документами?

– Хорошо, пусть будет так, – сказал скептически комиссар, понижая голос и возвращаясь на место. – Он приехал из Москвы в Ленинград по поддельным документам. А причина? Вы выяснили, почему он так поступил?

– Пока ещё нет, – покачал головой майор. – Встречался в ресторане с портным евреем Иосифом Бигельманом, который вчера отвёз его на дачу к профессору Мавлюдову. Господин де Беррио и сейчас там.

– Ну и? – подался вперёд Заковский. – Допустим, ворвутся в дом Мавлюдова твои архаровцы, схватят иностранного гражданина, приехавшего в нашу страну с желаемой для нас миссией, и что?

Гарин промолчал и едва заметно пожал плечами.

– Вот именно, ничего, – развёл руками комиссар. – За поддельный паспорт он извинится, а свою поездку объяснит тем, что наслышан о профессоре Мавлюдове и приехал к нему инкогнито поправить здоровье!

– Тогда почему инкогнито? – не сдавался майор. – Можно было приехать и так, официально.

– Это ты так думаешь, а он иначе! – ухмыльнулся Заковский. – Скажет, что, мол, не хотел лишний раз афишировать свои проблемы со здоровьем, чтобы не порадовались конкуренты! Да он может назвать тысячи причин, опровергнуть которые невозможно!

– Но Мавлюдов скажет всё, что я ему...

– Замолчи и не вякай! Что скажет Мавлюдов, я знаю! – комиссар рубанул ребром ладони поверхность стола. – Он скажет то, что подсказешь ему ты! Но тогда нам не избежать крупного скандала! Враги СССР там, за рубежом, не дремлют и, может быть, того и ждут! И тогда прощай продажа крупной партии зерна, здравствуй психологическая блокада нашей страны, и это в такое время! Нас с тобой арестуют и расстреляют, товарищ майор, ещё до того, как «уважаемый» бизнесмен де Беррио сядет в поезд и спокойно уедет обратно в Португалию!

– Так что же делать прикажете? – задумался Гарин. – А если он приехал с какой-то вредительской целью и мы его упустим?

– Нет, мы его не упустим, а потихонечку выдавим из нашего города, – ответил Заковский. – Пусть возвращается в Москву и там что хотят, то с ним и делают!

– Но-о-о... Мы пока ещё не знаем истинной причины его приезда в Ленинград, – робко возразил майор. – А может быть, он шпион и приехал к нам с каким-то заданием?

– Нет, ты и правда спятил, – нахмурился комиссар. – Слушай меня и запоминай, что говорю! Крупный бизнесмен может быть врагом нашей страны, не спорю, но никак не вредителем и шпионом! Для таких дел, связанных с разведкой и шпионажем, за рубежом достаточно сошек и помельче! Да, мы не знаем цели его приезда в Ленинград, соглашусь. Но им могли двигать какие-то личные причины! Может, он наслышан о нашем красивом городе и решил просто прогуляться по нему?

– Не знаю, что и сказать на ваши доводы и аргументы, Леонид Михайлович, – вздохнул Гарин. – Мои люди уже едут на дачу Мавлюдова с приказом об аресте де Беррио.

– С приказом? – побледнел Заковский. – Кто его им отдал?

– Я, кто же ещё, – признался майор. – Отправляя их к Мавлюдову, я был уверен, что вы, Леонид Михайлович, одобрите принятое мною решение.

– Вот телефон, звони и отменяй свой приказ немедленно! – сжал кулаки комиссар. – Чую, наломают дров наши подчинённые, а гореть синим пламенем не им, а нам.

Майор встал.

– Разрешите идти? – сказал он.

– Да, но только после того, как объяснишь мне свой промах с «поимкой» товарища Шмель, – помрачнел Заковский. – Из твоего доклада я понял, что ты упустил её!

– Так получилось, прошляпили, – вернулся на стул Гарин. – Она же много лет прослужила в органах, и её так просто не возьмёшь.

– Нет, такой ответ не принимается, товарищ майор, – покачал головой комиссар. – Вот её с сообщниками я разрешаю найти, арестовать и допросить «с пристрастием». На всё про всё даю неделю. Она очень нужна нашим коллегам из Сибири, а мы друг другу обязаны помогать!

20

Мавлюдова разбудил кот. Грязный, весь в угольной пыли, он вышагивал по одеялу и мурлыкал, помахивая пушистым хвостом. Глядя на него, Азат старался сообразить, действительно ли произошло то, что как кошмар всплывало в памяти, – правда ли то, что Митрофан Бурматов действительно посетил его дом.

Как ужаленный он подскочил с дивана. Бурматов «приветливо» заулыбался.

– А я уже собирался будить тебя, «товарищ Рахимов», – сказал он, опуская докуренную папиросу в переполненную окурками тарелку. – Собирался вылить на тебя ведро холодной воды, если просыпаться не захочешь!

– Я думал, что ты приснился мне, а ты... – Азат тяжело присел на диван и оглядел стол, пытаясь отыскать на нём недопитую бутылку.

– Ты помнишь, о чём мы говорили вчера? – поинтересовался гость, внимательно разглядывая помятое лицо Мавлюдова. – Могу напомнить или мозги вправить, если из башки наша беседа выветрилась.

Азата затрясло и снова охватило ощущение, что всего этого просто не может быть!

– Вчера, прежде чем ты утратил способность соображать и ворочать языком, я задал тебе вопрос: почему ты сдал энкавэдэшникам Кузьму? – напомнил Бурматов. – Я не дам похмелиться, пока ты мне на него не ответишь! Хоть сдохни!

Мавлюдов нервно облизнул пересохшие губы.

– И что я вчера ответил? – морщась от головной боли, поинтересовался он.

– Ты нёс всякую чушь, и я ничего не понял, – солгал Митрофан. – А сейчас я собираюсь выслушать тебя трезвого. И упаси бог, если ты солжёшь хоть полслова!

– Хорошо, – с тоскою разглядывая пустые бутылки на столе, сказал Азат. – Когда я пришёл на завод, со мною было несколько человек. Я узнал Кузьму в Антоне Мартынове, обвинил его во вредительстве, назвал врагом народа, и его забрали в НКВД. Этот ответ тебя устраивает?

– Трудно сказать, что «устраивает», но я тебе верю, – сказал Митрофан озадаченно. – Говори, что потом стало с Кузьмой. Где искать мне его, выкладывай.

– Провели следствие, Малова обвинили во вредительстве и расстреляли бы, наверное, – ответил Азат. – Но я спас его.

– И каким же образом? – удивился Митрофан.

– Я забрал его к себе в лабораторию, – нехотя пояснил Азат.

– В лабораторию? Ты собирался проводить над ним опыты?

– Нет, такими делами я не занимаюсь, – поспешил откеститься Азат. – Я только хотел поддержать его немного взаперти да и отпустить на все четыре стороны.

– Что-то мне верится с трудом в твою искренность, – усомнился Митрофан. – Раз ты забрал Кузьму к себе, так где же он? Покажи мне его.

– Показал бы, да нет его, – усмехнулся Азат. – Его забрали у меня и куда-то увели. Насколько мне помнится, я ещё вчера рассказывал тебе об этом.

– Может быть, – нахмурился Митрофан.

– Ещё как может, – поморщился от приступа головной боли Азат. – Я хорошо помню. За ним из Сибири пожаловала его бывшая любовница «товарищ Шмель». Она увела его и чуть меня не застрелила.

Услышав о Маргарите, у Митрофана вытянулось лицо – вчера пьяный Мавлюдов о ней и словом не обмолвился.

– А она как про Кузьму узнала? – спросил он.

– Она мне об этом ничего не сказала, – признался Азат вздыхая. – Явилась как снежный ком на голову, постреляла в санитаров, и... Сам не знаю почему, но в меня она не выстрелила, хотя... Хотя по её безумным глазам я видел, что собиралась.

– Я бы не расстроился, если бы Ритуля вышибла тебе мозги, – позлорадствовал Митрофан. – Тогда поведай мне про Алсу, жену Малова. Надеюсь, её-то я смогу увидеть.

– Её нет, а могилу – можешь, – ответил Азат, ёжась от собственных слов. – Но я не виноват в её смерти. Она сама отравилась.

– Так-так-так, а ну подробнее? – насел на него Митрофан. – Всё рассказывай о смерти несчастной Алсу, иначе...

Азат замер от ужаса, увидев кастет, нанизанный на пальцы правой руки Бурматова. В ожидании удара он зажмурился, и в это мгновение послышалось гудение въезжающих во двор машин.

Затем раздались выкрики, топот сапог, и у окон появились одетые в форму мужчины. Дверь распахнулась, в проёме появился молодой офицер в кожаном пальто с пистолетом в руке. Мавлюдов зарыдал и запричитал то ли от страха, то ли от ожидания побоев, но...

Вошедшие разбрелись по дому и приступили к обыску, бесцеремонно заглядывая в шкафы и тумбочки и выбрасывая на пол всё их содержимое. Офицер остановился перед Бурматовым и Мавлюдовым и окинул их суровым взглядом:

– Стойте спокойно и назовитесь, кто есть кто!

– Я хозяин этого дома, – дрожащим голосом пояснил Азат и кивнул на Бурматова. – А вот он преступник! Он явился, чтобы ограбить и убить меня. Прошу вас, товарищи, немедленно его арестуйте.

– А вы, наверное, профессор Мавлюдов? – поинтересовался офицер, глядя на него. – Предъявите, пожалуйста, документы.

Он перевёл взгляд на Бурматова.

– А вы кто будете, «уважаемый»? Почему хозяин дома указывает на вас, как на преступника?

– Я португалец и гость вашей страны! – гордо вскинув голову, заявил Митрофан с акцентом. – А к господину профессору я обратился с просьбой обследовать меня. Я слышан о нём как о специалисте в области медицины высочайшего мирового уровня!

– Врёт он всё, не верьте ему! – запротестовал Азат, подходя к офицеру и протягивая паспорт. – Он преступник, троцкист. В годы Гражданской войны служил в контрразведке армии атамана Семёнова, а потом сбежал за границу! Теперь вот явился, чтобы свести со мной счёты. Он хотел убить меня, товарищи!

– Вы согласны с тем, в чём обвиняет вас профессор? – просмотрев паспорт Мавлюдова, обратился к Бурматову офицер. – А он обвиняет вас в тяжком преступлении, и...

– С перепоя можно заявить что угодно, – усмехнулся Митрофан. – У так называемого «профессора» белая горячка. Он пьёт уже неделю, и вот результат. Я рад, что вовремя распознал эту личность и не доверил ему своё здоровье!

– Это кого, ты меня душевнобольным назвал, мерзавец? – почувствовав себя защищённым, завопил осмелевший Азат. – Товарищи, арестуйте его! Увезите в Управление, а там установите его личность!

– В этом нет необходимости, – заявил Митрофан, протягивая офицеру заграничный паспорт. – Я предприниматель из Португалии и приехал в вашу страну для ведения переговоров о закупке зерна.

Взяв паспорт, офицер перелистал его и в нерешительности замер. Сначала он посмотрел на бледное опухшее с перепоя лицо Мавлюдова, затем перевёл взгляд на спокойное свежее лицо «иностранца».

– Собирайтесь оба, поедem в Управление, – сказал он. – Там разберёмся и...

– Отставить, – прозвучал от двери требовательный голос, и все обернулись посмотреть на его обладателя.

– Лейтенант, верните всем документы, они в порядке, – приказал вошедший. – Профессор пусть остаётся, а господина бизнесмена везите на вокзал.

– Товарищ майор, – обратился к нему Мавлюдов. – Его нельзя отпускать! В Гражданскую он служил в контрразведке у Семёнова! Это опасный троцкист и враг народа Митрофан Бурматов. Он явился, чтобы убить меня. Он...

– Вздор и околесица, – усмехнулся Митрофан. – Ваш «профессор» безмерно пьющий человек и подвержен галлюцинациям. Господа, вы только посмотрите на него!

Тон, каковым говорил Бурматов, был ровный и уверенный, тон человека, привыкшего вести переговоры, в котором не было ни вызова, ни угодливости – в нём звучали властные нотки и намёк на оскорблённое достоинство.

– Успокойтесь, у нас к вам особых претензий нет, господин де Беррио, – заверил его угрюмо майор. – А за то, что вы приехали в Ленинград, не поставив в известность ни своё посольство, ни наше правительство, будете отвечать в Москве людям, на то компетентным!

– Так что, я могу идти? – поинтересовался Митрофан высокомерно.

– Нет, вас отвезут на вокзал, посадят в поезд и сопроводят в Москву, – ответил ему майор. – Извините, но иначе поступить мы не можем. Такие требования прописаны в наших должностных инструкциях, так что не взыщите, господин коммерсант...

* * *

В посольстве в Москве Митрофан вёл себя вызывающе, с послом он разговаривал на повышенных тонах. Хотя тот и считал его действия своенравными и недопустимыми, но... Постепенно Митрофан стал брать верх.

– Что в моих действиях плохого?! – негодуя «вопрошал» он. – В том, что я собирался посмотреть Ленинград? Право же, это вполне естественное желание, не правда ли?

– Да, вполне, – вежливо соглашался посол. – В любой стране мира такое желание – явление вполне нормальное, но только не в СССР. Здесь жизнь другая и правила другие. И в «чужой монастырь со своим уставом» здесь не принято. А ещё здесь с подозрением относятся к визитам иностранцев в жилища советских граждан, тем более с поддельными паспортами.

Снова произошёл «обмен любезностями». Посол сказал, что сожалеет о том, что произошло, но посоветовал господину де Беррию немедленно покинуть СССР.

– Наша страна особенная, – говорил посол, – не похожая на другие. Но, как бы то ни было, её законы надо уважать.

В конце концов они обменялись примирительным рукопожатием. Посол выставил на стол бутылку коньяка и два фужера. Они выпили.

– На чём собирается возвращаться в Португалию господин де Беррию? – между прочим поинтересовался посол, наливая ещё по одной. – Поездом или другим видом транспорта?

– Предпочитаю возвращаться на корабле, – ответил Митрофан. – Не горю желанием снова пересекать в вагоне воюющую Испанию.

– Вот и хорошо, – просиял посол. – Через три дня отчаливает корабль из Одессы в Южную Америку. Мы закажем на его борт билет для вас, господин де Беррию.

– Но-о-о... Я не успел уладить свои дела! – удивился Митрофан. – Мне ещё подписывать договор о...

– Он уже подписан, – улыбнулся посол, беря фужер. – Вашим поверенным и стараться особо не пришлось. Представители Госплана, как только узнали о количестве закупаемого зерна, готовы были плясать от радости!

– Выходит, здесь мне больше делать нечего? – ухмыльнулся Митрофан.

– Абсолютно, – поддержал его посол. – Мы не хотим, чтобы с вами здесь что-то случилось, господин де Беррию.

– А что может здесь со мной случиться? – беря фужер, хмыкнул Митрофан.

– Да всё что угодно, – пожал плечами посол. – И что самое главное, может случиться так, что мы не сможем вас выручить...

* * *

Большой круизный лайнер отошёл от причала.

Пассажиры высыпали на палубу. Они казались чересчур весёлыми, а взгляды были прикованы к порту, словно они собирались запомнить навсегда весёлый город Одессу.

Митрофан стоял в кормовой части судна, наблюдая, как удаляется берег, и страдая от плохого настроения, подмечал всё очень чётко: покачивание судна на волнах, лязг цепей, когда поднимали якорь, громкие удары корабельного колокола и так далее, и так далее, и так далее...

Берег удалялся, Одесса таяла в тумане. Корабль вышел в открытое море. Подул пронизывающий ветер, и пассажиры, вместо того, чтобы возвращаться в каюты, развеселились ещё больше.

– Да-а-а, долго плыть придётся, – услышал Митрофан мужской голос и обернулся.

– Простите, вы пытаетесь заговорить со мной? – спросил он холодно.

– Нет, это я так, вслух рассуждаю, – усмехнулся мужчина. – Кстати, меня зовут Диего Сантос, и я следую в Боливию, если хотите.

Митрофан не представился. Он отвернулся и стал смотреть назад, на Одессу. Солнечный свет, преломляясь в воде, слепил глаза.

– Вы из СССР или ездили туда в качестве туриста? – поинтересовался незнакомец.

– Я ездил в Россию по делам, – нехотя отозвался, не оборачиваясь, Митрофан.

– У вас что, с Советской страной какой-то бизнес?

– Нет, я гоняюсь за призраком. За какой-то тенью, сам не зная ради чего.

– Интересное у вас занятие...

– Интереснее некуда.

– А я навестил СССР с тяжёлой душой, а теперь вот...

– Я тоже не наблюдал в России ничего хорошего.

– Так давайте встретимся в моей каюте и поделимся впечатлениями об СССР? – неожиданно предложил мужчина. – У меня найдётся хороший коньячок и... Копчёная осетринка с чёрной икрой. Как вы ко всему этому отнесётесь?

– Положительно, – ответил Митрофан, которому вдруг захотелось выпить. – Я навещу вас через час или вас устроит более позднее время?

– Через час так через час, – улыбнулся незнакомец. – Номер моей каюты 313! Не правда ли, забавное сочетание цифр?

– Это не имеет значения, – пожал плечами Митрофан. – Для таких, как я, всё, что хоть чем-то намекает на мистику, действует не пугающе, а умиротворённо.

Выбросив за борт окурок сигары, Диего Сантос ушёл, а Митрофан...

«Эх, Кузьма, прости, что не нашёл тебя, – подумал он, глядя на Одессу, исчезающую вдали. – Видит бог, я сделал всё, что мог... Одно радует меня сейчас, что жив ты и не в лагере среди заключённых. Может, так оно и лучше, что не я нашёл тебя, а эта стерва Маргарита. Видать, она всё ещё любит тебя. И где бы ты ни был, Кузьма Прохорович, я желаю тебе счастья и добра! И пусть всюду сопутствует тебе удача, дорогой ты мой господин судебный пристав!»

Часть вторая «Безнадёга»

1

Историческая справка

12 октября 1939 года ввиду надвигающейся войны с Германией Советское правительство предложило Финляндии отодвинуть общую границу на 20–30 километров от Ленинграда в обмен на вдвое большую, но малоосвоенную территорию в Карелии. Маршал Маннергейм советовал премьер-министру согласиться с предложением СССР и отодвинуть границу, но финское правительство отклонило советское предложение.

Финны не желали отдавать СССР свою единственную защиту от возможной советской агрессии – полосу укреплений на Карельском перешейке, известную как «линия Маннергейма». Из-за отсутствия прогресса на переговорах с середины 1939 года с обеих сторон начались военные приготовления...

30 ноября 1939 года началась Советско-финская «зимняя» война...

* * *

На протяжении всего времени, которое они были вынуждены проживать на нелегальном положении, Маргарита вспыхивала по любому поводу. Она ко всему потеряла интерес и словно ничего не видела и не слышала.

– Отстань, не до тебя мне сейчас, – отвечала она ему, когда он пытался с ней заговорить. – Вот Дима придет, тогда и обсудим, как нам быть дальше.

– Хорошо, а когда он вернётся? – спросил Кузьма о сыне – тот отсутствовал уже месяц – и сразу же пожалел об этом. В глазах Маргариты он увидел такое страдание, что не смог остаться равнодушным.

Несколько месяцев они «кочевали» с квартиры на квартиру. Маргариту тяготила такая жизнь. Она стала ненавидеть Ленинград, и Кузьма понял, что если так будет и дальше, его ждёт крошечный ад. Положение мог бы облегчить своим присутствием Дмитрий, но его всё не было...

Кузьма смирился с мыслью, что у него есть взрослый сын, и сомнений в отцовстве у него не осталось.

Оставшись наедине с женщиной, любовь к которой в нём так и не проснулась, Кузьма крепился и терпел её общество. Разговаривали они редко и то сразу же прекращали разговор, как только начинали ссориться. Но однажды...

Однажды, как обычно, они коротали время вдвоём. Они не разговаривали, и ни Маргарите, ни Кузьме не хотелось нарушать молчания. Они сидели совсем тихо, только Маргарита нервно теребила носовой платочек пальцами. Было видно, что она нервничала.

– О Господи, почему Дима так долго не возвращается! – вдруг простонала Маргарита. – Защити его от всего плохого, Господи! Или я...

И она зарыдала. Как ни хотела казаться Маргарита крепкой и мужественной, ей, как женщине, всё же была присуща слабость души.

У Кузьмы нервы тоже были натянуты как струны. С каждым днём ему было всё труднее продемонстрировать самообладание. Видя, что Маргарита плачет, он вдруг испытал к ней жалость:

– Не проливай слёз и не терзай себя. Скоро вернётся наш Димка и, я очень надеюсь, с хорошими вестями!

– Да, он вернётся и уже скоро! – неожиданно перестав плакать, поддержала его Маргарита. – Только вестей хороших ожидать нечего...

– Вот как? – удивился Кузьма. – А ты откуда знаешь?

– Да чего там, – нервно хмыкнула Маргарита. – Мы уже несколько месяцев чего-то выжидаем и на что-то надеемся, а в итоге? Хорошо хоть до нас пока ещё не добрались мои бывшие коллеги, и это радует меня сейчас больше всего.

– Хотя что-то тебя радует, а меня... А меня гнетёт это вынужденное затянувшееся безделье, – признался, вздыхая, Кузьма. – Нам пора куда-нибудь отсюда уехать. Все эти скитания не кончатся добром...

– Ты прав, – снова согласилась с ним Маргарита. – Только нам не спрятаться в этой стране... В большом городе мы ещё можем как-то затеряться на время, но... Долго так продолжаться не может. Нам надо искать возможность выбираться из страны! Только в этом наше спасение.

– Нет, ты заблуждаешься, надеясь на это, – ухмыльнулся Кузьма. – Наша страна только кажется большой, но... Уйти из неё и войти в неё незамеченным просто невозможно.

– Да, границы СССР «на замке» и охраняются очень тщательно и надёжно, – вздохнула Маргарита. – Но найти лазейки можно всегда.

– О чём это ты? – насторожился Кузьма, уловив в её голосе что-то такое, от чего защемило сердце. – Может, предложишь переплыть Ледовитый или Тихий океаны?

– Нет, я хочу тебе напомнить о той «лазейке», по которой вы с Бурматовым ушли в Монголию, – вкрадчивым голосом сказала Маргарита.

– Что-о-о? – у Кузьмы глаза полезли на лоб. – Нет-нет и не думай! С тех пор прошло целых двадцать лет, и мне не вспомнить тот путь, по которому нас провёл старик бурят!

– А ты постарайся и вспомни! – настоятельно попросила Маргарита. – Ну? Напряги память? Ты закрой глаза и представь, что ждёт нас в этой стране.

Кузьма нахмурился и промолчал.

– Вот именно, ничего хорошего, – продолжила Маргарита. – Мы с тобой ладно, можно считать, отжили своё, а наш мальчик? Здесь Дима обречён, как и ты, жить по чужому паспорту. И как долго это может продлиться? Как считаешь, «заботливый отец»?

– Я не знаю, что и сказать, – пробубнил Кузьма растерянно. – Но я действительно не смогу вспомнить тот путь! Если только проводник... Жив ли он сейчас, по истечении двадцати лет?

– Он мёртв, его убили, – сказала Маргарита, морщась. – Кто и за что, так и осталось невыясненным. Никто серьёзно не занимался расследованием того убийства. Дело было закрыто или «утеряно», пойдёшь сейчас разберись.

– Тогда надеяться больше не на кого, – замотал головой Кузьма. – Даже если я рискну поискать тот путь в тайге, то ни за что поручиться не могу. Всё закончится тем, что мы там и останемся.

– Нет, мы вернёмся в Верхнеудинск и там, в тайге, определимся, стоит ли браться за рискованное дело или... Или для перехода границы поискать другие пути, – закончила за него Маргарита. – У нас нет другого выхода, пойми! А если он появится, то мы непременно им воспользуемся, обещаю.

* * *

Ночью, в постели, Кузьме не спалось. Им овладело полное отчаяние, и мучили сомнения. Чего он хотел? Объяснить этого он был не в силах. Его мозг изнемогал от давления мыслей.

«Она сошла с ума, предлагая мне такое, – думал Кузьма, укрывшись с головой одеялом. – Она что, не боится сама погибнуть в тайге и погубить сына? Да это же полное безумие надеяться на благополучный переход дикой тайги без помощи проводника? Это путь в никуда, в тупик, в могилу... И она что, не способна осмыслить и понять это?»

В последнее время, а особенно после отъезда Дмитрия, Кузьма пребывал в постоянном беспокойстве. Неожиданно оказавшись в обществе Маргариты и сына, он чувствовал себя маленьким, ничтожным человечком, не имеющим здесь ни единого друга. Он пытался избавиться от этого гнетущего настроения, но оно было слишком устойчивым, питаясь настроениями жильцов квартиры.

Наступившим утром Кузьма проснулся в дурном настроении и первым делом подумал о Дмитрии. Шаги Маргариты за дверью вывели его из задумчивости. Он вскочил, оделся и вышел из спальни.

– Доброе утро, – сказал Кузьма. – Ты неважно выглядишь.

– Не нравлюсь, не смотри, – сказала Маргарита вызывающе.

С угрюмо-презрительным выражением лица и готовыми сорваться с языка упрёками она подняла глаза и увидела, что Кузьма наблюдает за ней. Покраснев от досады и пытаясь это скрыть, она отвернулась.

– Чего пялишься, глаза сломаешь, – промолвила она. – Или хочешь сказать, что подумал над моим предложением?

– Подумал, но ничего не решил, – признался Кузьма. – Я считаю, что твоя затея не приведёт ни к чему хорошему.

– А я так не считаю, – возразила Маргарита, кривя губы. – Не только старик бурят знал тропу через тайгу в Монголию... Если хорошо поискать в Улан-Удэ, то мы найдём нужного нам человека.

– Где? – не понял Кузьма.

– В Улан-Удэ, – повторила с усмешкой Маргарита. – В 1934 году город Верхнеудинск переименован в Улан-Удэ, понял?

– Давай дождёмся возвращения Дмитрия, а там решим, – после короткой паузы сказал Кузьма угрюмо.

– Нет, это надо решить до его возвращения, – возразила Маргарита. – Затем я объясню ему, что надо, и он без возражений согласится с нами идти!

– Так что же получается, эта бредовая идея пришла только в твою безумную голову? – удивился Кузьма. – А я считал, что вы вдвоём всё придумали.

Наступило молчание. Несмотря на угрюмый вид Маргариты, Кузьма чувствовал, что она в напряжении и ждёт от него согласия. И под влиянием внезапного побуждения он сказал:

– Что ж, деваться мне некуда... Не век же нам сидеть здесь пришибившись, прячась от людей и внутренних органов!

2

– Давайте знакомиться: начальник УНКВД ЛО комиссар госбезопасности Гоглидзе Сергей Арсеньевич, – глядя исподлобья на вошедшего Мавлюдова, сказал комиссар. – Проходите, присаживайтесь, товарищ Рахимов. Уж не взыщите, но мне очень уж захотелось посмотреть на вас лично и, естественно, познакомиться.

– Но-о-о... Я-а-а... – не решаясь приблизиться к столу начальника госбезопасности, Мавлюдов стоял на одном месте.

– Да чего вы стоите, товарищ Рахимов, проходите и присаживайтесь на любой стул, – с едва заметным акцентом сказал Гоглидзе. – Вы мой гость, а не преступник, и не должны волноваться и тем более бояться стен Управления и моего кабинета!

Мавлюдов нерешительно приблизился к столу, осторожно присел на стул и, заискивающе улыбаясь, доложил:

– Вот, прибыл, как вы велели, товарищ комиссар. А где, э-э-э...

– Вы спрашиваете о моём предшественнике, комиссаре Заковском? – предположил Гоглидзе.

– Нет-нет, я о-о-о... – Мавлюдов покраснел.

– Так-так, это вы конечно же спрашиваете о старшем майоре Иване Жебелеве? – поинтересовался с прищуром комиссар.

– Н-нет, я хотел спросить о товарище Гарине, – кое-как развязал язык Мавлюдов. – О-о-он...

– Жебелев и Гарин – это одно лицо, – пояснил с улыбкой Гоглидзе. – И он в нашем Управлении больше не служит.

– Его уволили? – ужаснулся, меняясь в лице, Мавлюдов. – Или...

– Он пошёл на повышение и теперь начальник Сорокского железнодорожного лагеря НКВД, – развеял его страшные опасения комиссар. – Это не так далеко от нас, в Карелии.

– У-у-ух, – вздохнул и выдохнул с облегчением Мавлюдов. – Наверное, там ему лучше будет.

– Ему предложили, и он согласился, – усмехнулся Гоглидзе. – А свои дела он мне передал. В том числе и ваше. Кстати, он вам даёт отличные характеристики, товарищ Рахимов. В агентурном деле вы оформлены как агент «Эскулап»!

– Я? Агент?! – оторопел Мавлюдов. – Но-о-о... Товарищ майор мне об этом ничего не говорил.

– Не говорил? – хмыкнул комиссар. – А ведь должен был... Но это уже не важно. Отдать ему должное – он все полученные от вас сообщения тщательно документировал!

– Но я... – Мавлюдов с трудом проглотил заполнившую рот слюну. – Что же получается, я доносчик? А если кто про это узнает, то меня...

– Не беспокойтесь, никто о вас ничего не узнает, – заверил его Гоглидзе. – Мы не те люди, кто любит болтать языком. К тому же агентурное дело под грифом «Совершенно секретно» и, кроме майора Гарина, о вашей работе не знал никто!

– Но вы-то знаете, – хмыкнул Мавлюдов уныло. – Вам-то майор рассказал о наших с ним...

– Он обязан был это сделать, – вздохнул комиссар. – Так требует приказ! Но вы не расстраивайтесь, товарищ Рахимов... Теперь вы будете контактировать только со мной, и больше никто не будет знать о наших отношениях.

– А если я откажусь продолжать сотрудничество? – робко поинтересовался Мавлюдов. – Если я...

– Можете отказаться, – покачал головой Гоглидзе. – Тогда сразу же ставьте на своей карьере крест! Ну а там всякое случиться может. Исправтрудлагеря всегда нуждаются в людях. Зеки вымирают быстро, и...

– Постойте, не говорите больше об этом! – взмолился Мавлюдов. – Я согласен на всё, что угодно! Но и вы...

– Мы всячески будем оберегать и защищать вас, товарищ Рахимов! – с усмешкой заверил его комиссар. – Вот только наши «партнёрские» отношения не должны быть фальшивыми. Узнаю, что вы ловчите и лукавите, тогда... Пугать не буду, а скажу правду – вам не сносить головы!

* * *

После визита к новому начальнику Управления НКВД Азат приходил в себя долго. Он никак не мог свыкнуться с мыслью, что является агентом госбезопасности и, что больше всего угнетало его, – он узнал о своём «статусе» только сейчас!

Майор Гарин не счёл обязательным поставить его в известность об этом и использовал агента вслепую, с большой выгодой для себя.

Неделю спустя хандра прошла, и Азат смог убедить себя, что во всём этом нет ничего плохого! Он работал на НКВД, а значит, на государство, его защищал и оберегал майор Гарин, и сам комиссар Гоглидзе пообещал делать то же самое!

«Может, это и к лучшему, – убеждал он себя. – Работёнка не пыльная... Ничего сложного в этом нет, слушай болтунов, запоминай их откровения и передавай их тем, кто любит копаться во всяком дерьме. А с меня взятки гладки, таких, как я, тысячи, а может быть, и миллионы! Так что...»

– Товарищ Рахимов?! – услышал он и, едва не споткнувшись о бордюр, обернулся.

Азат едва не лишился дара речи, увидев шагающего к нему Мартина Боммера.

– Как я рад тебя увидеть, товарищ Рахимов! – воскликнул он. – Сегодня с утра думал о тебе, и вот он ты! Ну бывает же такое!

– Мартин? А ты как здесь? – выдавил Азат, приходя в себя. – Уж кого-кого, а тебя я не ожидал сегодня увидеть!

– Признаюсь честно, и я не ожидал встретить тебя на улице огромного города! – просиял Боммер, обнажив в улыбке зубы. – Хотя я приехал именно к тебе... Уж очень захотелось тебя увидеть!

– Да-а-а... Но-о-о, – Азат пугливо осмотрелся. – Мне кажется, что здесь не совсем подходящее место для излияния радостных эмоций. Давай куда-нибудь отойдём и побеседуем в укромном местечке.

– Ты приглашаешь меня в ресторан? – хохотнул Боммер. – Или в рабочую столовую на каком-нибудь заводе?

– В ресторан я могу сходить только за твой счёт, господин капиталист, – усмехнулся Азат. – А в столовой мы будем как на сцене Большого театра. За нами будут наблюдать сотни глаз, и...

– Ладно, я приглашаю тебя в пивнушку, – предложил вдруг Боммер. – Для тех пропитух, которые там обитают, мы не будем представлять никакого интереса... Согласен?

– Идём, – согласился после минутного раздумья Азат. – Хотя я не любитель пива, но... Там действительно можно поговорить, не привлекая к себе внимания, если повезёт, и мы найдём местечко где-нибудь в углу.

Пивнушка, в которую он привёл Мавлюдова, оказалась весьма приличным заведением. В зале было тихо и спокойно. Боммер и Мавлюдов облюбовали столик в углу, откуда можно было держать под наблюдением всё помещение.

Подошёл официант.

– Пиво есть? – спросил у него Мартин.

– Хоть залейся, – ответил тот.

– Свежее?

– Полчаса, как завезли.

– А раки?

– Раков нет.

– Тогда неси пиво и креветки, – вздохнул Мартин.

Официант ушёл, а Боммер посмотрел на Мавлюдова.

– Так вот, я приехал в вашу страну не из праздного любопытства, – сказал он. – Цель – посещение вашей знаменитой лаборатории. Признаться, я давно собирался побывать в ваших пенатах и... Решил навестить тебя с целью «обмена опытом»!

– Да какой там опыт, – признался с ухмылкой Азат. – Так, фикция одна... Я был бы не против вас послушать, «товарищ» Боммер.

– Для этого я и приехал, – улыбнулся Мартин. – Я тоже занимаюсь исследованиями крови и добился на этом поприще весьма значительных результатов!

– Вот как? – удивился Азат. – А мне казалось, что в крови уже не осталось ничего такого, что можно было бы исследовать.

– Гм-м-м... Вы меня удивляете, «уважаемый профессор», – изумлённо уставился на него Боммер. – То, что я сейчас услышал, суждение дилетанта, а не учёного мужа.

– Тогда вы не ко мне, – обиженно поджал губы Азат. – В нашей стране много и других учёных, занимающихся изучением крови.

– И то верно, – согласился с ним Боммер. – У советских учёных большой потенциал... Я могу перечислить особо выдающихся...

– Нет, не надо! – запротестовал Азат. – Я сам могу их всех перечислить.

– И что, вы не поддерживаете отношения? – очередной раз удивился Боммер. – У вас лаборатория, и, как я слышал, вы даже лечите людей и довольно успешно.

– Я лечу иным способом, – вздохнул Азат. – И те рецепты снадобий, которыми я их потчую, мною собраны в Сибири.

– У шаманов? – посмотрел на него недоверчиво Боммер.

– Да, у них, – не стал лукавить Азат. – А переливание крови... Это так, для отвода глаз. Я убеждаю «пациентов» в том, что вылечиваю их передовыми методами, а на самом деле...

Официант выставил на стол кружки с пенящимся пивом и тарелки с креветками, Боммер и Мавлюдов с задумчивым видом наблюдали за ним.

– Признаться, я ошеломлён вашим признанием, товарищ Рахимов, – сказал Мартин, залпом выпив из кружки пиво. – А ещё я крайне удивлён вашими отношениями с коллегами. У нас в Европе...

– Да бросьте вы мне зубы заговаривать, – с иронией перебил его Азат. – Мне не меньше вас известно, как обстоят дела в учёной среде у вас в Европе.

– И как же? – подался вперёд Боммер.

– Точно так же, как и у нас, – усмехнулся Азат. – Каждый учёный, где бы он ни жил, прежде всего, заботится о себе и о своём имени, а уж потом о стране. Однако в капиталистическом мире если учёный чем-то знаменит, значит, у него есть деньги, много денег. Вот тогда есть ради чего жить! А у нас если есть имя, то даётся возможность жить по «советским меркам» счастливо и достойно. Так что...

– Я припоминаю, что уже слышал от вас нечто подобное, товарищ Рахимов, – покачал головой Боммер. – Это было давно, когда вы пребывали в состоянии глубочайшей депрессии. Тогда я дал вам совет в корне поменять свою жизнь, и вы...

– Я так и сделал, – пожал плечами Азат. – Преодолел депрессию, занялся наукой, а теперь... Теперь я понял, что всё это не то. Я достиг кое-каких результатов в медицине, но они ни стоят ничего! Хотелось бы большего! Хотелось бы...

– Вам хотелось бы прославиться? – догадался Боммер. – Вам хотелось бы сотворить научный труд, достойный мировой сенсации?

– Да, – вздохнул, соглашаясь, Азат. – Но мне не дано совершить какой-то значительный прорыв в науке. В моей голове нет грандиозных идей, и все мои способности заканчиваются на том, чем я сейчас и занимаюсь. У меня не забирают лабораторию лишь потому, что я успешно лечиваю ленинградскую элиту. И, наверное, не дают на растерзание учёным, которые меня ненавидят.

– Всё, я вас понял, товарищ Рахимов, – беря вторую кружку с пивом, сказал Боммер. – Вам не хватает серьёзной поддержки и размаха! Я мог бы вам помочь, но не при существующих обстоятельствах.

– Мне помочь уже никто не сможет, – беря кружку, возразил Азат. – Первая причина – уходящие годы, а вторая... Вторая причина в том, что я живу не в том государстве, где...

Он не договорил, осмотрелся, вжал в плечи голову и принялся мелкими глотками поглощать янтарный напиток.

– А пиво в этом заведении дерьмо, – сказал Боммер, отставляя пустую кружку. – Пожалуй, повторять заказ не будем, товарищ Рахимов?

– Тогда я предлагаю купить водку и продолжить застолье у меня, – сказал слегка захмелевший Азат. – Там мы поговорим обо всём и вспомним прошлое!

– Пожалуй, я знаю, как вам помочь, – улыбнулся, подзывая официанта взмахом руки, Боммер. – Но-о-о... Раз вы приглашаете меня к себе в гости...

– Вот у меня и поговорим, – кивнул Азат. – Там хотя бы мы будем чувствовать себя в большей безопасности и сможем поговорить без оглядок на любую даже самую щекотливую тему.

3

Это был уже третий побег из замка. На этот раз он решил пробираться в сторону моря, чтобы сбить с толку преследователей. Чёткого плана на спасение у него не было, но беглец надеялся что-то обязательно придумать, опираясь на возникшие обстоятельства.

Вытянув голову, он разглядывал местность и никак не мог определиться, в какую сторону продолжить движение. Впереди густой кустарник и водоём с грязной водой. Оставалось обойти их и, может быть, удача улыбнётся ему. Тогда он углубился в лес, и чем дальше заходил в чащу, тем стволы деревьев становились толще, пробираться между ними становилось всё труднее и труднее.

На этот раз он решил убежать во что бы то ни стало и даже умереть, но не возвращаться в замок. Подогреваемый твёрдой решимостью, беглец двинулся вперёд и уже скоро выбрался из леса.

Он огляделся. Перед ним берег большой и, видимо, глубокой реки. Обойти её уже было невозможно, а вот переплыть... Когда-то давно, в молодости, он был неплохим пловцом и мог переплыть реку вдвое шире, чем эта. Но-о-о...

Беглец вошёл в воду и быстро поплыл, однако вскоре обессилел, не добравшись даже до середины реки, и вынужден был повернуть обратно.

Выбравшись из воды, он почувствовал, что кожа тут же задубела вместе с промокшей одеждой, мышцы сократились, и сжалась грудная клетка. Беглец долго бежал вдоль реки, останавливаясь, чтобы отдышаться и прислушаться. Тем временем уже стемнело и похолодало.

На него напал страх, когда он понял, что заблудился. Ноги ныли от усталости. Споткнувшись о камень, беглец вздрогнул и застонал от боли.

Страх подгонял его, как кнутом, и ему хотелось бежать и бежать, но силы покидали его. Ноги сделались ватными, но он продолжал движение, боясь споткнуться и упасть.

И всё-таки он споткнулся, подвернув ногу, но продолжал двигаться вперёд. В спешке беглец не заметил перед собой ямы и свалился в нее. Панический страх сковал сердце, и он с большим трудом подавил его в себе, пытаясь сосредоточиться.

Яма оказалась довольно глубокой, и стоило очень постараться, чтобы из неё выбраться. И вдруг...

Он ужаснулся, увидев наверху силуэт собаки.

– Эй, как вы там, господин Бурматов? – услышал он знакомый голос. – Признаюсь честно, вы порадовали нас своей прытью! На этот раз нам пришлось больше побегать, чем прошлые два раза!

– Да будьте вы все... – ком земли, свалившийся на голову, оборвал его на полуслове. Он услышал злобное рычание и заметил присевший на корточки у края ямы человеческий силуэт.

* * *

В тот злополучный день, когда Митрофан Бурматов отплыл из Одессы, он, по приглашению господина Диего Сантоса, с которым познакомился на палубе, посетил его каюту и... увидел в ней месье Жана, с которым ехал в поезде из Португалии в СССР.

Митрофан был удивлён, увидев попутчика, а тот повёл себя так, будто знал, что встретит его на борту судна.

– Проходи, господин де Беррио, – сказал француз, указывая на стул. – Вот видишь, как получается: мы снова попутчики и следуем в одном направлении!

– И в самом деле, это очень странно, – ухмыльнулся Митрофан, приближаясь к столику. – Странно настолько, что таких совпадений просто не может быть.

Месье Жан потянулся за стоявшей на столике бутылкой и налил в фужер вина. Затем он заполнил вином второй фужер и вопросительно посмотрел на Митрофана.

– Ну что, за нашу «неожиданную» встречу? – предложил он.

Они выпили. Француз снова заполнил фужеры и усмехнулся:

– Ну так что, господин де Беррио, ваша поездка в СССР оказалась удачной?

– Вполне, – пожал плечами Митрофан. – Но почему это вас интересует, месье Жан?

– Лично меня несколько, – ответил тот равнодушно. – Мне было поручено охранять вас в пути, и вот... Видя вас перед собой живым и невредимым, считаю свою миссию выполненной.

У Митрофана от услышанного вытянулось лицо.

– Вы меня охраняли?! – воскликнул он. – Но кто вас просил об этом?

– Те, кому очень дорога ваша жизнь, – ответил француз с ухмылкой.

– И кто они?

– Вам-то какая разница?

– Мне очень хочется знать, кого поблагодарить за заботу.

Месье Жан рассмеялся.

– Поверьте, те, кто уполномочил меня вас охранять, не нуждаются в этом, – сказал он. – Вы скоро предстанете перед ними лично и... Сможете лично поблагодарить их, если не пропадёт желание сделать это.

– И-и-и... Как прикажете понимать ваши слова, месье? – насторожился Митрофан. – Я не обычный пассажир на корабле, а...

– Вы всё правильно понимаете, господин де Беррио, – закончил за него француз. – Я намерен передать вас в руки тем, к кому сейчас сопровождаю.

– А где «они» ждут нас? – спросил Митрофан. – Где состоится наша встреча?

– Скоро всё узнаете сами, – улыбнулся месье Жан. – А сейчас давайте выпьем, господин де Беррио. У нас с вами нет поводов считать друг друга врагами...

– Но и друзьями нас конечно же назвать нельзя, – отозвался Митрофан задумчиво. – Да и пить мне что-то расхотелось... Сейчас мне очень хочется вернуться в свою каюту и хорошо выспаться.

* * *

Минули сутки, вторые, третьи... Проследовав пролив Босфор, корабль вышел в Средиземное море. Пассажиры с радостью отметили это событие. Веселились все, кроме Митрофана Бурматова.

С траурным видом он бродил по палубе между капитанским мостиком и надстройкой и мысленно представлял себе, в каких страданиях ему придётся провести остаток пути. Его душили глухое бешенство и отчаяние от того, что он волею судьбы втиснут в это судно и находится под наблюдением, видимо, очень опасных людей. Изнурённый этим приступом бешенства, он впал в прострацию.

Опёршись на правый борт, Митрофан стоял, не двигаясь, и с тоскою глядел на «проплывавший» мимо берег, мысленно прикидывая, смог бы он доплыть до него, если бы решился прыгнуть за борт?

«Что же происходит? – уже в который раз задавал он себе мучавший его вопрос. – И насколько велика опасность для моей жизни?»

За время «путешествия» Митрофан дошёл до такого состояния, что не мог больше оставаться один в каюте. Его нервировало всё, на чём останавливался взгляд. Он знал, он чувствовал, что захватившие его негодяи всегда находятся рядом и не спускают с него глаз.

Митрофан терзался сомнениями, не зная, что лучше предпринять, чтобы выбраться из тупика. Несколько дней решался он на бегство с корабля, но всё не представлялось подходящего случая. А однажды...

Однажды ночью, когда он дремал в своей кровати, дверь каюты резко распахнулась. Вошли двое.

– Быстро одевайся и на выход!

– К-куда?! – опешил Митрофан. – На улице ночь, и я хочу п-провести её о-остаток в с-своей п-постели!

– Собирайся! – потребовал один из вошедших, и Митрофан узнал голос Диего Сантоса.

– Нет, не пойду я! – запротестовал он, укладываясь в кровать и накрываясь одеялом. – Для разговоров есть день, а в ночное время я предпочитаю...

Второй, который ворвался в каюту с Сантосом, не стал тратить время на уговоры, а приступил к решительным действиям. Он набросился на Митрофана, левой ногой упершись в пол, правой, согнутой в колене, попирая его кровать. Его мощная спина напряглась, руки яростно двигались, пытаясь заломить руки Митрофана за спину и сбросить его с кровати.

Бурматов пытался сопротивляться, но его сил было недостаточно, чтобы противостоять звериному натиску противника. Напавший на него человек, тяжело дыша, выворачивал ему руки. Митрофан извивался на кровати, кричал, но силы его таяли с каждой минутой.

– Гад, вставай! – прорычал яростно мужчина. – Иначе я вынесу из каюты твой труп!

Его железные пальцы вдруг отпустили запястья Митрофана и сжали шею. У него перехватило дыхание.

– Эй-эй, полегче, он нам живой нужен! – попытался вмешаться Диего Сантос.

– Пошёл прочь! – огрызнулся душивший Митрофана мужчина. – Я его...

И в этот миг произошло невероятное. В каюту вошёл ещё один мужчина и схватил «душителя» за ворот одежды.

– Оставь его, поручик! – приказным тоном потребовал он.

– Да пошли вы все, – прорычал тот озверело. – Я его сейчас...

Тогда вошедший ребром ладони резко ударил его по шее.

– Ах, вот ты как, месье Жан! – взревел «душитель», отпуская шею Митрофана и резко разворачиваясь. – Удавлю, скотина! Да я от тебя мокрого места не оставлю!

Изрыгая чудовищную брань, он набросился с кулаками на «француза». Ну а тот, приподняв локоть, ловко парировал удар и, легко уклонившись от второго кулака поручика, резко выбросил вперёд руку. Застигнутый неожиданным мощным ударом, «душитель» покачнулся, встряхнул головой, и... Когда Митрофан, пытаясь раздышаться, присел на кровати, два тёмных силуэта уже кружили по каюте, молотя друг друга с невероятным ожесточением.

Диего Сантос стоял в стороне и не вмешивался. В течение нескольких минут противники клубком катались по каюте, и было непонятно, кто из них одерживает верх. Однако «француз» оказался проворнее «душителя». Изловчившись, он опустил кулак на голову противника, и тот, охнув, ослабил хватку.

Потом последовала ещё серия ударов по голове поручика, но уже не кулаком, а рукояткой револьвера, который неизвестно как оказался в руке месье Жана. Расправившись с «душителем», «француз» быстро вскочил с пола и прикрикнул на притихшего Диего Сантоса:

– Чего лупишься? Волоки его отсюда – и за борт! Таким идиотам не место в нашей команде! Всякое неисполнение моих приказов приравнивается к предательству нашего общего дела, понял?

Не возразив ни жестом, ни звуком, Диего Сантос склонился над бесчувственным телом поручика, подхватил его под руки и выволок из каюты...

А ещё в памяти Митрофана сохранилось, как две сильные руки подхватили его тело; потом спуск вниз; всплеск воды и... Ну а далее полный провал в памяти.

* * *

На этот раз всё было по-другому. Спрыгнувший в яму мужчина жёсткими пальцами схватил Митрофана за воротник куртки и сзади за брючный ремень. Рывок, и его ноги оторвались от земли. Две пары крепких рук подхватили его сверху, ощущение полёта и «приземления».

Открыв глаза, он увидел луч фонаря и лицо «месье Жана», нависшее над ним. Он закашлялся, тяжело переводя дыхание, и откуда-то издали послышался голос «француза»:

– Господин Бурматов, ответь мне?

Он не мог говорить. Усталость неодолимо овладела телом. Луч фонаря мешал ему видеть озабоченное лицо «месье Жана», стоявшего на коленях рядом с ним.

– Набегался, умаялся, ослина, – проворчал тот, поднимаясь. – Несите в замок, завтра поговорим с ним...

4

Время шло, а Дмитрий так и не появлялся. Маргарита места себе не находила и сторонилась Кузьмы.

До обеда она не вставала с кровати. Затем с помощью париков и косметики меняла внешность до неузнаваемости и бегала за покупками в гастроном.

Обед обычно совмещали с ужином. Ели молча, после чего Маргарита убирала со стола, Кузьма мыл посуду, и они расходились по комнатам.

На ночь она пила вино или водку, чтобы крепко спать, а с утра начиналось то же самое, что и все минувшие дни.

Оставаясь один, Кузьма размышлял о том, что больше не может проживать с ней под одной крышей.

«Как хорошо, что двадцать лет назад мы расстались с ней, – думал он, перебирая в памяти их отношения. – Она и тогда была сумасбродной стервой, но какой-то другой. Мы совершенно разные люди, не созданные для совместной жизни, и она, похоже, понимает это. Но... Тогда

почему она разыскала меня и, рискуя собственной жизнью, освободила? Из-за Дмитрия или по другой причине?»

Ночи были мучительны в своей безысходности. Лёжа на кровати с открытыми глазами, он всматривался в темноту, будто собирался увидеть в ней что-то такое, что помогло бы разобраться в себе и собственных мыслях. Всё, что происходит, Кузьма заставлял себя считать кошмарным сном. Чувство неприязни и раздражения охватывало его всякий раз в присутствии Маргариты. Непредсказуемость её поведения и двойственность натуры, с которыми ему снова пришлось столкнуться по истечении многих лет, угнетала и приводила в замешательство.

– А тебе не кажется, что пора что-то предпринимать? – спросил Кузьма в один из коротких просветов в их непростых отношениях.

– О чём ты? – недоуменно посмотрела на него Маргарита.

– О том, что Дмитрию, быть может, надоело с нами нянчиться, и он решил самоотстраниться от нашего общества?

– Такого не может быть! – категорически отвергла она предположение Кузьмы. – Ты плохо знаешь нашего сына! Только какие-то непредвиденные обстоятельства могут задерживать его, но не то, о чём ты думаешь!

– Тогда объясни мне, куда он уехал, чёрт возьми! – вспыхнул Кузьма. – Какие вы плетёте вокруг меня интриги? Говорите при мне недомолвками, запираетесь и о чём-то шепчетесь.

– Мы бережём твои нервы, – высказала Маргарита, видимо, заранее приготовленный ответ. – Дима считает, что ты и так уже достаточно натерпелся, вот и...

– Хватит, не лги мне! – не дал ей договорить Кузьма, меняясь в лице. – Я уже начинаю подозревать, что вы за моей спиной плетёте какие-то интриги.

На мгновение она замерла; глаза предостерегающе вспыхнули. Губы тронула язвительная улыбка.

– Если бы не Дима, то я бы и не вспомнила о тебе, ничтожество, – сказала она. – Спасая тебя, мы влезли в такую трясину, что не знаем, как из неё выбраться.

– Ну как же, а твоё предложение вернуться в Верхнеудинск? – напомнил Кузьма язвительно. – Ты совсем недавно предложила мне вернуться в наш любимый город, и я согласился.

Маргарита вспыхнула и, потупившись, молча разглядывала пол, впервые не найдя слов для возражений.

Кузьма решительно продолжил:

– Знаешь, давно хочу тебе сказать – мне не нравится ваша игра вокруг меня, в правила которой вы даже не считаете нужным посвящать меня.

Женщина подалась вперёд, не сводя с него глаз, отчего Кузьме стало дискомфортно, однако он овладел собой и натянуто улыбнулся.

– Придёт время, всё узнаешь, – сказала она раздражённо. – Радуйся, что на свободе, а не в «Севвостлаге»!

– Я уже сомневаюсь, что там мне было бы хуже, чем сейчас, – так же резко парировал Кузьма. – Я живу, как в потёмках, не зная, чего ждать от вашей «милой» компании!

– Ах, вот как ты запел? – Маргарита с усилием сглотнула комок в горле. – Если хочешь, проваливай вон! Убирайся и испытывай судьбу от нас отдельно, «господин судебный пристав»! Наверное, она мало поломала тебя в последнее время?

Осторожный стук положил конец их разговору. Поблуднев и часто-часто задышав, Маргарита бросилась открывать дверь. Услышав её радостное восклицание, Кузьма поспешил в прихожую.

– Здравствуйте, родители, я вернулся, – объявил Дмитрий, разуваясь и снимая пальто. – Вы не слишком скучали за время моего отсутствия?

– Сынок! – Маргарита с рыданиями повисла у него на шее. – Ты наконец-то вернулся, родненький мой!

Сын и мать в обнимку вошли в зал, и Кузьма поразился бледности его лица. Он выглядел постаревшим и совершенно измученным.

– Сынок, Димочка, ты хорошо себя чувствуешь? – с беспокойством оглядела его Маргарита.

Дмитрий помотал головой, словно пытаясь взять себя в руки. Когда он заговорил, голос его был ровным и безжизненным, лишённым всяческих эмоций.

– Со мной всё в порядке, мама. Просто я очень устал и валюсь с ног.

– Но-о-о... сынок... – Маргарита в отчаянии заломила руки.

– Мама, я даже есть не хочу, только спать, – прижав к себе, поцеловав её в щёку Дмитрий. – Давайте поговорим обо всём завтра, вы согласны, родители?

– Иди, ложись, сынок, – сказала Маргарита. – Если хочешь помыться, то я согрею воды.

Дмитрий словно не услышал её. Он только прижал мать к груди, а затем, отпустив, ушёл в свою комнату. Раскрасневшаяся от счастья, она проводила его долгим полным любви взглядом и тяжело опустилась на диван.

Кузьма, пожимая плечами, удалился к себе. Ему не хотелось спать, но ещё больше не хотелось видеть Маргариту. К тому же вдруг появилась острая необходимость поразмышлять над странным поведением сына, хотя... Хотя ничего странного в его неожиданном возвращении как будто и не было.

* * *

Стоило ему лечь в кровать, как в дверь постучали. На пороге замер Дмитрий.

– Давай поговорим завтра, сынок, – поморщился Кузьма. – Честное слово, я сейчас очень устал и хочу просто выспаться.

– Нет, нам надо поговорить именно сейчас, – сказал Дмитрий. – У меня есть, что сказать тебе, папа, а ты должен меня выслушать.

Кузьма привстал и свесил с кровати ноги.

– Сынок, сейчас не самое подходящее время для серьёзного разговора, – сказал он. – Ты устал, да и мама по тебе соскучилась. За время твоего отсутствия она места себе не находила.

– Мама подождёт, – поморщился Дмитрий. – Ей не привыкать дожидаться меня из долгих командировок.

Кузьма покачал головой.

– Так нельзя относиться к матери, сынок, – сказал он. – Видел бы ты её в своё отсутствие...

Дмитрий нахмурился.

– Я знаю, что она меня любит, – сказал он. – Я поговорю с ней чуть позже. Она меня за это не осудит.

– Ты в этом уверен? – нахмурил лоб Кузьма.

– Как и всегда, – пожал плечами Дмитрий. – Я с ней прожил очень много лет и знаю её лучше, чем ты, папа.

Кузьма внимательно наблюдал за лицом сына. Его глаза были непроницаемы, но в них было что-то такое, что заставляло напрячься и задуматься.

– Хорошо, заходи, – сказал Кузьма, вставая с кровати. – Раз ты считаешь, что сейчас самое время поговорить, то я не против.

Дмитрий вошёл в комнату.

– Я рад, что ты решился меня выслушать, папа, – сказал он. – А мне есть, что сказать, поверь мне...

– Наверное, ты прав, сынок, – вздохнул Кузьма и чуть не поперхнулся, увидев застывшую на пороге Маргариту. Их взгляды встретились. Покраснев и что-то буркнув, она тут же метнулась к двери своей комнаты.

Проследив за взглядом Кузьмы, Дмитрий резко обернулся, но, не увидев матери, продолжил:

– Наверное, ты прав, папа, – сказал он. – Прежде чем побеседовать с тобой, я должен поговорить с матерью. Она действительно соскучилась по мне, и я должен провести с ней некоторое время в первую очередь.

Взмахнув на прощание рукой, он удалился в комнату Маргариты, оставив Кузьму в полном недоумении.

В эту ночь ему приснилась Алсу. Она стояла, поджидая его на опушке леса, однако, когда он приблизился, она исчезла.

Тревожное чувство усилилось утром. Кузьму не покидало смутное ощущение близости развязки. Зловещие события громоздились, сталкивались, свивались цепью, заслоняя все надежды на лучшее.

Однако для него оставалось всё ещё неясным, что делать дальше. Предложение Маргариты о возвращении в Верхнеудинск он считал глупым и маловероятным, переход через границу в Монголию – невозможным и даже невыносимым, а Маргариту, настаивающую на этой аванюре, – безмозглой дурой.

Беспокойство, всё время живущее внутри Кузьмы, скоро переросло в страх, который всё настойчивее и неотвратимее подталкивал его к бегству. Страх давил, лишал сил и сна. И он уже не мог сопротивляться ему. Кузьма чувствовал, что в компании Маргариты он находится в смертельной опасности. Но мысль о Дмитрии удерживала его от решительных действий. Сын казался ему чужим, фальшивым, и причиной тому Кузьма считал то, что родился он в его отсутствие и вырос без его присмотра.

Следующий день не рассеял тревожного настроения. За столом, во время завтрака, Маргарита сказала:

– Всё, решено, через два дня уезжаем в Улан-Удэ, там находим проводника и уходим за границу.

– Больше ничего не остаётся, – поддержал её Дмитрий.

– Что же вы за люди такие? – Кузьма бесстрастно посмотрел на «родственников». – Я уже который раз говорю, что это сделать невозможно. Ну не знаю я пути через тайгу в Монголию! Не знаю!

– Нам больше нельзя оставаться в СССР, – решительно заявила Маргарита. – Пока мы все вместе, надо принять решение... Это чудо, что мы всё ещё не в лапах НКВД!

– Вот с этого и надо начинать разговор, – как только мать замолчала, продолжил Дмитрий. – Сначала надо вернуться в Верхнеудинск, а там и поговорим!

– Но нам нельзя оставаться в этой стране! – вспыхнула Маргарита. – Она большая и даже очень, но везде нас поджидают арест, и возможно, гибель.

– Я согласен, что надо уезжать отсюда, – сказал Дмитрий. – Но о переходе за границу мы поговорим в Улан-Удэ!

Разговор не получился, и все разбрелись по своим комнатам. Кузьма маялся весь остаток дня, обдумывая сумасбродное предложение Маргариты, и удивлялся её настойчивости. Он обдумывал его и раньше, а потом выбросил из головы, посчитав, что она откажется от своих мыслей сразу же, как только окажется в тайге. Но сегодня, когда она вновь стала настаивать на своём...

«Она сумасшедшая, – думал Кузьма. – И оказавшись в тайге, она будет настаивать на своём. И что мне делать? Я и тогда, много лет назад, не запомнил путь, по которому нас вёл старик бурят, а сейчас, по истечении двадцати лет...»

Во время обеда он не вышел к столу – разболелась голова. Вечером, когда они собрались за ужином, разговор об отъезде в Улан-Удэ и планах перехода за границу возобновился.

– Поездка до Улан-Удэ будет долгой и небезопасной, – объявил Дмитрий. – Но у нас с мамой есть план, который нам поможет.

Маргарита едва заметно кивнула.

– Сработает, можешь не сомневаться, – сказала она, посмотрев на Кузьму. – Главное, слушайте меня и никакой отсебятины!

– Надо будет отрепетировать каждому свою роль, – продолжил Дмитрий. – Так в поезде будет легче, если мы будем знать, что и как сделать.

Кузьма побледнел.

– Да я лучше застрелюсь, – сказал он. – Добираться на поезде несколько суток и быть не пойманными? Да это так же невозможно, как и топтать в Монголию наугад через дремучую тайгу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.